

СОБРАНИЕ

статей, писемъ и рѣчей по поводу
Славянскаго вопроса.

М. П. Погодина.

Издание Д. М. Погодина.

МОСКВА.

Типографія Е. И. Погодиной, Соф. наб. д. Котельниковой

1878.

СБОРНИКЪТ.

СОБРАНІЕ

статей, писемъ и рѣчей по поводу
Славянскаго вопроса.

М. П. Погодина.

Изданіе Д. М. Погодина.

МОСКВА.

Типографія Е. И. Погодиной, Соф. наб. д. Котельниковоѣ.

1878.

Дозволено Цензурою. Москва 28 Января 1878 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нельзя, кажется, болѣе кстати, чѣмъ теперь, издать статьи и рѣчи покойнаго М. П. Погодина, написанныя или произнесенныя имъ въ 1860—75 годахъ, по Славянскому дѣлу. Семнадцать лѣтъ тому назадъ люди, даже образованные, едва знали что-либо о Славянахъ, угнетенныхъ и всячески изтерзанныхъ въ Турціи. Когда въ 1867 году насъ посѣтили Славянскіе гости, то въ Россіи, особенно въ Москвѣ, ихъ приняли вполнѣ радушно, даже восторженно; но многія лица, участвовавшія въ самомъ приѣмѣ и оказавшія имъ всего болѣе гостепріимства, только смутно знали, кого они принимали, и подѣ часть насмѣхались надъ своимъ собственнымъ восторгомъ. Сколько глумленій и оскорбленій должны были перенести люди, впервые въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія заинтересовавшіеся судьбою Славянъ, заговорившіе о Славянствѣ вообще и искавшіе возбудить въ другихъ участіе въ бѣдственномъ положеніи этихъ нашихъ одноплеменниковъ. Хотя такія стремленія и понятія составляли только часть убѣжденій этихъ людей, которые преимущественно настаивали на изученіи и развитіи своей страны и своего народа, и на разумномъ а не слѣпомъ усво-

ени уже выработанной образованности, однако, въ насмѣшку, прозвали ихъ славянофилами. А теперь кто не славянофилъ? Кто теперь не принимаетъ живаго участія въ судьбѣ Болгарь, Сербовъ, Черногорцевъ, Босняковъ и Герцеговинцевъ? Кто не одобряетъ и не сочувствуетъ войнѣ, предпринятой не ради собственной защиты, не въ видахъ завоеваній или иныхъ приобрѣтеній, а въ исполненіе священнаго долга, завѣщаннаго намъ Исторіею, и въ разрѣшеніе великой народной и государственной задачи, которую прежде весьма немногіе сознавали и которая теперь является Россіи несомнѣнною, ясною, почти осязательною? Два года тому назадъ копѣйки, рубли, сотни и тысячи рублей стали стекаться изо всѣхъ концовъ Россіи въ пособіе единоплеменникамъ, борющимся за освобожденіе отъ мусульманскаго ига; сотни, тысячи добровольцевъ спѣшили къ нимъ на помощь.

М. П. Погодинъ былъ одинъ изъ первыхъ, если не самый первый, посѣтившій Славянскія земли съ родственнымъ расположеніемъ и съ предчувствіемъ того, чѣмъ они въ будущемъ должны быть для Россіи. Поѣхавъ за границу въ 1835 году, онъ долго оставался въ Славянскихъ странахъ, познакомился съ тамошними главными дѣятелями и вошелъ въ дружескія сношенія съ первыми возбудителями Славянскаго народнаго сознанія. Знаменитые Шафарикъ, Коляръ, Ганка, Вукъ Караджичъ, Палацкій и другіе сдѣлались его друзьями. Возвратившись въ Россію, онъ чуть-ли не первый возбудилъ въ Русскомъ обществѣ нѣкоторое участіе къ судьбѣ Славянъ, внѣ Россіи живущихъ. Послѣ того много разъ онъ посѣщалъ

Славянскія страны, изучалъ ихъ нравы и исторію, помогалъ имъ совѣтами, книгами и деньгами и, по возвращеніи во свояси, не упускалъ никакого случая, чтобы знакомить своихъ соотечественниковъ съ положеніемъ Славянъ. Неоднократно подавалъ онъ по этому поводу записки разнымъ нашимъ государственнымъ людямъ. Мысль о взаимности между Славянами сильно занимала его во всю его жизнь, и замѣчательно то, что послѣдняя его рѣчь въ Славянскомъ Комитетѣ была и послѣднимъ его литературнымъ дѣломъ на землѣ.

Издаваемыя нынѣ разныя статьи и рѣчи М. П. Погодина по Славянскому вопросу были въ свое время напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; онѣ служатъ продолженіемъ къ книгѣ, изданной въ 1874 году подъ заглавіемъ: „Историко-политическія письма и записки въ продолженіе Крымской войны 1853—1856 года“. Въ первый разъ печатается здѣсь только послѣдняя его рѣчь или, вѣрнѣе сказать, ея наброски, которыя онъ уже не могъ пересмотрѣть и исправить, и которыя являются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ найдены въ бумагахъ покойнаго.

Думаемъ, что эти отрывочные отзывы М. П. Погодина по вопросу, нынѣ всѣхъ живо интересующему, не останутся въ совокупности безъ отголосковъ въ душѣ читателей.

КЪ СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

(писано послѣ Крымской войны).

Чему и какъ надо учить Болгаръ и Сербовъ въ Москвѣ.

Сербовъ, и въ особенности Болгаръ, учится въ Москвѣ очень много, въ университетѣ и семинаріи. Слухъ о вспоможеніи, которое получаютъ они здѣсь, привлекаетъ ихъ единоплеменниковъ болѣе и болѣе. Мы скоро не будемъ знать, что и дѣлать съ ними. Много ихъ перебыло и прежде. Едва ли не большая половина, такъ или иначе, перешла черезъ мои руки. Иные подолгу и жили въ моемъ домѣ, начиная съ знаменитаго Венелина, съ 1830 годовъ. За всѣми я слѣдилъ, и долженъ теперь сознаться, что успѣхъ не совершенно соотвѣтствовалъ принесеннымъ пожертвованіямъ со стороны благотворителей и отчасти правительства. Охоты, жара много, а толку мало. Впродолженіи 30 лѣтъ изъ ста человѣкъ едва ли пять принесли и приносятъ настоящую пользу. Виноваты не столько они, сколько мы. Давно уже я замѣтилъ это, давно говорилъ о мѣрахъ для содѣйствія лучшему успѣху, но голосъ мой есть голосъ вопіющаго въ пустынь, т. е. на Дѣвичьемъ полѣ. Молодые люди учатся, мучатся, изнемогаютъ, умираютъ, соскучиваются, или перестаютъ быть Болгарами, Сербами, т. е. уклоняются совершенно отъ своей цѣли. Два-три сдѣлались Русскими консулами въ Славянскихъ городахъ и приносятъ дѣйствительную пользу, но они приносятъ ее, преимущественно, какъ наши чиновники, а не какъ Сербы, Болгаре. Одинъ еще, воспитанникъ г-на Денкоглу, Филаретовъ, кончивъ курсъ въ университетѣ, устроилъ училище въ Софіи и дѣлаетъ, кажется, хорошо свое дѣло. Не знаю, кого назвать еще. Прочіе, въ родѣ Русскихъ молодыхъ путешественниковъ Петра I, или сматываются

за границу, или являются какими-то недоучеными, не проучеными преобразователями, которые не умѣютъ ни за что взятыя, и, въ разладѣ съ собою, заключаютъ свое поприще отчаяніемъ, или пускаются въ аферы, дѣлаются Русскими.

Чѣмъ же виноваты мы?

А вотъ чѣмъ: мы не учимъ ихъ тому, что надо, а учимъ тому, чему не надо.

Мы требуемъ прежде всего отъ этихъ несчастныхъ, здоровенныхъ 20-ти, 25-ти лѣтнихъ сыновъ природы южной, тѣхъ познаній, какихъ требуемъ отъ своихъ баричей или гимназистовъ, по напичканной всякой всячиной программѣ. Мы экзаменуемъ ихъ такъ, какъ своихъ юношей, и потомъ хотимъ, чтобъ они изучали одинаково всѣ факультетскіе предметы, и теорію уголовного права, и политическую экономію, и Латинскій языкъ, и теорію вѣроятностей, переводимъ ихъ съ курса на курсъ, и даемъ аттестаты на степень дѣйствительнаго студента, или кандидата, какъ будто-бъ они пошли служить въ гражданской палатѣ, или драгунскомъ полку, въ губернской гимназіи, а не отправлялись къ народу, только начинающему гражданскую жизнь, въ среду своего патріархальнаго населенія. Да боитесь ли вы Бога, милостивые государи! На что нуженъ Болгарамъ въ настоящемъ ихъ положеніи Латинскій языкъ, или та и другая теорія, та или другая система? Что имъ дѣлать съ вашими аттестатами? Для чего имъ это торжественное поступленіе? Слѣпецъ слѣпца ведетъ, и оба падаютъ въ яму. И вотъ несчастные, пріѣхавъ въ Москву, употребляютъ обыкновенно года два на приготовленіе къ экзамену, долбятъ, если не Латинскую, то Французскую грамматику, которая имъ еще менѣе необходима, исторію, географію, статистику и проч. и проч. Лобъ трещитъ у бѣдняковъ, и многіе получаютъ чахотку, или по крайней мѣрѣ расположеніе къ ней. Въ университетѣ четыре года опять то и дѣло приготовленіе къ экзаменамъ со множествомъ ненужныхъ для нихъ, и не столько

содѣйствующихъ, сколько мѣшающихъ знаній. Нельзя безъ жалости смотрѣть на тѣ истязанія, на тѣ пытки, коимъ подвергаются вольные мученики своего и нашего невѣжества, ослѣпленія, рутины. Сколько времени потеряно, сколько трудовъ употреблено даромъ! Какія силы погублены изъ-за пустыхъ, лишнихъ для нихъ знаній! А скука-то, досада какая заражается въ душѣ, которая не получаетъ удовлетворенія своихъ темныхъ требованій. Университетъ, академія—они надѣялись почерпнуть тамъ всю премудрость, старались, хлопотали, и въ результатѣ нуль, и то отрицательный. Если Болгаринъ хорошо усвоилъ университетскій курсъ, то онъ сдѣлался Русскимъ, и нарочитъ остаться въ Россіи, опредѣлиться на службу и воспользоваться выгодами цивилизаціи, забывая бѣдное свое отечество. Если онъ не хорошо кончилъ курсъ, то-есть, если не хватило у него силъ на овладѣніе схоластически всѣми предметами, и онъ не надѣется успѣть, то отправляется на родину, отставъ отъ своихъ и не приставъ къ чужимъ, ни павою, ни вороною. Нельзя себѣ представить ничего печальнѣе возвращенія этихъ людей съ обманутыми надеждами, разстроеннымъ здоровьемъ, со неутоленною жаждою. Ни то, ни се—вотъ ихъ изображеніе. Еслибъ былъ успѣхъ у этихъ господъ, вавѣрное бы они дали знать о себѣ къ своимъ знакомымъ, или къ своимъ преемникамъ, чтобъ сообщить первымъ любопытныя свѣдѣнія, которые для нихъ нужны: или полезные совѣты для другихъ, которые для тѣхъ еще нужнѣе. Описать свою страну, какъ она есть,—обряды, обычаи, занятія, обыкновенія, произношенія нарѣчія,—и это было бы уже въ высшей степени для насъ занимательно! Нѣтъ, не слышно ни объ какомъ отзывѣ. Одинъ только Филаретовъ сообщаетъ извѣстія о Софійскихъ училищахъ. Значитъ, что прочіе или ничего не дѣлаютъ, или ничего не понимаютъ, что имъ и намъ нужно.

Какъ же помочь дѣлу?

Я рѣшаюся напечатать свои замѣчанія: авось ктонибудь прочтетъ ихъ изъ тѣхъ, кто можетъ привести ихъ въ исполненіе.

Болгарь и Сербовъ, пріѣзжающихъ сюда, надо учить сначала только Русскому языку, какъ средству познакомиться и присвоить себѣ впослѣдствіи названія, кому какія нужны изъ Русскихъ книгъ.

Теперь, среди множества другихъ труднѣйшихъ предметовъ, они учатся Русскому языку, такъ сказать, мимоходомъ, и не узнаютъ его порядочно.

Одинъ порядочный учитель, не за дорогую цѣну, какой-нибудь хорошей священникъ, будетъ учить ихъ всѣхъ вмѣстѣ, а теперь каждый изъ нихъ платитъ учителю порознь.

Выучившись Русскому языку, послѣ, или даже въ то же время, онъ преподастъ имъ религіозное наставленіе, познакомитъ съ православною церковью, ея догматами и богослуженіемъ сравнительно съ католическою и протестантскою, съ коими Болгаре призваны бороться въ своей отчизнѣ.

За Русскимъ языкомъ и Закономъ Божиимъ должны слѣдовать прочія Славянскія нарѣчія: церковное, Болгарское и Сербское, пожалуй—Чешское и Польское.

Далѣе—обозрѣніе исторіи Древней и Новой, исторія подробная всѣхъ Славянскихъ племенъ, прежде всѣхъ Болгарскаго, Сербскаго, Русскаго, Польскаго; Чешскаго и проч. исторія Греціи, Турціи.

Съ хорошимъ познаніемъ Русскаго языка имъ легко будетъ, при легкомъ руководствѣ, познакомиться, хорошо изъ книгъ съ исторіей.

Географическое и статистическое обозрѣніе Европейскихъ государствъ. Понятія о прочихъ частяхъ свѣта.

Общія понятія объ Естественной исторіи, обращая преимущественное вниманіе на тѣ произведенія, коими изобилуетъ ихъ родина.

Познакомясь, или знакомясь со всѣми этими предметами, если молодой человекъ покажетъ особенное расположеніе, способность къ какой-нибудь наукѣ, — а, милости просимъ въ университетъ, въ академію, и слушай онъ тамъ эту науку, занимайся ею сколько угодно, подъ профессорскимъ надзоромъ, не подвергаясь впрочемъ никакимъ экзаменамъ, отнимающимъ даромъ время.

Въ два-три года можно сообщить всѣ эти свѣдѣнія, и молодые люди приняли-бъ ихъ съ удовольствіемъ, не обременяя ни памяти, не притупляя способностей надъ мертвыми тезисами. Гораздо веселѣе воротились бы они на родину, и гораздо легче нашли бы средства прилаживать ихъ къ тамошней жизни.

Никакой формальности, никакой дисциплины и правильности не нужно для Болгаръ и Сербовъ на настоящей степени ихъ развитія. Надо освѣтить только нѣсколько голову, возбудить, умѣючи, любопытство, сообщить общія понятія о состояніи Европы, посвятить сѣмена образованія. Для науки, дисциплины, для системы придетъ послѣ свой чередъ.

Мнѣ рассказывали о школѣ въ Пресбургѣ, бывшей сначала подъ руководствомъ Червенака, а потомъ Стура. Учитель приходилъ нынѣ въ классъ и рассказывалъ ученикамъ, на примѣръ, исторію бабочки, завтра передавалъ житіе Св. Кирилла и Меодія, потомъ описаніе Индіи, покореніе Константинополя Турками, излагалъ то или другое сочиненіе прииѣчательное, читалъ пѣсню съ объясненіями, біографію знаменитаго соотечественника. Ученики слушали все съ вниманіемъ глубокимъ, повторяли, изучали, и чрезъ короткое время оказывали великіе успѣхи, развивались.

Такіе опыты совѣтывалъ бы я дѣлать пока и въ Болгаріи *).

Это будетъ веселѣе для мальчиковъ, чѣмъ скучать надъ пара-

*) Да и у насъ такія бесѣды, если не училища, не остались бы безъ пользы.

графами, правилами и формулами. Учебныя упражненія въ своемъ языкѣ должны продолжаться непрерывно. Точно также и въ языкѣ Русскомъ, чрезъ который въ Болгаріи и Сербіи должны распространяться всѣ свѣдѣнія. Нигдѣ легче пріобрѣсти ихъ Болгаре и Сербы не могутъ. Языкъ послужить вмѣстѣ самую крѣпкой связію между нами и этими племенами.

Гдѣ лучше всего устроить такой пріютъ для Болгаръ и Сербовъ?

По моимъ наблюденіямъ, Московскій климатъ имъ не благопріятствуетъ. Лучше всего на югѣ. Въ Одессѣ дорого, — ну такъ въ Крыму, напримѣръ въ Севастополѣ, гдѣ есть столько готовыхъ зданій, хотя безъ крышъ. Славяне были-бы ближе къ своей родинѣ, пользовались бы одинакимъ климатомъ, ихъ содержаніе стоило бы гораздо меньше: и они скорѣе достигли бы своей цѣли. Для окончательнаго образованія, овладѣвъ вполне Русскимъ языкомъ, они могли-бы, какъ я замѣтилъ выше являться въ Кіевъ или Москву, и тамъ заниматься, чѣмъ кому угодно, по способностямъ и по расположенію.

Февраля 29.
1860.

Окружное посланіе къ Славянамъ.

1862 года, Марта 25 въ день Благовѣщенія.

Славяне намѣрены праздновать тысячелѣтіе своей грамотности, своего христіанскаго просвѣщенія, въ нынѣшнемъ 1862, или слѣдующемъ 63 году, 11 мая, въ день, посвященный памяти ихъ первоучителей Св. Кирилла и Меѳодія.

Мысль животворная! Западные Европейскіе народы считаютъ эпою основаніе своихъ государствъ остриемъ меча. Мы, восточные, должны начинать нашу исторію именно съ апостольской дѣятельности безсмертныхъ братьевъ, изобрѣтшихъ нашу азбуку, извоувѣстившихъ намъ Слово Божіе на родномъ языкѣ, между тѣмъ какъ прочіе осуждены были долго слышать его не слышать, и видяще не разумѣть.

Гдѣ-же справить намъ нашъ славный праздникъ?

Въ *Царьградѣ*?—Въ Царьградѣ, правда, апостолы наши получили свое образованіе; изъ Царьграда пошли они на святую прѣповѣдь, приобрѣвъ всѣ нужныя для того средства и пособія. Но увы! градъ Константиновъ давно ужъ томится подъ властію Турокъ, надъ Святой Софіей висится полумѣсяцъ, и языкъ Кирилла и Меѳодія преслѣдуется Греческими Патріархами гораздо жесточе Римскихъ Папъ во время оно.

Въ *Болгаріи*, съ которой началось благовѣстіе для которой переведены первоначально священныя книги? Нѣтъ, тамъ не посмѣемъ мы и ударить въ колоколь, чтобы созвать православныхъ христіанъ на молитву.

Въ *Москвѣ*? Въ Москвѣ, пріавшей священное наслѣдіе, хранящей искони и чтущей древнее слово во всей чистотѣ его, считающей всегда много искреннихъ ревнителей Славянскаго дѣла? — Нѣтъ, вся Европа всполошится за свое равновѣсіе, и припишетъ церковному, народному, ученому торжеству политическій характеръ; всѣ посланники и дипломаты прозрѣютъ здѣсь съ трепетомъ панславянскіе замыслы, и въ смиренныхъ паломникахъ заподозрятъ опасныхъ революціонеровъ, угрожающихъ обществу нарушеніемъ спокойствія. Нѣтъ, Въ Москвѣ нельзя быть торжеству еще менѣе, чѣмъ въ Константинополѣ.

Такъ въ *Брюннѣ* (Брно), гдѣ Св. Меѳодій, незадолго предъ кончиною, святилъ церковь: гдѣ покоится прахъ Добровскаго, третьяго изобрѣтателя славянской грамоты?

Или въ *Прагѣ*, гдѣ училъ Св. Прокошій, гдѣ въ XI еще вѣкѣ процвѣталъ его православный монастырь, гдѣ Гусситы напомнили народу первоначальное ученіе?

Или въ *Краковѣ*, древней столицѣ Польши, въ *Варшавѣ*, новой ея столицѣ?

Но тамъ вездѣ раздается Латинскій языкъ, совершается богослуженіе по Римскому обряду! Какъ можетъ быть Славянское собраніе въ честь Св. Кирилла и Меѳодія безъ совершенія литургіи, ими переведенной, на ихъ языкѣ, ихъ собственными словами, тѣми словами, кои, за тысячу лѣтъ ими произнесенныя, сохраняются у насъ въ цѣлости и неприкосновенности, какъ будто въ это мгновеніе излетѣли изъ ихъ устъ? Развѣ мыслима Латинская мша въ честь Св. Кирилла и Меѳодія? Не будетъ ли она ругательствомъ надъ ихъ памятью, вмѣсто возданія ей подобающей чести? Нѣтъ, торжеству слѣдуетъ совершиться тамъ, гдѣ есть Православная церковь.

Въ *Вѣннѣ*?—Въ Вѣннѣ оно можетъ быть разогнано пушками, какъ Славянскій съѣздъ 1848 года, или окружится съ одной

стороны противною спирою, оскверняющею всякое благочестивое чувство, съ другой—названными диллетантами, которые захотятъ выразить при этомъ случаѣ свою ненависть къ настоящему порядку вещей.

Въ *Берлинъ*? Нѣтъ, тамъ все населеніе питаетъ враждебныя чувства къ Славянамъ, тамъ воздухъ носится антиславянскій; тамъ собраніе можетъ подвергнуться публичнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, подать поводъ къ прискорбнымъ столкновеніямъ.

Неужели-же въ *Парижъ*, подъ покровительствомъ Наполеона III, или въ *Лондонъ*, подъ охраной Англійской конституціи? Избави Господи! Это первые друзья Турокъ.

Бѣдные Славяне! Васъ чуть-ли не сто милліоновъ; пол-Европы занимаете вы даже теперь подъ своимъ поселеніемъ, а прежде разсыпаны были вездѣ, по всему ея пространству, до крайнихъ предѣловъ; но сынамъ вашимъ, смиреннымъ, безоружнымъ, слабымъ поклонникамъ, негдѣ преклонить голову! Нѣтъ мѣста во всемъ раздольномъ Божіемъ мірѣ, гдѣ-бы они могли помолиться спокойно, свободно, не оглядываясь, не стѣняясь, не тревожась!

Ужь не уйдти ли имъ въ пустыню, и воспѣть тамъ жалобную пѣснь Давидову:

«На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внемъ да помянути намъ Сіона....прильпни языкъ...гортани»... А кстати,—псаломъ этотъ имѣетъ грозное окончаніе: «Помяни, Господи, сыны Едомскіе, въ день Иерусалима глаголющіе: «истощайте, истощайте, до основаній его. Дщи Вавилоня окална! блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое..... блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твои о камень». Кто же это сыны Едомскіе? Кто же дщи Вавилоня?

Да, отчаянное положеніе Славянъ въ Европѣ! Здѣсь угнетается ихъ вѣра, и они принуждены искать себѣ покровительство у Магомета, или у Папы.—Тамъ вмѣсто пастырей насылаются

на нихъ волки въ одеждѣ овчей, изъ которыхъ иные не пасти, а грабить только, сосать ихъ кровь, способны. Здѣсь вырывается у нихъ языкъ, и они принуждены въ судоргахъ извлекать изъ своей груди чужіе, противные звуки. Тамъ они должны кланяться исконнымъ врагамъ Христова имени и подвергаться ихъ незаконному суду безъ прекословія. Дѣти осуждены на невѣжество, безъ малѣйшихъ средствъ для образованія; жены и дочери подвергаются безпрерывнымъ поруганіямъ, имущество—добыча перваго разбойника. На землѣ ихъ пируютъ пришлые, незванные гости, и смѣются въ глаза надъ ихъ униженіемъ, заставляя ихъ служить и жертвовать сборному отечеству (gesammtes Vaterland).

Господи! неужели все это должно быть такъ? Неужели Славянамъ нѣтъ никакой надежды на спасеніе?

Лице Европы обновляется. Народы уразумѣваютъ свои нужды, и стремятся къ улучшенію своего быта. Италія пріобрѣла почти себѣ свободу и избавляется изъ подъ чужаго вліянія. Раздѣленная Германія ищетъ средствъ соединиться и предъявляетъ торжественно свои желанія. Валахія и Молдавія составляютъ уже одно цѣлое. Жители Ионическихъ острововъ провозглашаютъ сліяніе съ Греческимъ королевствомъ. Евреи получаютъ себѣ вездѣ права. Сѣверные-Американскіе Штаты воюютъ во имя освобожденія Негровъ отъ рабства, Негровъ, черныхъ дѣтей Хамовыхъ. Что же? только Славяне должны оставаться вѣчно въ одномъ страдательномъ своемъ положеніи, пресловутомъ *statu quo*? Нѣтъ, это противно всѣмъ понятіямъ о справедливости Божеской и человѣческой!

Въ Европѣ образуется новая держава безъ центра и предѣловъ, безъ бюрократіи и дипломатіи, безъ палатъ и министровъ. Это—общественное мнѣніе, которому начинаютъ мало-по-малу подчиняться самые сильные и умные міра сего.

Къ нему, къ нему должны обратиться Славяне. — Другихъ средствъ теперь не предвидится. Никто за нихъ заступиться не можетъ, не хочетъ, или не умѣетъ. Вездѣ слышатся однѣ клеветы, напраслины, корыстныя, лживыя показанія. /

«Друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближишася... и ищущіе душу мою, ищущіе злая мнѣ, глаголаху суетная, и лъстивымъ весь день поучахуся».

Кавура негдѣ взять Славянамъ, Гарибальди и настоящему нечего дѣлать пока на островѣ Капрерѣ; надо искать хоть Петра пустытника! Пусть, одѣтый во вретича, препоясанный ремнемъ, обойдетъ онъ Европу босыми ногами, и повѣдаетъ всѣмъ добрымъ людямъ ихъ несчастную судьбу; докажетъ очевидно, что бѣдствія Славянъ далеко превосходятъ, нейдутъ даже въ сравненіе съ обстоятельствами Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венгровъ, Ирландцевъ, возбуждающихъ благородное участіе во всѣхъ чистыхъ сердцахъ; пусть провозгласитъ онъ торжественно отъ ихъ имени, что терпѣніе истошилось, и что тяжелаго креста своего они не могутъ нести долѣе...

| Славяне въ настоящую минуту не питаютъ никакихъ лишнихъ желаній, не думаютъ сбрасывать съ себя чуждое иго, готовы служить каждому своему правительству, не ищутъ своей собственности, владѣй ею кому она досталась, въ слѣдствіе историческихъ событій; *но оставьте покрайней мѣрѣ ихъ вѣру*, оставьте имъ ихъ *языкъ*, не считайте ихъ илотами на собственной землѣ, не отнимайте у нихъ того, что случится имъ пріобрѣсти въ потѣ лица трудами рукъ своихъ; дайте имъ средства учиться, и сдѣлаться достойными Европейскими гражданами, на общихъ правахъ со всѣми.

Не законны ли эти желанія? Что въ нихъ есть чрезмѣрнаго и неудобноисполнимаго, или опаснаго?

Помилуйте—Славяне вѣдь бѣлые, вѣдь они христіане, вѣдь они древнѣйшіе Европейскіе старожилы} и принадлежатъ вмѣстѣ

съ вами къ потомству Іафетову? Вспомните, сколько великихъ услугъ оказали они всѣмъ вамъ, принимая на себя удары грозныхъ Азіатскихъ варваровъ даже до новаго времени, до спасенія Вѣны, Вѣны, которая воздаеть имъ такую чувствительною благодарностію,

{ Дѣло Славянъ чисто, праведно и свято. Европа должна принять его къ сердцу, должна внять ихъ горестнымъ воплямъ, и подать имъ помощь дѣйствительную, а не отвлеченную, — не номинальную, какъ то сдѣлано въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года, гдѣ она думала только объ уничтоженіи Россіи, а не объ облегченіи Славянъ, за которыхъ заступалась Россія, естественная, историческая ихъ союзница, защитница и покровительница.}

Но Славяне должны быть согласны между собою, — къ нимъ обращаемъ мы теперь простую рѣчь свою. Вотъ важнѣйшее, главное условіе успѣха.}

А могутъ ли они похвалиться своимъ согласіемъ? Въ какомъ разнообразномъ сонмѣ, на примѣръ, явятся они на свѣтлый свой праздникъ? Что отвѣтятъ Католики, Протестанты, Кальвинисты, Уніаты, Магометане, на вопросъ: какъ сохранили они священную заповѣдь своихъ безсмертныхъ наставниковъ, отдавшихъ всю жизнь на ихъ просвѣщеніе?

Они сошлются на какую-то роковую историческую необходимость, разметающую мирное племя по неизмѣримымъ пространствамъ, подвергнувшую его пагубному вліянію хищныхъ лукавыхъ, вѣроломныхъ сосѣдей; но нельзя отрицать, что собственные ихъ раздоры содѣйствовали больше всего этому пагубному вліянію.

{ Междоусобія лишили Славянъ и политической независимости: Болгарія, Сербія, Боснія, Моравія, Польша, Кроація, Паннонія, Славонія, Далмація, Стирія, Каринтія — изъ сильныхъ государствъ упали на степень подчиненныхъ провинцій.}

Да и теперь, стеная подъ игомъ, развѣ выучились Славяне этой, все еще непостижимой для нихъ, наукѣ согласія, наукѣ взаимныхъ уступокъ? Развѣ умѣютъ они пользоваться вѣковыми тяжелыми опытами?

Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ! Поляки ненавидятъ Русскихъ, Чехи не ладятъ съ Моравянами, Кرواتы ревнуютъ Сербамъ, Босняки чуждаются Болгарь.

/ И вотъ, оплакивая это несчастное расположеніе, осмѣливаемся мы, Русскіе, меньшіе и младшіе изъ братьевъ, сохраненные судьбою въ политическомъ отношеніи, обратиться къ старшимъ братьямъ съ словомъ мира и любви, въ день нашего общаго праздника, празнуя тысячелѣтіе Славянской литургіи и грамотности, съ которымъ, по удивительному стеченію обстоятельствъ, сходится Всероссійское тысячелѣтіе.

{ Пора, пора намъ, откинувъ природную лѣнь, безпечность и равнодушіе, пора намъ понять свое положеніе, одушевиться одною мыслию, рустремитъ къ одной цѣли и собрать все свои силы для ея достиженія.

У насъ у всѣхъ есть благонадежная точка соединенія: это — языкъ, прошедшій цѣло и невредимо чрезъ все испытанія, чрезъ все пожары и наводненія, чрезъ все войны и нашествія, не смотря на все эти козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ достигшій высокой степени совершенства по всемъ почти нарѣчіямъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Языкъ — это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего спасенія, залогъ нашихъ успѣховъ. }

При началѣ славянской исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсказать однѣ и тѣ же сѣмена по всемъ странамъ Славянскимъ. О если бы теперь, исполняющемуся тысячелѣтію, о если бы теперь

за литургіей святыхъ Кирилла и Меѳодія, услыша ихъ вѣщіе звуки, встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ враждующихъ между собою, разномыслящихъ братьевъ!

О, если бы возродились они въ единомъ и любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!]

Вотъ была бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на чтобъ они откликнулись, кажется, съ высокаго неба и ниспослали бы намъ долу отеческое благословеніе!

Вотъ было бы вмѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, лучшее выраженіе нашей признательности къ трудамъ, усиліямъ и заботамъ милыхъ, дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу, — Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Коляра, Мицкевича, Сметану, Челаковскаго, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, — вслѣдъ за Милушиновичемъ, Юнгманомъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Прешлемъ, Дубровскимъ). Увы! никто изъ нихъ, умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: «Нынѣ отпускаеши, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣша очи мои спасеніе Израиля!» Увы! всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, не видя единаго луча надежды, истекая кровью, точившеюся изъ сердца.

Помолимся же, братія, въ этотъ приснопамятный для насъ день, молитвами святыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вмѣстѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, позабывъ наслѣдственную ненависть и злобу, прощая другъ другу и врагъ врагу; помолимся едиными устны и единымъ сердцемъ Милосердому Богу, *да не до конца Онъ прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ*: помолимся, да снизойдетъ къ намъ миръ, — и будетъ едино стадо и единъ Пастырь!

Къ Галицкимъ братьямъ.

Остапъ, запорожскій казакъ, захваченный Поляками въ плѣнъ, осужденъ былъ на смертную казнь въ Варшавѣ. Выведенный на площадь, вмѣстѣ съ своими товарищами, онъ преданъ былъ палачамъ. „Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ,“ повѣствуетъ намъ поэтъ. «Ни крика, ни стога не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости; когда ужасный хряскъ ихъ послышался, среди мертвой толпы, отдаленными зрителями; когда паняпки отворотили глаза свои, — ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнуло лицо его. Тарасъ (Бульба, отецъ его,) стоялъ въ толпѣ, потушивъ голову, и въ то же время, гордо приподнявъ очи, ободрительно только говорилъ: *Добре, сынку, добре!*»

«Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя. Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ, И упалъ онъ силою, и воскликнулъ въ душевной немощи: *«Батъка, гдѣ ты? Слышишь ли ты все?»*»

«Слышу,» раздалось среди всеобщей тишины....

Пятьсотъ лѣтъ страдали, мучились и стонали, тлѣя на тихомъ огнѣ, Галичане, наши родные братья, подъ игомъ враж-

дебныхъ племень, враждебныхъ религій, враждебныхъ языковъ! Они должны были скрывать тщательно свое происхожденіе, они должны были отпираться отъ своего родства, они должны были искажать свое имя,—все страха ради Іудейска.

Но исполнилась наконецъ мѣра ихъ долготерпѣнія! Подъ ножами, подъ кинжалами, среди всѣхъ сатанинскихъ козней, несмотря ни на какія опасности, грозящія имъ гибелью, прерывистымъ, истомленнымъ голосомъ, задыхаясь, они восклицаютъ въ лицо своимъ врагамъ: „Мы—Русскіе,“ и прибавляютъ, кажется, обращаясь къ намъ, подобно замученному Остапу: „братья! слышите ли вы?“

Слышимъ, слышимъ!

И пусть этотъ откликъ, искренній, изъ глубины сердца извлеченный, освѣжитъ ваши слабѣющія силы, утѣшитъ васъ въ вашихъ бѣдствіяхъ, несчастные братья!

Въ комъ бьется сколько-нибудь человѣческое сердце, кто связанъ сколько-нибудь съ своимъ отечествомъ, съ своимъ племенемъ, кто чувствуетъ сколько-нибудь свои историческія обязанности, тотъ не могъ бы безъ внутренняго волненія, безъ умиленія, читать заявленія Галичанъ, переданныя намъ *Московскими Вѣдомостями* изъ Львовской газеты *Слово* (въ статьѣ, за которую нельзя довольно благодарить ихъ!). Повторимъ эти выраженія, простые, истинныя, бюющія жизнію, представляющія рѣзкую противоположность со всѣмъ тѣмъ, что слышится теперь въ Европѣ, на колотырныхъ рынкахъ, въ поврежденныхъ палатахъ и перекушныхъ газетахъ.

„Въ 1848 году насъ спрашивали: кто мы? Мы сказали, что мы всемирнѣйшіе Ruthenen, (Господи, если бы наши праотцы узнали, что мы сами прозвали себя этимъ именемъ, какими окрестили насъ во время гоненія наши лютѣйшіе враги, они зашевелились бы въ гробахъ!). „Но можетъ быть, вы Русскіе?“

допрашивалъ насъ Стадіонъ (бывшій намѣстникъ и эксъ-министръ). Мы клялись душой и тѣломъ, что мы не Русскіе, Russen, но что мы Ruthenen, что наша граница на Збручѣ, что мы отречаемся отъ такъ-называемыхъ Русскихъ, какъ отъ окаянныхъ схизматиковъ, съ которыми не хотимъ имѣть ничего общаго. „Какое ваше письмо?“ допрашивали насъ дальне. Мы сказали, что наше письмо такое же, что и въ церковныхъ книгахъ, и снова клялись душой и тѣломъ, что гражданка есть *Serbisch-russische Civilschrift*, отъ котораго мы отрицаемся какъ отъ чужаго.“

„Зачѣмъ же мы не сказали въ 1848 году, что мы Русскіе?.. Потому что тогда насъ бы испугались, какъ племени, связаннаго тысящелѣтнею исторіей, церковнымъ обрядомъ, языкомъ и литературою, съ великимъ Русскимъ народомъ, --племени, готоваго ежеминутно оторваться отъ Австріи, и не допустили бы насъ до политическихъ правъ, придушили бы насъ слабыхъ совершенно, такъ, чтобы мы и не дыхнули дыханіемъ Русскимъ.“

Что же побуждаетъ теперь Галицкихъ Русскихъ возвысить свой голосъ?

Опасеніе, что графъ Голуховскій, истый Полякъ, будетъ назначенъ канцлеромъ Галиціи, и опасеніе подвергнуться „обдуманному систематическому гоненію, какъ это уже было въ достопамятное десятилѣтіе прежняго намѣстничества графа.“

Въ виду Польскаго канцлерства,“ восклицаетъ Львовское *Слово*, „настало время, по нашему мнѣнію, переступить намъ Рубиконъ, и сказать откровенно во всеуслышаніе: мы не можемъ отдѣлиться китайскою стѣной отъ нашихъ братій и отречься отъ литературной, церковной и народной связи съ остальнымъ Русскимъ міромъ, мы не Рутены 1848 года, мы *настоящее Русскіе*.“

И всѣдъ за галицкими Русскими Русскіе въ Венгріи откровенно заявляютъ теперь о своемъ близкомъ родствѣ съ населеніемъ Рус-

ской Имперіи, и именуютъ Русскій литературный языкъ своимъ извѣчнымъ, прирожденнымъ достояніемъ, какъ плодъ исторической жизни Русскаго народа.

И мы Русскіе! восклицають дѣти Карпатскихъ горъ, въ Венгріи, на родинѣ Венелина, Орлая, Янковича, Кукольника!

А какъ легко имъ было выговорить вслухъ эти слова, читатели могутъ вообразить, припомнивъ прекрасную статью Н. А. Попова, помѣщенную во 2-мъ № *Современной Литературы* на этотъ годъ о послѣднихъ выборахъ въ Венгріи, гдѣ кровью обогрились мѣста ихъ, и нѣсколько человѣкъ пало жертвою разъяренныхъ враговъ, за одно признаніе своего имени!

Государи и правительства имѣютъ свои отношенія между собою, свои обязательства, договоры, условія, виды, намѣренія. Мы, Русскіе, никогда не вмѣшивались до сихъ поръ въ дѣйствія нашего правительства, касательно внѣшнихъ сношеній, и хорошо дѣлали, судя по слѣдствіямъ, ибо, благодаря этому порядку, правительство содѣйствовало болѣе всего образованію такого государства, которое представляетъ теперь почтенную силу въ 80 милліоновъ человѣкъ, и можетъ употреблять ее по усмотрѣнію. Но мы имѣемъ теперь полное право, дарованное намъ благодушнымъ нашимъ Государемъ, выражать свое искреннее мнѣніе о всѣхъ текущихъ государственныхъ вопросахъ. Пользуясь этимъ правомъ, мы считаемъ своею священною обязанностію заявить живое сочувствіе къ тягостному положенію нашихъ родныхъ братьевъ, и въ отвѣтъ на ихъ вопли, раздирающія душу, послать имъ одно слово: слышимъ, слышимъ! Неужели мы не можемъ сказать его? Сохрани Боже!

Если Нѣмцы сочли долгомъ подняться съ оружіемъ въ рукахъ за освобожденіе Голштиніи и Шлезвига, изъ-подъ легкаго владычества Датскаго, то какъ же мы, Русскіе, будемъ преходить молчаніемъ, оставляя безъ теплаго участія судьбу милліоновъ Русскихъ братьевъ въ Галиціи и Венгріи? Неужели мы побоимъ-

ся замолвить за нихъ *слово, только слово*, — *слово мира, любви, естественнаго права?* Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Низкій поклонъ, горячій привѣтъ, выраженіе глубокаго почтенія посылаемъ мы вамъ изъ Москвы и Кіева, Казани и Архангельска, Вильны и Астрахани, Чернигова и Владиміра, Камчатки и Ташкента, Тифлиса и Одессы, наши милые, несчастные братья, и повторяемъ вслѣдъ за вами: мы всѣ одно цѣлое, нравственное цѣлое, — крови, языка, вѣры.

Свидѣтельствуемъ мы вамъ еще искреннюю благодарность за то, что вы своимъ благороднымъ, высокимъ, великодушнымъ, умилительнымъ заявленіемъ вразумляете нѣкоторыхъ нашихъ отщепенцевъ, которые, близорукіе и подслѣпые, замыслили было безумный расколъ въ нѣдрахъ великаго отечества, забывая, что оно есть единственная опора всего Славянскаго, угнетеннаго народа.

Нашъ славный поэтъ, Всеславяцскій поэтъ, давно взывавшій со скорбію: Галичъ! гдѣ твои сыны? предвидѣль незадолго передъ своєю кончиной, которую мы еще горько оплакиваемъ, настоящее Европейское замѣшательство:

....Съ полудня темной
Тучей кроетъ небеса;
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.
Гуль растеть, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ, въ бранномъ спорѣ
Заяпнитъ весь міръ земной.
Чтобъ страданьями—свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать.

Да, наступаетъ время въ Европѣ страшное и грозное. *Се женихъ грядетъ въ полночи, и блаженъ рабъ, его же об-*

*рящеть бдяща, недостойнъ же, его же обрящеть уны-
вающа!*

Въ заключеніе, позвольте вамъ, братья, напомнить въ обод-
реніе и утѣшеніе слова Спасителя: *Претерпѣвый до конца
той спасенъ будетъ.*

20-го Сентября 1866 г.

Объ отношеніи Россіи къ Славянамъ.

Изъ политическаго обозрѣнія 1867 года.*)

.....Въ сосѣднихъ государствахъ, Австрійскомъ и Турецкомъ, живетъ до тридцати милліоновъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, Славянъ, которыхъ покровителями и защитниками быть обязываетъ насъ сама природа и христіанская религія. Въ числѣ этихъ 30 милл. есть еще до 4 милліоновъ нашихъ братьевъ родныхъ, Русскихъ въ Галиціи и Венгріи. Если Германія сочла обязанностію освободить своихъ единоплеменниковъ, Нѣмцевъ, изъ подъ ига, весьма необременительнаго, Датчанъ, нечуждыхъ имъ по происхожденію, и не только освободить нравственно, но и отдѣлить вещественно, и присоединить къ своему составу: то не справедливо ли, не обязательно ли, не законно ли, не необходимо ли Россіи дѣйствовать также въ отношеніи къ Славянамъ, угнетеннымъ въ Магометанской Турціи? Я спрашиваю всякаго безпристрастнаго Европейца, и смѣю думать, что никто не дастъ мнѣ отвѣта отрицательнаго. Россія дѣйствовала такъ, не смотря на помѣхи, и продолжала такъ дѣйствовать, но въ 1855 году всѣ Европейскія государства вступились и приняли на себя ея обязанность. Что же вышло? Почитайте газеты, и дружескія и враждебныя. Россія указывала Европейскимъ государствамъ на опасности, угрожающія съ этой стороны Европѣ. Никто не хотѣлъ ее слушать. И вотъ Славяне,

*) См. въ V томѣ сочиненій.

выведенные изъ терпѣнія, собираются возстать. Помогать имъ, въ исполненіе нашего сердечнаго влеченія, нашей священной обязанности, намъ опять помѣшаютъ. Въ отвращеніе Европейской войны и возбужденія смуть мы, пожалуй, останемся въ покоѣ, но уже не прикасайся никто къ восточному вопросу: пусть Греки и Славяне дѣлаютъ свое дѣло, рассчитываются съ Турками, а тамъ—что Богъ дастъ, то и будетъ.

Вопросъ Славянскій есть вопросъ сложный.—Славянъ большая половина находится еще въ Австріи, гдѣ хотя господствуетъ не ислаимзмъ, но племенное и религіозное различіе дѣйствуетъ еще разительнѣе, чѣмъ въ Турціи. Въ Турціи подвергается опасностямъ и мученіямъ тѣло Славянъ, въ Австріи—душа. Тоже доказываетъ и Исторія: какъ Крестоносцы и Папы не могли терпѣть православія, и были врагами Восточной Церкви больше, чѣмъ Магомету, такъ точно и теперь католичество считаетъ православіе ересью, а протестантизмъ—идолопоклонствомъ. Католики угнетаютъ православіе, вмѣстѣ и языкъ, то-есть самыя драгоценныя, завѣтныя принадлежности свободнаго, мыслящаго человѣка. Прочтите исторію Богеміи со временъ Гусса, или ужасы тридцатилѣтней войны. Нѣмецкій элементъ, враждебный Славянскому, по какому-то физиологическому свойству, стремится уничтожить Славянскій. Славянскій уничтоженъ уже во всей восточной и западной Пруссіи, Помераніи, Силезіи. Нѣмецкій проникаетъ въ Познань, западную часть царства Польскаго, и наши губерніи—Ревельскую, Рижскую и Митавскую. Русскіе—самое многочисленное Славянское племя, единственное независимое и могущественное:—они обязаны нравственно поддерживать всѣхъ Славянъ на пути ихъ страданія, поддерживать ихъ языкъ, образованіе,—если даже, по политическимъ обстоятельствамъ, и должны оставлять ихъ подъ чуждымъ владычествомъ.

Неужели принципъ національностей можно примѣнять только къ Нѣмцамъ или Итальянцамъ, а Славяне должны оставаться всегда, какъ сначала, рабами — Slaven?

Нѣмцы представляютъ намъ теперь примѣръ объединеній: Пруссія изъ множества сѣверныхъ Нѣмецкихъ владѣній составила одинъ сѣверный союзъ. Южныя также разсуждаютъ объ южномъ союзѣ. Есть мысли и намѣренія о соединеніи обоихъ союзовъ въ одно цѣлое. Почему же и Славянскимъ племенамъ не составить также своего союза, южнымъ какъ и сѣвернымъ?

Противники наши ссылаются и указываютъ намъ на Польшу. Нѣтъ, Польша представляетъ явленіе совершенно несходное. Мы противники Полякамъ не потому, что они Поляки, не потому, что они Славяне, а потому, что они хотятъ быть нашими господами, какъ это доказывается даже въ наше время: посмотрите, что они дѣлаютъ въ Галиціи съ тамошними Русскими. Точно тоже дѣлали они на Волыни, въ Подоліи, во всѣхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Можемъ ли мы, Русскіе, допустить это? Можемъ ли мы оставлять своихъ братьевъ подъ игомъ Поляковъ, католиковъ и жидовъ? Вотъ вамъ въ простыхъ словахъ и ясныхъ для всякаго, кто можетъ видѣть объясненіе нашихъ отношеній. Откажись Поляки отъ нелѣпныхъ своихъ притязаній, живи съ нами побратски, и наши объятія для нихъ отверсты.

Противъ католической религіи еще менѣе можемъ мы дѣйствовать. Она всегда пользовалась покровительствомъ. Католическія церкви въ Петербургѣ и Москвѣ пользуются всѣми возможными преимуществами, окружены почтеніемъ и благоговѣніемъ. До сихъ поръ католическая церковь имѣетъ выгоднѣйшій и лучшій домъ на Невскомъ проспектѣ, точно какъ и протестантская, и армянская — (а православныхъ нѣтъ, кромѣ Казанскаго собора), слѣд. обвинять въ этомъ отношеніи Россію нельзя. Но мы должны, если не преслѣдовать, то по крайней мѣрѣ об-

рѣзать ей когти, поелику она имѣетъ характеръ политическій, для насъ враждебный. Католическая религія благоденствовала у насъ, и чѣмъ намъ за то заплатила?

Припомните, какъ держитъ себя Италіанское правительство въ странѣ самой католической, противъ всего духовенства, которое неидетъ въ сравненіе съ нашими ксендзами? Только одни Русскіе должны предъ всѣми иновѣрцами преклонять вездѣ свою голову, уступать, сносить всякія ругательства, — а въ заключеніе насъ же чествуютъ варварами, и за все наше добро стараются всѣми силами причинить намъ зло; и словомъ и дѣломъ, и помышленіемъ. Безпристрастія, справедливости мы требуемъ.

Лекція о Славянахъ.

читанная въ Этнографическомъ Обществѣ, Апрѣля 4 дня, 1867 года.

Этнографическому Обществу, учрежденному при Московскомъ университетѣ, угодно было предложить мнѣ участіе въ его учебныхъ бесѣдахъ. Я избралъ себѣ предметомъ Польскій вопросъ, въ какомъ видѣ онъ мнѣ представился въ послѣднее время, послѣ того, какъ мнѣ случилось останавливаться въ Вилнѣ и Варшавѣ по нѣскольку дней, говорить со многими людьми разныхъ сторонъ, со многими дѣйствующими и дѣйствовавшими лицами, увидѣть мѣста главныхъ событій, всмотрѣться въ физиогномію народа, общества, земли, городовъ.—Но на прошедшей недѣлѣ, познакомясь съ приготовлениями къ выставкѣ, я увидѣлъ въ ней такой богатый, разнообразный и многочисленный Славянскій отдѣлъ, что рѣшился перемѣнить свой планъ, и посвятить чтеніе преимущественно Славянамъ, и раздѣленію ихъ на племена, имѣя цѣлю приготовить нѣсколько, научнымъ образомъ, Московскую публику къ важному, знаменательному, радостному, и, смѣю сказать, необыкновенному зрѣлищу, которое ее ожидаетъ. Какъ вдругъ, въ воскресенье вечеромъ, получаю я извѣщеніе, что чтеніе мое приходится 4 апрѣля, въ приснопамятный для всей Россіи день, который университетъ желаетъ ознаменовать особымъ торжествомъ, и поутру и ввечеру, о чемъ и сочтено нужнымъ меня предупредить.

Слѣдовательно, я долженъ былъ въ рѣчи, сообразно со всѣми этими обстоятельствами, совокупить разсужденіе о Славянахъ во-

обще, и о Полякахъ въ особенности, сказать нѣсколько словъ относительно ожидаемыхъ Славянскихъ гостей, и наконецъ воздать честь приснопамятному дню *).

Предметы слишкомъ важны, и соединеніе ихъ представилось мнѣ сопряженнымъ съ такими затрудненіями, что я не осмѣлился довѣриться своему слову, а рѣшился лучше написать краткое общедоступное разсужденіе на данныя мнѣ обстоятельствами темы.

Прошу извиненія у моихъ слушателей, которые, по изложенному ходу дѣла, видятъ, что я имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одинъ понедѣльникъ, и нѣсколько часовъ вторника, и то съ неизбѣжными перерывами.

Можетъ быть, я ошибся въ нѣкоторыхъ показаніяхъ, писавши на память, но смѣю надѣяться, что ошибки не могутъ быть значительными.

Самое многочисленное племя на всемъ свѣтѣ есть Славянское, которое заключаетъ въ себѣ около ста милліоновъ, а всѣхъ лю-

*) «Мы не налагаемъ на васъ никакой обязанности,» сказалъ мнѣ старый товарищъ-профессоръ, взявшій приступомъ дверь моей рабочей комнаты; «вы прочтете, что и какъ вами приготовлено.» Очень благодаренъ вамъ, мн. гг., за вашу любезную снисходительность, отвѣчалъ я, но судите сами, не странно ли будетъ слушателямъ отъ ученаго, всегда съ лигатурою скуки, разсужденія, изъ подъ темныхъ сводовъ науки и критики, перенестися въ приготовленный вами міръ торжественныхъ огней и торжественныхъ звуковъ. Вѣдь вы осуждаете меня на роль *Chevalier de la triste figure*? «Какъ вамъ угодно, отглаживать лекціи нельзя, и не праздновать велиаго дня было бы съ вашей стороны преступленіемъ. Нашъ долгъ только извѣстить васъ объ этихъ обстоятельствахъ.»

Можно себѣ представить, въ какое я былъ приведенъ смущеніе, а вечеръ все-таки я долженъ былъ, накануне выхода газеты, употребить на другое дѣло. Ложась спать, далеко за полночь, я могъ ободрять себя только пословицею: утро вечера мудрейше. Сочиняли же наша старые стихотворцы стихи на заданныя рѣмы: мнѣ должно приложить это требованіе къ ученой прозѣ.

Я сѣлъ за работу, и кончилъ на другой день къ ночи, а въ извиненіе себѣ могу напомнить развѣ старую Русскую повариху, которая говорила: за вкусъ не берусь, а горяченько еостряпала.

дей на землѣ считается тысяча милліоновъ. Мы, Славяне, слѣдовательно, составляемъ десятую часть всего человѣческаго рода, живущаго въ Европѣ, Азій, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи.

Одна численность Славянъ, превышающая всѣ прочіе народы Европейскіе, и Нѣмцевъ, и Французовъ и Англичанъ, и Итальянцевъ, указываетъ на древность этого народа: чтобъ народиться ему до такой степени, должно было протечь соотвѣтственному періоду времени. И за тысячу лѣтъ до нашего времени, въ VI вѣкѣ по Р. Х., писатели Греческіе и Римскіе, знакомые только съ немногими сосѣдними племенами Славянскими, свидѣтельствуютъ единогласно объ ихъ многочисленности или, лучше сказать, безчисленности.

Второе доказательство ихъ древности—въ пространствѣ, ими занимаемомъ. Никакой народъ не распространился такъ далеко: вся восточная половина Европы, значительная часть южной, и отчасти сѣверной Азій, заняты ими: Россія, Польша, Силезія, часть Пруссіи, Богемія, Венгрія, Моравія, Болгарія, Галиція, Трансильванія, Македонія, Кроація, Далмація, Боснія. Отъ Камчатки до предѣловъ Неаполитанскаго королевства и Палпской области можно проѣхать Славянскими селеніями, миновавъ только нѣсколько городовъ, похищенныхъ Нѣмцами. Составляя десятую часть всего народонаселенія, они вмѣстѣ занимаютъ и болѣе десятой части земнаго шара.

За тысячу, за тысячу двѣсти лѣтъ, они занимали еще болѣе пространства. кромѣ исчисленныхъ нами земель, они заселяли всю Пруссію—т. е., восточную и западную Пруссію, Померанію, Бранденбургію, Саксонію, Силезію, Мекленбургскія герцогства, Голштинію, часть Германіи, собственно называемую Австрію, Грецію и отчасти Малую Азію, гдѣ собственныя имена мѣстъ остались слѣдами и доказательствами ихъ пребыванія.

Замѣтимъ, что Славяне народъ земледѣльческій, сидячій, тихій, миролюбивый, не ведшій войнъ наступательныхъ, а развѣ

оборонительныя. Они могли, слѣдовательно, распространяться только вслѣдствіе естественнаго размноженія, а не насильственнаго, какъ народы воинственные, напр. древніе Нѣицы.

Третье доказательство заключается *въ языкѣ*.

Языкѣ, имѣющій свое особое устройство, раздѣляющійся на множество нарѣчій, не показывающій никакихъ механически составившихся частей отъ иныхъ языковъ, извѣстныхъ Исторіи со временъ Иродота, языкѣ самобытный, — долженъ принадлежать къ глубокой древности, и доказываетъ собою самобытность и древность народа.

Самыя нарѣчія развились самостоятельно, имѣютъ свои литературы, и образуютъ почти особые языки. Процессъ такого развитія нарѣчій требуетъ слишкомъ много времени: за тысячу лѣтъ до нашего времени нарѣчія Славянскія находились уже на значительной степени развитія, и въ церковномъ его нарѣчій, кому бы оно ни принадлежало, нашлись выраженія для всего Священнаго Писанія.

Оставляя многія другія доказательства, упомяну только о томъ, что въ первыхъ памятникахъ Европейской литературы мы находимъ, преимущественно около Карпатъ, родины Славянъ, чистыя Славянскія имена мѣсть, кои оставались за ними очень долго, — въ нѣкоторыхъ даже до нашего времени.

О нравственныхъ свойствахъ древнихъ Славянскихъ племенъ представлю заключеніе Шафарика:

Славяне искони имѣли постоянныя жилища и занимались земледѣіемъ, живя въ самыхъ удобныхъ для земледѣшества странахъ, равнинахъ Днѣпра и Вислы.

Народъ, преданный земледѣію, не могъ долго оставаться безъ разныхъ удобствъ жизни, изобрѣтеній, ремеслъ и торговли, которыхъ слѣды дѣйствительно и находятся у Славянъ.

Сему содѣйствовало также и раздѣленіе ихъ на малыя общества, устройство жилищъ хуторами.

О характерѣ ихъ Прокошій говоритъ, что они были откровенны, просты, не злы, не льстивы, а императоръ Маврикій свидѣтельствуетъ, что они были ласковы къ иноземцамъ, заботились объ ихъ безопасности, и провожали съ мѣста на мѣсто, куда тѣмъ было нужно.

Изъ пороковъ ихъ тѣ же лѣтописцы указываютъ на два главные; первый, замѣченный уже императоромъ Маврикіемъ въ концѣ 6-го вѣка, состоитъ въ томъ, что Славяне находятся въ безпрестанномъ между собою несогласіи. Будучи раздѣлены на безчисленно-малыя общины, они проводили жизнь свою безпечно, не заботясь о настоящемъ и будущемъ, и никогда не могли возвыситься до соглашенія личныхъ выгодъ и страстей для собственнаго блага, и противодѣйствія преобладанію чужеземцевъ.»

«Другой недостатокъ, проистекающій отъ чрезвычайной живости ихъ ума, или лучше отъ излишняго вниманія къ внѣшнимъ достоинствамъ, и какой-то легкомысленной переимчивости, которая не позволяетъ имъ остановиться на томъ, что наиболѣе нужно, состоитъ однимъ словомъ—въ необыкновенной любви къ иностранному, къ коему искони стремилось сердце Славянское: все чужое всегда казалось имъ лучше своего роднаго; чужой языкъ и образъ жизни были пріятнѣе, чѣмъ свой отечественный. Еще Тацитъ замѣчаетъ о Винедахъ, что они нравы свои смѣшали съ Сарматскими обычаями. Отсюда произошло, что Славяне, народъ великій, многолюдный и обширный, въ глубокой древности былъ въ подданствѣ и неволѣ у Кельтовъ, Гунновъ, Аваровъ, Козаръ, Болгаръ и другихъ. Перессорясь между собою, они лучшимъ считали призывать себѣ властителей и сильниковъ изъ чужбины, отъ Варягъ, Болгаръ, Франковъ, и проч., нежели, примирясь, покориться одинъ другому. Славяне слишкомъ поплатились за свою взаимную нетерпимость».

Не тѣми ли же качествами, въ хорошую и дурную сторону, отличаются Славяне и въ наше время?

Сказавъ о древности, мы должны обратиться къ вопросу о времени поселенія ихъ въ Европѣ.

Мы видимъ, что въ 6 вѣкѣ по Р. Х. они занимали пространство еще болѣе нынѣшняго,—ясно, что они принадлежатъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Европы, пришедшимъ еще въ предѣлы историческое время. Шафарикъ, знаменитый основатель науки о Славянскихъ Древностяхъ, говоритъ, что они пришли вслѣдъ за Греками, Римлянами, Кельтами, Нѣмцами, Литовцами, которыхъ, слѣдовательно, моложе въ Европѣ. Смѣю не согласиться съ великимъ учителемъ. Не говоря о томъ, что они, до сихъ поръ, занимаютъ всю средину Европы, простираясь до предѣловъ Италіи, слѣды ихъ встрѣчаются во всѣхъ углахъ Европы: Коляръ, другой великій Славянинъ-учитель и поэтъ нашего времени, находитъ ихъ въ Италіи, Хомяковъ видѣлъ ихъ въ Англіи, Фальмерайеръ отдаетъ имъ Пелопонесъ. Въ Вандеѣ и Бретани, точно какъ и въ Венеціи, нельзя не быть поражену многими собственными именами, чисто Славянскими. Въ Швейцаріи, около Рейна, слышатся глухіе отзвуки. Европейскіе критики, даже Славянскіе.—самъ Шафарикъ, приписывали разсужденія поименованныхъ изслѣдователей ихъ излишней ревности. По моему мнѣнію, они виноваты только въ преувеличеніи, въ злоупотребленіи нѣкотораго рода своихъ находокъ, но изъ нихъ можно и должно, кажется, извлечь положительныя заключенія для науки.

Какія же? Вотъ какія: Славяне пришли въ Европу прежде названныхъ племенъ (исключая только тѣ, вновь открываемыя, неизвѣстныя племена, которымъ принадлежатъ свайныя постройки), и легли по всюду первымъ пластомъ Европейскаго населенія, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ первыхъ. Другіе народы, за ними слѣдовавшіе, налегли на нихъ массою въ запад-

ной части Европы, гдѣ, вѣроятно, было ихъ гораздо меньше, въ сравненіи съ среднею частію, и заглушили совершенно ихъ побѣги, образовали надъ ними новый пласть, новый слой, на который послѣ легли новѣйшіе, и изъ подъ нихъ, изъ подъ всѣхъ, стали кое-гдѣ нынѣ показываться для зоркихъ глазъ первоначальныя основы.

На исторической памяти онѣмечился островъ Рюгенъ, нѣкогда святилище Религіи Славянъ, онѣмечилась вся сѣверная Пруссія и Силезія, отуречилась часть Сербовъ и Болгаръ, обитательнялось значительное побережье Средиземнаго моря. Такъ вѣрно, въ глубокой древности, малочисленныя по краямъ селенія Славянъ подчинились нашедшимъ многочисленнымъ Кельтическимъ, Нѣмецкимъ и прочимъ племенамъ. Средняя же Европа, гуще ими первоначально населенная, осталась за ними, даже до нашего времени, кромѣ оконечностей, гдѣ Славяне, какъ мы сказали, онѣмечились, огречились, отуречились.

Любопытный вопросъ науки относится къ ихъ пути: какимъ путемъ шли Славяне въ Европу изъ Индіи, колыбели человѣческаго рода, (съ которой они много до сихъ поръ представляютъ сродства, и въ языкѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, даже болѣе, чѣмъ другіе Европейскіе народы), — чрезъ Кавказъ, или изъ Малой Азіи, или съ Урала, нашими Новороссійскими степями, по пути Венгерцевъ, Болгаръ, Половцевъ и Монголовъ?

Разсуждать объ этихъ путяхъ намъ недостало бы теперь времени, и мы скажемъ только, что, пришедъ въ Европу, Славяне долго не могли усѣсться на мѣстѣ, и бродили изъ стороны въ сторону, ища себѣ мѣста, гдѣ бы жить имъ было лучше, какъ рыбы ищутъ, гдѣ бы плавать было глубже. Они ходили отрядами, такъ сказать, болѣе или менѣе многочисленными, въ разныя времена останавливались, и пропускали около себя единоплеменниковъ, и вотъ къ 6 столѣтію, когда въ первый разъ

послышалось имя Славянъ въ общемъ значеніи, весь этотъ многолюдный народъ представилъ собою перетасованную колоду картъ: члены одного и того же племени, какъ карты одной и той же масти, являются въ страшныхъ разстояніяхъ одни отъ другихъ.

Словене, или Новгородцы на Ильменѣ, и въ Словеніи, близъ Адриатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи, въ Исполинскихъ горахъ, по Эльбѣ, въ Штиріи и Иллиріи.

Дреговичи между Припегью и западной Двиной, — и въ Булгаріи, въ Германіи.

Дулэбы по Бугу и въ Чехіи, Панноніи.

Древляне въ Волини и по Эльбѣ.

Съверяне по Деснѣ, Семи, Сулѣ, и въ Польшѣ, по Дунаю*).

Поселенцы въ разныхъ мѣстностяхъ подчиняются тотчасъ всякимъ вліяніямъ — земли, климата, сосѣдей, разныхъ обстоятельствъ, и составляютъ особья племена, а языкъ ихъ раздѣляется на особья нарѣчія.

Въ 9 столѣтіи всѣ племена Славянскіе обособились, приняли христіанскую вѣру, первоначально изъ одного источника, отъ Святыхъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, (вотъ наши первые, и, увы, пока, послѣдніе панслависты) — и составили государства: Моравское, Кроатское, Чешское, Сербское, Болгарское, Польское, Русское.....Начинаются войны, — борьба вещественная, и нравственная, — съ сосѣдями, питавшими искони непримиримую къ нимъ ненависть — Нѣмцами, Итальянцами, Греками, Мадырами, наконецъ Турками.

Въ исторіи каждаго Славянскаго государства были блистательныя эпохи, какъ будто поочереды. Сильно было царство Сама на западномъ краю Славянскаго населенія; царство Свято-

*) Русины въ Карпатскихъ горахъ не есть ли аррьергардъ Великорусскаго племени, оставшіяся тамъ при движеніи Славянъ отъ Дуная къ Съверовостоку?

Поздн. примѣч.

полка въ Моравіи; прославились Болгаре при царяхъ своихъ Симеонѣ и Борисѣ, Сербы при Стефанѣ Душанѣ, Нѣманичахъ. На высокую степень выходили Чехи при Перемышлѣ Отгокарѣ, Карлѣ IV, Гуссѣ и Иеронимѣ Пражскомъ, и наконецъ Польша заняла славныя страницы въ лѣтописяхъ Европейскихъ народовъ, при Пястахъ, Ягеллонахъ, при Стефанѣ Баторіѣ, Иванѣ Собѣскомъ. Но всѣ они, согласно приведеннымъ выше замѣчаніямъ Греческаго Императора Маврикія, дѣйствовали отдѣльно другъ отъ друга, не хотѣли знать никого кромѣ себя, — и потеряли свою независимость; подчинились, одно за другимъ, своимъ врагамъ. Пала Кроація, Славонія, Далмація, Моравія, пала Сербія, Болгарія, пали Чехи, и наконецъ послѣдняя, самая блистательная и могущественная, Польша.

Устояло одно государство самое младшее—возвысилась и усилилась Россія, о которой послѣ.

Обозримъ теперь Славянскія племена въ настоящемъ ихъ положеніи.

Всѣ они, по ученію отца нашего Добровскаго, преемника св. Кириллу и Меѳодію, раздѣляются на два отдѣленія: восточное и западное. Къ восточному принадлежатъ: Русскіе, Сербы и Болгары, Кроаты, Лужичане и проч.

Къ западному принадлежатъ: Поляки, Чехи, Моравляне, Словенцы, Словаки. и проч.

По этому раздѣленію Сербы, Болгары.....суть намъ братья родные, а Поляки, Чехи, Моравляне....двоюродные.

По числу представляются они въ слѣдующей пропорціи:

Русскихъ	за 70 м.
Поляковъ	до 10 —
Сербовъ.	— 10 —
Чеховъ.	— 8 —
Болгарь	— 6 —

Не считаемъ мелкихъ племень.

Одно сравненіе чиселъ заставляетъ невольно задуматься, наводитъ на мысли....

Каждое изъ названныхъ племень имѣеть свои подраздѣленія: такъ Русскіе раздѣляются, по отмѣнамъ нарѣчія, на Велико-Россіянь, Малороссовъ и Бѣлорусцевъ.

Бѣлорусцевъ считается до 3 м.

Малороссіянь съ Галиціей и Руской Венгріей считается 12 милл.

Велико-Россіянь 50 м.

Велико-Россіяне составляютъ половину всего Славянства, а съ Малороссіянами и Бѣлорусцами три четверти ($75 \frac{1}{4} \cdot 25 = 100$ м.)

Я употребляю вездѣ круглыя числа.

Теперь поговоримъ о сознаніи единства между Славянами.

Эта мысль зародилась, какъ бы вы думали, Мм. Гг., гдѣ?

Въ глубинѣ грамматики церковнаго языка, употребляемаго въ нашемъ богослуженіи, языка Святыхъ Кирилла и Меѳодія“).

Славный Добровскій, жизнію Нѣмецъ, содѣлался, самъ не сознавая того, отцемъ политическаго движенія, которое обняло теперь всѣ Славянскія племена, одно за другимъ.

Ближайшими преемниками Добровскаго были Шафарикъ, какъ историкъ, Коляръ, какъ поэтъ. Одинъ говорилъ уму своихъ единоплеменниковъ, другой воображенію **). Къ нимъ присоединить должно Юнгмана, какъ сочинителя славнаго Чешскаго словаря***).

*) Она переведена мною вмѣстѣ съ Шельревымъ, и напечатана въ 1833 году.

**) Коляръ написалъ еще книжку лирическую о взаимности между Славянами, которую я началъ переводить, по возвращеніи изъ за границы въ 1839 году, а кончилъ тогдашній мой слушатель Ю. Ѳ. Самаринъ. Ее надо бы перепечатать.

***) Надо бы привести въ ясность отношеніе Польскаго Словаря Линде къ Чешскому Юнгмана.

И какъ недавно это случилось!

Въ 1835 году, я имѣлъ счастье быть въ Прагѣ: позвольте привести здѣсь нѣкоторыя личныя мои воспоминаія, свазанныя съ общимъ дѣломъ.

Тогда только что зарождалась Славянская мысль. Добровскій незадолго предъ тѣмъ скончался. Юнгманъ оканчивалъ еще Чешскій словарь. Шафарикъ обрабатывалъ свои Древности, и показывалъ мнѣ свою рукопись, о чемъ упоминаетъ онъ и въ предисловіи. Челаковскій былъ въ цвѣтѣ силъ. Ганка уже былъ ревностнымъ читателемъ Россіи; пріѣзжалъ въ Прагу и Коляръ, тогда же издавшій свою поэму «Дщерь Славы» (*Slavu Dcera*), и мы вмѣстѣ, какъ теперь помню, стоя предъ Грачинскою горою, (въ виду дворцовыхъ оконъ, изъ которыхъ выскочили Мартинецъ и Словата, и подали тѣмъ поводъ къ началу войны 30-ти лѣтней), толкавали о Славянствѣ, любовались Прагою, и выражали свои *ria desideria**), Потомъ отправились въ соборъ, кланялись гробницамъ св. Войтеха, Карла IV и проч. (Тогда-то каноникъ Пешина отдѣлилъ мнѣ частицу отъ руки св. Кирилла, которою писалъ Славянскую литургію **) .»

Мысль долго не прививалась, не проникала въ массы, какъ у насъ, такъ и у прочихъ Славянъ, оставаясь только въ груди немногихъ дѣятелей, основателей, которые должны были переносить всѣ возможные огорченія, въ однѣхъ мѣстахъ, какъ у насъ, насмѣшки, въ другихъ притѣсненія... Между тѣмъ шли, шли годы....И всѣ основатели, одинъ за другимъ, снизошли въ могилу. Изнемогъ въ борьбѣ Коляръ, который писалъ ко мнѣ въ 1839 году, что Венгерцы угрожаютъ его убить и просилъ

*) Мы приступали къ моему Русскому спутнику М. А. Засѣцкому, чтобы онъ пріѣхалъ Русскія пѣсни,—а онъ, къ досадѣ нашей, изъ ложнаго стыда, отказался, за что даже теперь, чрезъ 30 почти лѣтъ, говорю ему Худое слово.

**) Я подарилъ ее Московскому университету, въ день столѣтняго юбилея.

ыскать убѣжище въ Россіи. Я отнесся тотчасъ министру просвѣщенія Уварову объ устройствѣ ему положенія, получилъ благоприятный отвѣтъ, но Коляръ передумалъ и отвѣчалъ рѣшительно на мои убѣжденія, что предпочитаетъ умереть въ отечествѣ, продолжая дѣлать свое дѣло, ободрять и назидать соотечественниковъ. Шафарикъ, другой великій дѣятель, угнетаемый подозрѣніями Австрійскаго правительства, послѣ великихъ трудовъ своихъ, впалъ подъ конецъ жизни въ ипохондрію, почти помѣшался, и поручалъ А. И. Кошелеву (котораго здѣсь вижу) сказать мнѣ, чтобъ я прекратилъ даже ученую съ нимъ переписку. Онъ бросился было въ Молдаву, и вскорѣ умеръ. За нимъ послѣдовалъ и нашъ вѣрный, смѣлый Ганка. Патриархъ Іосифъ Раяичъ, у котораго жилъ я долго въ Карловцѣ въ 1842 г. на берегу Дуная, обозрѣвая Фрушку гору за первопечатными Славянскими книгами, скончался въ глубокой старости, не переставая изъ всѣхъ силъ бороться съ Вѣною. Прото (т. е. протоіерей) Стоматовичъ, который въ молодости ходилъ пѣшкомъ изъ Новаго Сада въ Брно (Брюнь), чтобы поклониться могилѣ Добровскаго, удрученъ болѣзнію. Умеръ и Вукъ, неутомимый Вукъ Стефановичъ Караджичъ, который до послѣдняго часа работалъ надъ языкомъ, и надъ собраніемъ Сербскихъ пѣсень. Прежде его отошли къ отцамъ: товарищъ Вучича Пегроновичъ, дипломатъ и богословъ, и еще прежде поэтъ Милутиновичъ. Остались двое: Палацкій, историкъ, и Пуркине, фзіологъ, котораго я звалъ нѣкогда въ директоры Демидовскаго Ярославскаго лицея. Иллирійскій Гай, который былъ у насъ въ Москвѣ въ 1840, кажется, году, и принять былъ съ восторгомъ. ушелъ въ какой-то таинственный сумракъ*).

Слѣдующее поколѣніе поколебалося, въ особенности между Чехами, но на нѣсколько времени. Молодежь склонилася-было на сторону

*) Смотря на него тогда, я воображалъ по немъ исторію Іоанны д' Аркъ.

Поляковъ, но теперь, какъ слышно, слѣдуетъ реакція. Чехи и Моравляне обратились, по прежнему, чувствами, къ Россіи, Сербы и Болгаре всегда оставались ей вѣрными.

Императоръ Николай поднялъ оружіе въ защиту Славянъ. Настала Крымская война. Намъ казалось, что приближается торжественная минута освобожденія Славянскаго...

Богъ судилъ иначе, по нашимъ ли грѣхамъ, или по другимъ причинамъ, знаетъ Онъ. Война кончилась не въ нашу пользу! Несмотря на героическую защиту Севастополя, мы принуждены были уступить. Императоръ Николай скончался. Положеніе Славянъ не улучшилось, а ухудшилось. Западныя державы, принявшія на себя покровительство, оказались очевидно несостоятельными. Мученія несчастныхъ подъ Турецкимъ владычествомъ превзошли всякую мѣру, по свидѣльствамъ всѣхъ Европейскихъ путешественниковъ, и вотъ между Славянами начинается общее движеніе. Подняли знамя креста Греки, жители древняго Крита, смиренная Болгарія волнуется. Мужественная Сербія вооружается. Храбрые Черногорцы ждутъ только случая броситься съ высоты своихъ горъ на наслѣдственнаго врага. Жители Эпира, Фессалии, Албаніи, стремятся соединиться съ Греками. Нечего говорить о несчастныхъ Боснякахъ и Герцеговинцахъ, которые въ послѣднее время, вышли изъ терпѣнія. Восточный вопросъ близится къ рѣшенію. Большой человекъ находится при послѣднемъ издыханіи, и какъ ни крѣпко убѣждены западные политики, что для спокойствія Христіанской Европы необходимо магометанское неистовство, но Англійскіе, Французскіе и Австрійскіе дипломаты и врачи, съ присоединеніемъ Саксонскаго барона Бейста, едва ли найдутъ средства продолжить его агонію. Одна надежда развѣ на Италіанскихъ докторовъ, а у нихъ главное лекарство состоитъ, извѣстно, въ кровоусканіи.

Тяжело положеніе Турецкихъ Славянъ, но Австрійскіе, угнетаемые нравственно, хоть и подъ благовидною наружностію, страдаютъ, можетъ быть, болѣе. Австрія, ослабленная Франціею, вслѣдствіе войны Итальянской, и пораженная въ самое сердце Пруссіей, переходя отъ одной системы къ другой, остается постоянно враждебною къ Славянамъ, не смотря на сильное участіе, которое принимали они въ спасеніи ея сперва отъ турокъ, а потомъ отъ Венгерцовъ. Теперь Австрійское правительство соединяется съ этими, постоянными ея непріятелями, и приноситъ имъ въ жертву Славянъ, такъ что Чехи, Кroatы, Словенцы, не знаютъ даже, какая судьба ихъ ожидаетъ.

Судите же, Мм. Гг. о состояніи этого несчастнаго племени, которое считаетъ однакожь 30 милл.; 20 въ Австріи, и 10 въ Турціи. Въ Турціи угнетаютъ ихъ магометане и фанариоты, недопускающіе ихъ до употребленія Славянскаго языка въ богослуженіи. Въ Австріи—Австрійцы и Мадьяры, съ присоединеніемъ Католиковъ и іезуитовъ.

Славяне возводятъ свои взоры на Россію, которая неоставитъ ихъ, думаютъ они, въ предстоящей борьбѣ,—и въ это-то именно время учреждается въ Москвѣ частными людьми, въ видахъ науки, безъ всякихъ заднихъ мыслей, этнографическая выставка, имѣвшая цѣлю первоначально собрать только и показать различныя племена, которыя живутъ въ Россіи, думавшая больше о Кавказѣ, Сибири, Крымѣ, Лапландіи, Туркестанѣ. Нѣкоторые Славяне, изъ разныхъ странъ, по какому-то безотчетному чутью, прислали учредителямъ выставки нѣсколько одеждъ, утварей, орудій и прочихъ вещей. Ихъ примѣру послѣдовали другіе, больше и больше, и вотъ они заняли значительную часть всей выставки, и Москва дѣлается пантеономъ Славянскаго міра. Славяне собираются пріѣхать къ намъ, и воздать ей честь.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о Велико-Русскомъ племени и объ средоточіи его, Москвѣ. Мы сказали выше, что изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, западныхъ и восточныхъ, позднѣе всѣхъ на сцену исторіи выходитъ Русское. Такъ точно изъ всѣхъ Русскихъ племенъ самое младшее есть Великорусское: и Славяне, т. е. Новгородцы, и Поляне, и Древляне, Кривичи, Вятичи, и Радимичи, дѣйствовали, а Великороссіянь не было слышно. Неизвѣстно даже, подъ какимъ именемъ скрывались они въ лѣтописяхъ, и не были ль они продолженіемъ и распространеніемъ Кіевскихъ Полянъ.

Есть преданіе, что первый богатырь Русскій, Илья Муромецъ, пролежалъ на печи 30 лѣтъ, прежде нежели началъ свои богатырскіе подвиги. Нельзя ли его въ этомъ отношеніи, по чести представителемъ нашего племени?

Мы сравнили выше разселеніе Славянъ въ Европѣ съ перетасованною колодою картъ. Въ среду Русскаго племени достались въ обиліи всѣ масти.

Мы имѣемъ доказательства этому положенію: припомните выше предложенное обозрѣніе.

Шафарикъ почитаетъ Полянъ Кіевскихъ за одно съ Полянами Польскими. См. выше, „Въ этомъ увѣряетъ не столько сходство ихъ названій, которое могло быть случайнымъ, происшедшимъ отъ жилищъ обоихъ народовъ, въ открытыхъ поляхъ, сколько сходство въ названіи Кіева и Куявы, вмѣсто Кіавы, находившейся у Ляшскихъ Полянъ. Допустивъ это сходство, мы должны замѣтить, что переселеніе Ляшскихъ родовъ изъ окрестностей Вислы въ окрестности Днѣпровскія, и утвержденіе ихъ между восточными Славянами случилось за долго до распространенія Славянскихъ народовъ, отъ востока на западъ и югъ, бывшаго во 2, а потомъ сильнѣе въ 4 столѣтіи по Р. Х.»

Послѣ именъ и свидѣтельствъ историческихъ, должно обратить вниманіе на нарѣчія, въ коихъ мы найдемъ новое, силь-

нѣйшее доказательство, что Россія заключаетъ въ себѣ отрасли, или корни всѣхъ племенъ Славянскихъ, и двумя главными своими нарѣчіями, Велико-россійскимъ и Мало-россійскимъ, имѣющими свойства едва ли не всѣхъ западныхъ и восточныхъ нарѣчій, на кои раздѣляется обыкновенно Славянскій языкъ, можетъ считаться представительницею всего Славянскаго міра, не только по своей силѣ, могуществу, числу, но и по внутреннему своему составу и языку. Максимовичъ, нашъ заслуженный филологъ, относитъ Русскій языкъ къ особому 3-му разряду, въ которомъ какъ будто совмѣщаются отрасли восточная и западная. Самъ Ходаковскій, Полякъ, обошедшій нѣшкомъ почти всѣ Славянскія земли, сказалъ, что три Русскія нарѣчія суть памятники первобытнаго, древнѣйшаго языка Славянъ. Самыя разнорѣчія писателей, изъ которыхъ одни считаютъ наши нарѣчія восточными, а другіе, напримѣръ Сенковскій, западными, показываютъ, что онѣ имѣютъ восточныя и западныя свойства.

А гдѣ же средоточіе Велико-русскаго племени? Какой городъ, якоже кокошь собра подѣ крылѣ своя все многочисленное, разнообразное Русское населеніе?

Москва! Москва, самый младшій изъ городовъ Велико-русскихъ, точно какъ Велико-русское племя есть самое младшее изъ племенъ Русскихъ, т. е. позднѣе всѣхъ явившееся на сцену, а Русское вообще младшее, или позднѣйшее изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ.

И вотъ идутъ къ намъ, какъ на богомолье, по обѣщанію, древніе паломники, — несчастные Славяне, помолиться у гробовъ Московскихъ Чудотворцевъ, порадоваться на Русскую силу, поискать себѣ ободренія къ перенесенію своихъ бѣдствій...

„Идутъ къ намъ“, приведу слова одной прекрасной статьи, помѣщенной въ «Москвѣ», „не гордые знатностью рода, не могущественные представители капитала и иныхъ силъ и богатствъ: идутъ къ намъ простые люди, смиренные, бѣдные. За то всѣ

они подвижники Славянскаго духа, труженики науки и мысли, крѣпкіе стоятели за свою народную самостоятельность, выдержавшіе години страшныхъ испытаній вѣшняго гнета—Нѣмецкаго, Турецкаго, и въ послѣднее время Мадьярскаго, не подавшіеся ни страху, ни соблазну,— и среди всѣхъ страданій и искушеній, оставленные богачами и знатными своего племени, не сломившіеся духомъ въ борьбѣ, не утратившіе вѣры въ историческое призваніе Славянства, претерпѣвые до конца!... И вотъ—когда, казалось, дошли они до крайняго истощенія силъ, судьба ведетъ ихъ въ Россію, въ Москву... Не здѣсь ли конецъ терпѣнію, и не отсюда ли начало спасенія претерпѣвыхъ?»

Мм. Гг! Сердца ваши хотятъ вѣрно отвѣчать: Да!

И въ самомъ дѣлѣ, когда можемъ мы съ большею увѣренностію отвѣчать такъ, какъ не нынче, въ этотъ великой для насъ день, день чудеснаго спасенія жизни Государевой.

Не служить ли эта опасность, которой Государь подвергался на волосъ отъ смерти, не служить ли съ одной стороны урокомъ знаменательнымъ для всѣхъ насъ, чтобъ мы всѣ, безъ исключенія всѣ, съ Нимъ спасенные, думали болѣе о своихъ обязанностяхъ и объ единомъ на потребу; а съ другой стороны видимое покровительство Божіе не утверждаетъ ли насъ въ надеждѣ на продолженіе милости Божіей. Онъ освободилъ уже 25 милліоновъ людей въ Россіи, Польшѣ, Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. Можетъ быть, именно ему предоставляется, если освобожденіе, то по крайней мѣрѣ облегченіе, нравственное возвышеніе нашихъ несчастныхъ старшихъ братьевъ. Такъ счастливиться Ему до сихъ поръ производить великія дѣла: можетъ быть, Богъ поможетъ Ему и въ этомъ великомъ дѣлѣ, въ исполненіи историческаго назначенія Россіи.

И вотъ здѣсь, при воспоминаніи о всѣхъ племенахъ Славянскихъ, представляются моему воображенію Поляки. О нихъ од-

нихъ не слышно, чтобъ собирались, вмѣстѣ съ представителями всѣхъ племенъ, принять участіе въ общемъ нашемъ торжествѣ, въ радостномъ свиданіи!

Они стоятъ далече, они кидаютъ грозные взгляды, они питаютъ злобу.

Братья! Одно ваше отчужденіе, одиночество, показываютъ ясно, что вы избрали непрямую дорогу!

Этого мало. Поляки берутъ сторону исконныхъ враговъ Славянъ, какъ будто не принадлежа къ ихъ племени: одни надѣваютъ чалму и служатъ Турціи, другіе соединяются съ Австрійцами и Венгерцами, чтобы мучить, угнетать часть Русскаго племени, которое живетъ въ Галиціи и Сѣверо-Восточной Венгріи въ числѣ 4 милліоновъ.

Братья, братья опомнитесь, взываемъ мы къ вамъ сторицею, вздохните глубоко, пролейте слезы,—и подайте намъ руку. Наши объятія для всѣхъ васъ отверсты. Забудемъ прошлое, и пойдёмъ вмѣстѣ по пути истиннаго прогресса, на который всѣхъ насъ выводитъ благодушный Государь! Онъ носитъ имя вашего благодѣтеля, и, второй по имени, готовъ сдѣлаться вторымъ и по чувствамъ любви и привязанности къ вамъ. Довольно, довольно,—всѣ средства вы употребили, и ни одно не доставило вамъ ничего. Противъ рожна прати невозможно. Вы утопаете глубже и глубже, вы, то есть премудрые и разумные между вами, интеллигенція, шляхта. А народъ Польскій, по селамъ и деревнямъ, благоденствуетъ, и говоритъ въ одинъ голосъ, что никогда не былъ онъ такъ доволенъ, такъ спокоенъ, такъ счастливъ, какъ теперь, то есть, ни при Пястахъ, ни при Ягеллонахъ, ни при Курфирстахъ Саксонскихъ. Развѣ это для васъ ничего не значитъ? Народа вѣдь милліоны, васъ же тысячи.

Заключимъ нашу бесѣду, мм. гг., словами одного Западнаго Славянина, Чеха, работающаго надъ введеніемъ Русской азбуки между всѣми племенами Славянскими. Онъ живетъ въ Моск-

вѣ, овладѣль достаточно Русскимъ языкомъ, и написалъ Славянскую молитву въ воспоминаніе чудеснаго спасенія въ нынѣшній день жизни Государевой.

О, Господи, благословенъ
Славянскому народу дай

.....

Благослови всю Русь Святую,
Да всѣ Славянскіе народы
Что дѣти матери одной,
Забывъ прошедшіе невзгоды,
Поймутъ всѣ голосъ свой родной.
Да всѣмъ настанетъ имъ спасенье
И слышенъ будетъ гласъ съ небесъ:
Славяне! вамъ благословенъ!
Христось воскресъ! Христось воскресъ!

Мм. Гг! Къ этой молитвѣ, вылившейся изъ сердца Славянина, провозгласимъ, для соединенія бесѣды нашей съ торжествомъ Московскаго Университета, провозгласимъ наше всегдашнее и неизмѣнное, нынѣшнему дню по преимуществу принадлежащее:

Боже, Царя храни!

4 Апрѣля, 1867 г.

З а м ѣ т к и.

Опрометчивость нашихъ газетныхъ вѣстовщиковъ выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ. Мысли объ освобожденіи и соединеніи Славянъ? Можно ли говорить о подобномъ соединеніи, имѣя хоть малую долю политическаго смысла? Имъ до этого нѣтъ дѣла, они строчатъ свои строки, а издатели газетъ ихъ перепечатаваютъ.

Пишутъ изъ Петербурга, что тамъ дѣлаютъ большія приготовленія для достойнаго приѣма Славянскихъ гостей на Московскую Этнографическую выставку: Географическое общество, Университетъ, Академія, дѣлаютъ разныя предположенія. Кто-то принялъ на себя положить Славянскіе стихи Хомякова на музыку, и встрѣтить ими дорогихъ гостей.

Дума, купечество и частные люди соперничаютъ въ готовности къ пожертвованіямъ, въ энтузіазмѣ. Это дѣлаетъ Петербургъ, котораго мы такъ любимъ упрекать въ космополитизмъ! Что же сдѣлаемъ мы? Неужели старая столица не подастъ примѣра дружной встрѣчи братьевъ?

Москва, разумѣется, не ударитъ себя лицомъ въ грязь предъ Петербургомъ.

Славянофилы, то есть приверженцы Славянъ, должны приложить свои старанія. Дума, встрѣтившая такъ великолѣпно Американцевъ, отнесется, безъ сомнѣнія, съ горячею любовію къ Славянамъ—изъ Богеміи, Моравіи, Кроаціи, Болгаріи. Большихъ издержекъ не нужно: Славянамъ не дорогъ нашъ подарокъ, дорога любовь. Слышно, что достойный предсѣдатель выставки, В. А. Дашковъ, думаетъ предложить о поднесеніи имъ книги о Москвѣ, изданной Снегиревымъ и Мартыновымъ съ

картинами, которая доставила также удовольствіе Американцамъ. Надо бы испросить для нихъ Древности Русскаго Государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію. Всѣ писатели принесутъ, разумѣется, свои сочиненія, — журналы, газеты.

Корреспондентъ Голоса пишетъ изъ Бѣлграда:

„Говорятъ, что городская дума ассигновала до 10.000 руб. для встрѣчи Славянскихъ гостей. Все это хорошо, а еще было бы лучше, еслибъ Московскіе Славяне немного сократили Азіатскую роскошь, и вмѣсто богатыхъ обѣдовъ, сладкихъ яствъ и блестящихъ баловъ, послали малую толику нѣкоторымъ достойнымъ людямъ по крайней мѣрѣ по 300 рублей. Гг. Стретковичъ и О. Васильевичъ учились въ Россіи, они знакомы съ Русскими, знаютъ Русскій языкъ, и еслибъ пріѣхали въ Москву, то передали бы Московскимъ братьямъ все, что необходимо знать, и воротились бы оттуда вѣстниками... Да, въ Бѣлградѣ никакъ нельзя мѣрять Московскимъ аршиномъ: онъ слишкомъ длиненъ для Серба. Мы напередъ знаемъ, что многіе будутъ удивляться равнодушію южныхъ Славянъ къ общественному дѣлу, а потому и осмѣлились изложить здѣсь причины этого равнодушія... Насъ удивляетъ еще то, что члены Московской Этнографической выставки не обратились къ Сербскому правительству, которое очень хорошо знаетъ, кого слѣдуетъ послать по такому важному дѣлу.“

Рѣчи, произнесенныя авторомъ въ разныхъ собраніяхъ, во время пребыванія Славянскихъ гостей въ Москвѣ, см. въ III томѣ сочиненій.

Нѣсколько замѣтокъ о Великорусскомъ племени, сравнительно съ прочими Славянскими племенами.

(по отъѣздѣ изъ Москвы Славянскихъ гостей).

Спокойный досугъ позволяетъ оглядѣть предметъ свободнѣе, и разобрать яснѣ полученныя впечатлѣнія.

Приемъ, какой сдѣланъ Слavianамъ въ Россіи, есть нѣчто необыкновенное въ Исторіи.

Гдѣ, въ какомъ государствѣ, бывало столько гостей, со всѣхъ сторонъ собравшихся? Укажите мнѣ подобное угощеніе. въ которомъ цѣлый городъ принималъ участіе? И какой городъ? Москва. Чувство общее, народное, доброжелательное проявлялось здѣсь безпрестанно, безъ всякихъ участій правительства, безъ всякихъ политическихъ заднихъ мыслей. Единоплеменники, родные, послѣ долгой разлуки, увидались, — обнимаются, цѣлуются, и не могутъ наглядѣться другъ на друга. Не говорю уже о томъ, что все сыпалось, какъ бы изъ рога изобилія. Это радушіе, это искреннее желаніе угодить, доставить удовольствіе, обнаруженное во всѣхъ сословіяхъ безъ малѣйшаго различія, по какому-то безотчетному влеченію къ людямъ незнакомымъ, неизвѣстнымъ, представляли нѣчто высокое, умиленное. Со стороны смотрѣть было весело, радостно; понималась знаменательность событія, чувствовалось движеніе Исторіи.

Великорусское племя представляетъ многія, примѣчательныя отличія, когда посмотришь на него вмѣстѣ съ другими, потому ли, что оно многочисленнѣе, сильнѣе, богаче средствами, или потому, что находится въ лучшихъ обстоятельствахъ. Оно от-

носитя ко всѣмъ прочимъ гораздо ровнѣе, чѣмъ всѣ онѣ одно къ другому. Для насъ всѣ Славяне равны, одинаково близки и любезны, — не исключая даже и Поляковъ, не смотря на ихъ вражду и предательство. Мы не дѣлаемъ никакого различія на-примѣръ, между Кроатами и Сербами, Черногорцами и Далматинцами, Чехами и Словаками и т. д., а они всѣ другъ друга, какъ будто, все еще чуждаются, даже ревнуютъ, питають взаимное неудовольствіе. Точно тоже можно сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и о нашихъ Малороссіянахъ.

Мы, Великороссіяне, не спрашиваемъ ни у кого, кто онъ, какого онъ вѣроисповѣданія — католикъ, протестантъ, уніать, православный: это не мѣшаетъ намъ любить всѣхъ и доброжелательствовать. А они никакъ не могутъ отдѣлиться отъ этихъ запросовъ, и соединенныхъ съ ними воспоминаній, часто печальныхъ.

Мы рады были познакомиться съ ними одинаково, а оци, даже дорогою, не познакомились порядочно между собою, и, кажется, не чувствовали потребности. Они имѣли въ виду только Русскихъ, Русскіе — всѣхъ.

Да, Славянскія племена до сихъ поръ никакъ не могутъ сгласиться между собою: Чехи спорятъ съ Словаками, Сербы смотрятъ косо на Сербовъ Австрійскихъ, Австрійскіе Сербы не ладятъ съ Кроатами, Болгаре не согласны съ Сербами. Старыхъ, давнихъ счетовъ, имъ между собою не свести: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Иные увлекаются политикою и мечтають о давнопрошедшихъ временахъ. Примириться могутъ они только подъ вліяніемъ Россіи. Такъ и будетъ, рано или поздно, силою вещей. Передъ нашими глазами обстоятельства слагаются безъ нашего вѣдома, и совершенно для насъ неожиданно. Никто не могъ, на-примѣръ, вообразить Славянскаго свиданія у насъ въ такомъ видѣ! Никто не могъ предвидѣть, что сочувствіе къ Славянамъ обнаружится во всемъ Русскомъ

народъ, безъ различія сословія, съ такою силою, съ такимъ блескомъ и съ такою любовію!

Я оставилъ давно Панславянскія (Всеславянскія) мечтанія, и давно не думаю ни о какихъ соединеніяхъ, но смотря на Славянъ, я невольно чувствовалъ, что это радіусы, которые должны стремиться къ одному центру, если не хотятъ потерять своей народности. Иначе не могутъ они сохранить даже свое существованіе, и должны будутъ уступать Нѣмцамъ, Мадыярамъ, Итальянцамъ, которые грозятъ имъ поглощеніемъ. Какая форма принадлежитъ Славянамъ, мудрено теперь рѣшить. Можетъ быть, Славяне устроятъ когда нибудь союзъ, въ родѣ Швейцарскаго. Всеобщую подачу голосовъ Наполеонъ вводитъ въ Европѣ въ моду, ну, извольте-ка спросить Славянъ, чего они хотятъ?

Скажу только два слова о необходимости избрать одинъ общій языкъ. Австрійскіе Славяне выучились по Нѣмецки, (какое насиліе они должны были дѣлать надъ своею душею!): и Сербъ, Кroatъ, Чехъ, Словакъ говорятъ свободно на Нѣмецкомъ языкѣ: выучиться по Русски для нихъ гораздо легче, чтобы между собою, по крайней мѣрѣ, объясняться, на родственномъ, а не на чужомъ языкѣ, и крѣпче сознавать, чувствовать свое родство и единство.

Какъ бы то ни было, и чтобы ни случилось, но наши гости, вѣрно, во всю свою жизнь будутъ вспоминать съ умиленіемъ о дняхъ, проведенныхъ ими у своихъ кровныхъ родныхъ, не скажу въ Москвѣ, а вообще въ Россіи.

Говорятъ, что между ними были шпионы. Тѣмъ лучше: они должны будутъ засвидѣтельствовать, что здѣсь все было чисто, честно, благородно, человѣчно и свято.

Чисто, честно, благородно, человѣчно и свято, — а Парижскія волшебныя, баснословныя празднества, скажу здѣсь естати, представлялись мнѣ, изъ оконъ моей кельи на Дѣвичьемъ полѣ, отвратительными, чтобъ не сказать болѣе. Будь проклята, думалъ я, варваръ, та Европейская цивилизація, которая съ покушеніемъ на царегостеубійство по срединѣ, такъ нагло и неистово празднуетъ, роскошествуетъ и веселится, между тѣмъ какъ тысячи христіанъ гибнутъ въ мукахъ на островѣ Критѣ, и другія тысячи и тмы ожидаютъ со страхомъ той же участи. Будь проклята та Французская политика, которая, послѣ двухлѣтняго кровопролитія, назначаетъ дѣлать слѣдствіе, на островѣ Критѣ, вмѣсто скорой, дѣйствительной помощи! Будь проклята та Англійская политика, которая украшаетъ Турецкаго Султана, наравнѣ съ христіанскими, орденомъ Подвязки, (забывая даже, что кавалеры ея должны сражаться съ невѣрными), и приготавливаетъ ему царственное помѣщеніе въ Букингамскомъ дворцѣ, (При сей вѣрной оказіи не могу я пропустить и Австрійскую политику, которая отдаетъ Кроатовъ на жертву Мадырамъ, Русиновъ — Полякамъ, и себѣ оставляетъ Чеховъ съ Моравлянами). Блистательные плоды своей цивилизаціи, нечего сказать, собираетъ Европа въ XIX вѣкѣ! О, святая Русь! о, мое отечество! какую славу пріобрѣтешь ты въ Исторіи, омывая свои руки отъ этихъ грязныхъ, смрадныхъ, плачевныхъ, шулерскихъ продѣлокъ! О будь всегда неповинна, отъ крови праведныхъ. Они узрять....!

Разныя замѣтки о Словянахъ.

Нареченный наслѣдникъ умерщвленнаго Михаила, князя Сербскаго, племянникъ его, *Миланъ* Обреновичъ, прибылъ въ *Блградъ*, и принятъ, говорятъ, съ восторгомъ. О путешествіи его были сообщаемы въ Европейскихъ газетахъ различныя показанія, а нѣкоторыя телеграммы извѣщали, что онъ не оставлялъ еще Парижа. Подобныя слухи распускались нарочно, чтобъ скрыть настоящее время отъѣзда и прибытія, изъ опасенія какихъ либо покушеній, которыя теперь случаются неожиданно-негаданно, въ разныхъ мѣстахъ, и отъ разныхъ партій. Убіиства считаются ни почемъ, съ прогрессомъ разныхъ теорій.

Таеъ много толкуемо было о вліяніи Россіи на дѣла Сербскія! Какое же это вліяніе, если нареченный Государь Сербскій воспитывался въ Парижѣ, подъ руководствомъ Французскаго или Бельгійскаго профессора? Мудрепо ему въ такой атмосферѣ набраться Русскаго и даже Славянскаго духа, и Бельгійскій католикъ едвали въ состояніи внушить ему любовь и преданность къ православію.

Нѣтъ мы, кажется, принимаемъ очень мало дѣйствительныхъ мѣръ, чтобъ утверждать наше вліяніе; но Сербскій народъ преданъ Россіи самъ по себѣ, по своей природѣ и крови. Образованное сословіе подвергалось вліянію Австрійскаго ига, точно какъ Русскіе подвергались вліянію Монгольскаго ига...и, чтобъ вылечиться отъ этой заразы, потребно много еще времени! На Россію многіе тамъ сжотрѣли долго съ подозрѣніемъ, но послѣднія наши дѣйствія и заявленія должны были расположить въ на-

шу пользу истинныхъ друзей отечества, сколько ихъ найдется въ всякихъ партій.

Клеветы на Россію сыплются вездѣ—и умерщвленіе Михаила приписываютъ ей! До чего дошелъ этотъ газетный развратъ, вообразить недавно было бы трудно. Это своего рода *bravi, condotieri*, кинжалщики и вѣшатели. Нечего сказать—хороша Европейская печать въ этомъ отношеніи! И ни одного безпристрастнаго голоса, не только возраженія (протеста), не слышится на Вавилонской башнѣ.

Слѣдствіе въ Бѣлградѣ продолжается. Казни начались. Служаются и новыя убійства. До истинной причины добратся трудно, также какъ и трудно понять причину неудачи при такихъ приготовленіяхъ и развѣтвленіяхъ заговора. Александръ Карагеоргіевичъ обвиненъ въ участіи, которое, говорятъ, доказывается до очевидности, не смотря на его протесты, очень естественные. Если это обвиненіе справедливо, то нельзя не удивляться мысли о такомъ ослѣпленномъ властолюбіи: чего хотятъ люди, искатели престоловъ, и какія приносятъ жертвы для пріобрѣтенія своихъ призраковъ, не вразумляясь судьбою, постигшей Оттона, Максимилиана, Михаила, съ герцогомъ Августенбургскимъ включительно?

Въ Бѣлградѣ ищутъ 750 револьверовъ, которые заговорщики предполагали раздать арестантамъ (колодникамъ) въ смиренномъ домѣ въ Топчидере.

Пишутъ, что, при погребеніи князя Михаила, вдовствующая княгиня Юлія глубокой своей горестію производила невѣроятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Но вѣдь она три года не жила съ покойникомъ, и онъ, не гѣмъ будь помянутъ, собирался жениться на другой, на дочери убитой съ нимъ Анны Константиновичъ! Все врутъ календари—извѣстенъ стихъ Грибоѣдова; но какъ дгутъ газеты не крас-

нѣя, какъ лгутъ эти официальные показанія—отвратительно читать: извольте отыскивать въ нихъ правду!

Извѣстіе объ убійствѣ князя Михаила испугало Турецкое правительство, и Турецкія бумаги (фонды) упали въ одно утро болѣе, чѣмъ на полтора піастра. Ясно, что Турція боится дѣйствительно движенія изъ Сербіи, что Сербія можетъ сдѣлать много на востокъ, если пойметъ свое положеніе, и если ея дѣятели испѣляются отъ Австрійской заразы козней.

Пишутъ, что *Черногорскій* князь Николай велѣлъ своему повѣренному прервать переговоры о разрушеніи какихъ-то Турецкихъ фортовъ. Непонятно, почему же умерщвленіе Сербскаго князя заставило отказаться Черногорцевъ отъ исполненія своего желанія. Какая связь между этими двумя дѣлами? Повѣреннаго оказалось нужнымъ послать изъ Константинополя въ Бѣлградъ съ другимъ порученіемъ, наблюдать тамошнія событія, — ну, такъ это случайная отсрочка переговоровъ о разрушеніи фортовъ.

Послѣ Сербіи важное происходитъ въ *Чехіи* (Богеміи).

Докторъ Браунеръ, котораго мы имѣли честь видѣть въ числѣ гостей нашихъ, въ прошедшемъ году привѣтствуя Императора Франца Іосифа на второй станціи отъ Праги, сказалъ ему: Слава нашему королю! Да дастъ Господь ему и намъ, чтобъ славное королевство Чешское возродилось къ новой жизни, и чтобъ святая Чешская корона скоро возсіяла снова въ полномъ древнемъ блескѣ и славѣ! Но посѣщеніе Праги Францемъ Іосифомъ не принесло никакого умиротворенія.

Венгерцы садятся на шею Австрійцамъ, и отъ дуализма нездоровится имперіи Габсбурговъ. Негодованія Чеховъ и требованія возрастаютъ болѣе и болѣе.

Нѣмецкія газеты упрекають Венгерцевъ за возведеніе системы цеховъ на степень догмата, точь въ точь такое которое господствуетъ въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Московскія Вѣдомости очень вѣрно замѣчаютъ, что Графъ Андраши воспитался въ одной школѣ съ Маркизомъ Велепольскимъ, и въ Россіи знакомы всѣ тѣ рецепты, которые Графъ Андраши примѣняетъ теперь къ Венгріи.

Въ Австрійской политикѣ относительно *Поляковъ* примѣчается перемѣна: Г. Бейстъ представилъ въ имперскую думу законъ, чтобъ выборы для имперскаго сейма производились первоначальными избирателями, вслѣдствіе чего Галицкіе Русскіе будутъ имѣть преимущество предъ Польскими помѣщиками, которые сильно вознегодовали за то на Г. Бейста.

Австрійцы уменьшаютъ проценты государственнаго долга, что производитъ тревогу между Лондонскими банкирами.

Кстати затѣмъ—(перемѣните наши такъ называемыя серіи на простыя ассигнаціи, никто у насъ и не заикнется, кромѣ нѣкоторыхъ журналистовъ и теоретиковъ, а казна сохранить огромную сумму процентовъ, расточаемую теперь даромъ. Противъ этого наговорить можно много, а на дѣлѣ такъ: народъ отягощается серіями, и не замѣтитъ ихъ отсутствія).

Предъ дворцомъ Вѣнскаго архіепископа, кардинала Раушера, исполнена кошачья музыка, съ которою едва справилась полиція.

О. Данило (тотъ который былъ нашимъ гостемъ, и подвергся послѣ многимъ неприяностямъ?) избранъ торжественно депу-

татомъ отъ многихъ мѣстностей въ Далмаціи, и отказался отъ сего званія, указавъ на другое лицо.

Г. фонъ-Мольтке сказалъ рѣчь, которая показала войнственную и возбудила негодованіе въ Парижѣ. Король Прусскій сказалъ рѣчь при закрытіи сейма, очень миролюбивую, — и Французская журналистика успокоилась. Теперь Англійская газета утверждаетъ, что рѣчь Прусскаго короля значитъ совсѣмъ не то, а только дополняетъ рѣчь начальника его штаба: не ясно ли эти толки показываютъ, что всѣ эти рѣчи, и всѣ эти статьи, суть только слова, слова и слова, и что дѣла идутъ своимъ чередомъ вдали отъ газетъ. Для чего же эта безконечная писаница газетъ? *Mundus vult decipi, ergo decipiatur.* (Міръ ищетъ лжи, ну, такъ пусть его обманываютъ).

Государства Европейскія другъ другу не вѣрятъ, готовятся къ войнѣ. Къ какой? Куда повѣтъ вѣтеръ. А откуда повѣтъ вѣтеръ? Авторъ Войны и Мира, вѣроятно, думаетъ: сверху, — и Русскій съ нимъ согласенъ.

Дизраэли впрочемъ сказалъ, что воды Рейна и Дуная не будутъ возмущены въ пынѣшнемъ году.

Московскія Вѣдомости, рассуждая о статьѣ Times, которая говоритъ «пусть дадутъ только время Германіи, и миръ въ мірѣ обезпеченъ.» Она, де, расположена оставлять своимъ сосѣдямъ всю свободу дѣйствій, какой требуетъ для себя, лишь бы эта свобода ограничивалась своими каждаго государства предѣлами. Дѣло слѣдовательно въ томъ, какія границы будетъ угодно Германіи признать дѣйствительными. При этомъ случаѣ М. В. вспоминаютъ, что депутатъ Эйзенманъ, напутствуя своимъ благословеніемъ Шлезвигскую войну, требовалъ, чтобы великая Нѣмецкая семья заступилась за угнетенныхъ братьевъ «Французскаго Альзаса и Русскаго Балтійскаго поморья» (не смотря на

то, что его населенія не имѣютъ ничего общаго съ Нѣмецкою семьей, пока усилями Русскаго правительства, въ послѣднее время особенно успѣшными, они еще не усвоены ей,) — какъ разъ въ то самое время, когда первый Германскій народный сеймъ, въ изступленіи восторга, единогласно постановилъ принести національное благодареніе князю Виндишгрецу за успѣшное бомбардированіе Праги, вздумавшей предпочесть Славянскій сеймъ Нѣмецкому.

Россія должна надѣяться только на себя, и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на сочувствіе Славянскихъ племенъ, кромѣ ихъ, искреннихъ друзей она не имѣютъ.

Говорятъ, что между Франціей и Италіей возникаютъ важныя разногласія. Министерству Менабреа угрожаетъ коалиція (стачка) всѣхъ партій (сторонъ,) и оно намѣрено привлечь къ себѣ сторону дѣйствія, Гарибальди, что, разумѣется, противно, видамъ Франціи.

Политически, по старому говоря, мы должны радоваться затрудненіямъ нашихъ зложелателей, и пользоваться передышками, кои даетъ намъ судьба, *беречь денежки на черный день*, и строить самонужнѣйшія дороги, то есть, въ Севастополь, Брестъ и Либаву. Великая отвѣтственность лежитъ на государственныхъ людяхъ нашего времени. О, еслибы они чаще думали объ Исторіи, и заботились о томъ, что скажетъ она, что скажетъ потомство, а не условная, случайная, пристрастная современность!

* Въ передовой статьѣ Новаго Времени, № 110, я прочелъ слѣдующія слова: „Говоря о дѣятельности Палацкаго, — нашей Всеславянской знаменитости, мы не скроемъ того факта, что въ Русскомъ обществѣ не всѣ одинаково смотрятъ на Славянскія симпатіи, съ особенною силою высказавшіяся во время Мо-

сковской этнографической выставки. Не всё у насъ въ равной степени даютъ себѣ отчетъ въ политической сторонѣ пробудившейся Славянской взаимности. Разногласіе въ этомъ вопросѣ пробивается наружу и въ нашей печати. Въ одной изъ нашихъ весьма распространенныхъ газетъ, съ нѣкотораго времени мы начинаемъ встрѣчать статьи, клонящіяся къ тому, чтобы Россія сблизилась съ Австрією. Славянская держава приглашается слѣдовательно войти въ дружбу съ правительствомъ, несправедливо относящимся къ нашимъ одноплеменникамъ, которымъ мы еще такъ недавно выражали наше сочувствіе и соболѣзнованіе въ претерпѣваемыхъ ими преслѣдованіяхъ. Выгоды же такого оборота нашей политики весьма сомнительны.»

Эти слова мнѣ показались...но я боюсь употребить здѣсь настоящее слово: принадлежа къ старому поколѣнію, я не привыкъ употреблять въ печати такія слова, и оставляю догадываться читателямъ, какими онѣ показались мнѣ. Какое разногласіе авторъ видитъ въ нашей печати? подумаль я, не зная еще его по имени, и остановившись на первой страницѣ. Всѣ наши главные газеты съ примѣчательнымъ единодушіемъ относятся теперь къ вопросу о Славянской взаимности: Московскія Вѣдомости, Москва, Современныя Извѣстія, Русскія Вѣдомости, Голосъ, Инвалидъ, Сѣверная Почта, само Новое Время, Петербургскія Вѣдомости. Гдѣ же, повторю, разномысліе? Говорить слѣдовательно о разномысліи, имѣя въ виду одну какую нибудь неизвѣстную или мало читаемую газету, вмѣсто ея имени говорить вообще о печати, пахнетъ очень нехорошо. Это имѣетъ очевидно цѣлю зародить подозрѣніе въ Славянахъ о нашей неискренности и дать поводъ иностраннымъ газетамъ, преимущественно враждебнымъ, (а онѣ всё таковы), къ сѣянію раздора: надѣйтесь, де, на Русскихъ — вотъ они, мимо васъ, вопреки вамъ, готовы сблизится и съ Австрією. Такъ можетъ говорить только неблагонамѣренность.

Дальше еще хуже. Авторъ приводитъ мѣсто изъ какой-то газеты, уже названной, которое передавать мы не имѣемъ духа: съ какой стати, съ какою цѣлю можно повторять такія вещи? Оскорблять людей почтенныхъ, возбуждать недовѣріе!

А что значать эти слова:

„Иные изъ журналистовъ рѣшительно высказываются въ томъ смыслѣ, что Россія не должна агитировать противъ Вѣнскаго кабинета.“

Вѣдь онъ значать, что Русскія газеты одобряютъ агитацію противъ Вѣнскаго кабинета, и что только нѣкоторые высказываются противъ такого образа дѣйствій. и это, какъ будто, порицаетъ авторъ. Помилуйте—ни одна газета наша, на оборотъ, не говорила ни объ какой агитаціи. Напротивъ мы всѣ рѣшительно возстаемъ противъ всякихъ агитацій. Говорить во имя исторіи, что Чехи имѣютъ право быть Чехами, или что восточную Галицію населяютъ Русскіе, не значитъ дѣлать агитацію, и авторъ макиавелически замѣчаетъ, что сближеніе съ Австріей, имъ самимъ придуманное или распускаемое такимъ образомъ, несправедливо и выгоды отъ такого оборота политики (!!?) очень сомнительны!

Чешскій вопросъ явился на очереди въ Европейской печати: газеты, Нѣмецкія и Французскія, наполнены разсужденіями о требованіяхъ Чеховъ. Парижскій вѣстникъ (*Messenger de Paris*) воспоминаетъ при этомъ случаѣ, что Палацкій, Чешскій народный историкъ, былъ всегдашнимъ сторонникомъ политики примиренія всѣхъ народностей Австріи. Онъ постоянно доказывалъ, что Австрія никогда не достигнетъ прочнаго основанія, если не признаетъ равноправности всѣхъ племенъ и не будетъ уважать права своихъ народовъ.»

Присоединимъ сюда еще нѣсколько замѣчаній изъ иностранныхъ газетъ, какъ передаетъ ихъ Москва.

«Въ то время, когда распаденіе Австріи казалось неизбежнымъ, слѣдуетъ ли удивляться, что Чехи, поставленные между двумя опасностями—честолюбіемъ Пруссіи и честолюбіемъ Россіи—обратились къ той сторонѣ, которая могла бы уважить ихъ національность? Желанія Чеховъ не представляютъ никогда трудности для удовлетворенія ихъ: они никогда не требовали столько, сколько Венгерцы.»

«Правительство (Австрийское) только озлобило Чеховъ противъ себя и противъ Нѣмцевъ и скрѣпило дружбу Чеховъ съ Русскими. Вслѣдствіе этого союза Чеховъ съ Россіею, вопросъ Чешскій сталъ Европейскимъ.»

«Если Чехи будутъ доблестно продолжать свою борьбу и слѣдовать примѣру Мадьяръ, то можетъ кончиться тѣмъ, что Австрийская имперія будетъ только состоять изъ одного эрцгерцогства Австрийскаго.»

При обсужденіи въ законодательномъ собраніи 5-го іюля бюджета министерства народнаго просвѣщенія, палатою принято внесенное дополненіе объ учрежденіи въ Парижскомъ университетѣ не одной каѳедры Славянской литературы, а нѣсколькихъ, съ тою цѣлью, чтобы раздѣленіемъ Славянскихъ языковъ уничтожить всякую идею о панславизмѣ и подорвать честолюбіе Россіи. (!!) Если такимъ образомъ будетъ признано множество Славянскихъ народовъ, то эти народы въ отдѣльности будутъ чувствовать себя сильнѣе для противодѣйствія планамъ Россіи. Докладчикъ Карошъ развивалъ политическое значеніе этого вопроса. Онъ сказалъ, что панславизмъ, утверждалъ единство языка и единство расы, стремится достигнуть тѣмъ единства территоріи, а потому Европа должна коалиціи Славянскихъ силъ противопоставить Германскія и Латинскія силы.

Годовщина Славянскаго съѣзда въ Москвѣ.

16-го мая, въ четвергъ, въ годину пріѣзда Славянъ въ Москву на прошлогоднюю Этнографическую выставку, былъ устроенъ по подпискѣ обѣдъ въ саду, при домѣ автора на Дѣвичьемъ полѣ. Передъ обѣдомъ, въ залѣ, украшенной пзображеніями св. Кирилла и Меодія и портретами знаменитыхъ писателей Россіи, онъ прочелъ слѣдующую рѣчь:

Мы собрались, мм. гг., чтобы вспомнить вмѣстѣ, посемейному, прошлогоднее свиданіе и знакомство наше съ представителями всѣхъ Славянскихъ племенъ, посѣтившими Московскую Этнографическую выставку. Я намѣревался сказать вамъ нѣсколько словъ за столомъ объ этомъ важномъ и знаменательномъ въ исторіи Славянства событіи. Но когда я сталъ обдумывать ихъ, то увидѣлъ, что онѣ слишкомъ тяжелы для застольной рѣчи и не могутъ умѣститься въ ней удобно. А между тѣмъ нужно и полезно, казалось мнѣ, какъ для нашихъ соотечественниковъ, такъ въ особенности для Европейскихъ нашихъ соглядатаевъ, друзей и недруговъ, выяснить, хотя заднимъ числомъ, нѣкоторыя обстоятельства, опредѣлить значеніе и показать настоящее положеніе вопроса о Славянской взаимности, нравственной, духовной, литературной, — вопроса, который занималъ и занимаетъ главное мѣсто во всѣхъ нашихъ собраніяхъ. Вотъ почему рѣшаюсь я просить у васъ позволенія поговорить объ этихъ предметахъ на-просторѣ, передъ обѣдомъ, предлагая вамъ это разсужденіе вмѣсто желудочныхъ капель. Заранѣе извиняюсь и

въ длиннотѣ и, можетъ-быть, скупѣ, потому что я не успѣлъ обработать, не успѣлъ привести въ порядокъ свои мысли; но дѣло въ дѣлѣ, а не во внѣшней формѣ.

„Вы всѣ хорошо знаете, что прошлогодній Славянскій съѣздъ былъ событіемъ совершенно случайнымъ. Мы всѣ, исконные друзья Славянъ, о немъ и не думали, не предполагали, не ожидали. Учредители Этнографической выставки назначили ей сначала гораздо тѣснѣйшіе предѣлы. Кругъ ея распространился самъ собою. Позвольте ли вы мнѣ напомнить для ясности это странное приключеніе? Сдѣлано было въ вѣдомостяхъ простое объявленіе о намѣреніи общества собрать образчики одеждъ и прочихъ вещей, относящихся до народной жизни племенъ, населяющихъ Россію. Явились жертвователи, которыхъ приношенія были оглашены, разумѣется, съ благодарностію. Нѣкоторые особы изъ царствующаго дома приняли участіе. Наши Малороссіяне прислали свой вкладъ. За ними слѣдовали Русскіе изъ Галиціи, а потомъ Словаки, Словенцы, Сербы, Болгары, Чехи. Нѣкоторые приношенія были очень сложны и цѣнны. Предсѣдатель Этнографической выставки почелъ обязанностію пригласить жертвователей въ гости на затѣянный имъ праздникъ. Путешествіе издалека требовало издержекъ. Управленія желѣзныхъ дорогъ вызвались возить гостей даромъ. Это передано къ общему свѣдѣнію. Число желающихъ посѣтить Москву увеличилось. Послышались славныя, любезныя имена, которыхъ увидѣть въ Москвѣ, сдѣлалось желаніемъ многихъ. Петербургъ, надо отдать ему честь, пустилъ въ оборотъ мысль, что слѣдуетъ принять гостей съ подобающимъ почетомъ, и доставить имъ и другимъ желающимъ всѣ средства и удобства познакомиться съ Россіей и ея жителями. Собралась значительная сумма. Возродилось соревнованіе. Москвѣ нельзя было отстать, а развѣ подумать о перетонкѣ. Городской голова предложилъ въ собраніи думы назначить три тысячи на угощеніе, и, въ случаѣ нужды, дойти до

четырехъ. Никто не смѣлъ и желать больше, зная о множествѣ городскихъ расходовъ. «Этого мало: пять, пять!»—раздалось въ ближнихъ рядахъ гласныхъ. «Десять, десять!»—закричали дальніе. Внутренно радуясь, я улыбался, и поглядывая на старшинъ, какъ будто оправдывался предъ ними: это не я кричу, мм. гг., не сѣтуйте на меня; но все собраніе согласилось съ совершеннымъ удовольствіемъ, и, главное, нашлись охотники, мастера, которые приняли на себя всѣ труды и распоряженія, и исполнили это отлично.

Приготовленія дѣлались въ Москвѣ и Петербургѣ,—о другихъ городахъ не было мысли; но молва разнеслась по всей дорогѣ, вездѣ возбудились одни и тѣ же чувства, по всѣмъ городамъ устроились встрѣчи и начиная отъ Австрійскихъ и Прусскихъ границъ, поѣздъ гостей Славянскихъ уподобился триумфальному шествію. О пріемахъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Москвѣ я—говорить не буду. Всѣ наши ожиданія были далеко превзойдены; мы не могли воображать себѣ ничего подобнаго. Въ народѣ, который былъ свидѣтелемъ и участникомъ праздника, какъ будто пробудилось внутреннее, самому ему неизвѣстное, чувство. „Это братья: Отче нашъ“ они читаютъ по нашему; они терпятъ подъ чуждымъ гнетомъ.» Вотъ что сразу поняли простые Русскіе люди, и плакали, и цѣловались, и обнимались, и шумѣли, и кричали: „ура, слава, живіо!“ Здѣсь ничего не было подготовленнаго, придуманнаго, сочиненнаго. Все происходило просто, естественна, само собою.

Скажу даже вотъ что: стараясь привести въ ясность для себя, для лѣтописи, какъ все это случилось, я во многихъ случаяхъ не могъ добратся—отъ кого же происходила первая мысль, первый толчокъ, первое движеніе,—точно такъ не могъ добратся, какъ и въ изслѣдованіяхъ о многихъ великихъ событіяхъ въ Русской исторіи, имѣющихъ въ этомъ отношеніи совершенно одинъ характеръ.

Видно, все это дѣло устроилъ самъ Богъ, возрѣвшій милостивымъ окомъ на различныя, тяжкія бѣдствія Славянскихъ племенъ, и на вселенскихъ Спасскихъ часахъ видно пробилъ имъ часть ихъ возрожденія и спасенія. Да будетъ.

А ревнивые наши сосѣди приписывали намъ-простякамъ Богъ знаетъ какіе ухищренныя замыслы, какіе политическіе планы и макіавелическіе происки, и, къ стыду своему, надѣлали множество непристойностей нѣкоторымъ изъ нашихъ гостей, участниковъ Московскаго праздника, какъ будто одни Славяне въ Европѣ не имѣютъ права сходиться, какъ сходятся Нѣмцы, Англичане, Бельгійцы, Французы, Итальянцы. Но на прежнее возвратимся.

Какъ бы то ни было, Славяне всѣхъ племенъ увидѣли себя въ первый разъ вмѣстѣ, и увидѣли себя въ Москвѣ, которая приняла ихъ съ братскими объятіями, радушно, горячо, живо. Всѣ сословія другъ передъ другомъ порывались выразить свои чувствованія. Здѣсь были Сербы, Болгары, Чехи, Мораване, Галичане, Словаки, Словенцы, Кашубы, Хорваты, Босняки Червогорцы, Лужичане, Русскіе. Здѣсь были православные, католики, уніаты, протестанты. И всѣ чувствовали себя братьями, отъ одного корня, однимъ народомъ, раздѣленнымъ на разныя племена, — однимъ языкомъ, раздѣленнымъ на разныя нарѣчія. Всѣ почувствовали, что составляютъ одну плоть, одну кровь, и всѣмъ представилась естественно мысль о развитіи, объ укрѣпленіи, объ увѣковѣченіи этой связи, которая съ перваго взгляда представляла уже такіе прекрасныя задатки, давала такіе драгоценныя залого.

Первою связью представился языкъ: языкъ у всѣхъ у насъ Славянъ одинъ, но нарѣчія разныя; мы расселены на великихъ разстояніяхъ, и по краямъ наши нарѣчія дѣлаются одно для другаго неудобопонятными; между тѣмъ всѣ онѣ слишкомъ легки для изученія:

Да и дѣйствительно: если всѣ австрійскіе Славяне: Чехи, Кроаты, Сербы, Словенцы и проч., находятъ возможность изучать и присвоивать себѣ совершенно чуждый языкъ Нѣмецкій; если всѣ турецкіе Славяне, Сербы, Болгары, Воевяды и Герцеговинцы говорятъ и по-Турецки, и по-Гречески, то несравненно всѣмъ имъ легче изучить и овладѣть однимъ какимъ-нибудь Славянскимъ нарѣчіемъ, съ которымъ всѣ имѣють сродство, сходство и внутреннюю кровную связь.

Все это представлялось само собою и всѣмъ тотъ же часъ встрѣчался одинъ отвѣтъ, какое нарѣчіе избрать средствомъ для взаимнаго сообщенія. Русское, — и потому, что оно принадлежитъ пятидесяти-милліонному народу — и восьмидесяти-милліонному государству, — и потому, что, по мнѣнію всѣхъ знатоковъ, оно заключаетъ въ себѣ наиболѣе свойствъ, принадлежащихъ порознь всѣмъ Славянскимъ племенамъ, — и потому, что оно есть непосредственный преемникъ и наслѣдникъ церковнаго языка, употребляемаго всѣми Славянами православными, католиками и униатами.

Русское нарѣчіе, церковный языкъ, Кирилловское Священное писаніе, — ну, слѣдовательно и Кирилловская азбука, которая способнѣе всѣхъ выразить всѣ славянскіе звуки.

Вотъ какія мысли явились на этомъ създѣ въ-очію всѣмъ намъ и всѣмъ нашимъ гостямъ, безъ всякаго насилія, безъ всякаго пристрастія, безъ всякаго умысла.

Эти мысли явились намъ, такъ сказать, присутствующимъ, бросились намъ въ глаза, — но для отсутствующихъ, для всѣхъ племенъ, для приведенія въ дѣйствіе этой мысли, нужно время, нужны опыты, нужны благопріятныя обстоятельства.

Будемъ ихъ съ терпѣніемъ дожидаться, будемъ имъ способствовать путями законными, но также безъ всякой какъ говорятъ нынѣ, агитаціи. Довольно, что представители всѣхъ

племень убѣдились въ необходимости, пользѣ изученія русскаго языка и употребленія Кирилловской азбуки, которая, написавъ впервые для всѣхъ племенъ: въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ у Бога, къ Богу, въ Богѣ, — должна послужить теперь для всѣхъ и крѣпчайшимъ звѣномъ соединенія.

«Не могу не предложить мимоходомъ слѣдующаго замѣчанія объ удивительныхъ судьбахъ, какъ бы свыше благословенной, Кирилло-Меѳодіевой грамоты. Она съ самаго начала обняла всѣ славянскія племена, и распространилась вездѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ: у Болгарь, у Чеховъ, у Словенцевъ, у Моравовъ, у Поляковъ, у Русскихъ; подверглась вездѣ разнымъ превратностямъ, потерѣла великіе, смертоносные удары, — и вотъ чрезъ тысячу почти лѣтъ въ грамматикѣ церковнаго языка Добровскаго, эта священная грамота сдѣлалась источникомъ и началомъ возвращенія Славянъ къ жизни.

„Да ми. гг. все настоящее славянское движеніе начинается съ грамматики Добровскаго. Сынами духовными Добровскаго были Шафарикъ и Коляръ, въ своихъ сочиненіяхъ: «Славянскія древности» и «Slavy dzega», дочь славы. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, — одно изъ нихъ историческое, другое пѣтическое, — провозглашены торжественно и доказаны критически какъ древность, такъ и единство всего славянскаго народа.

«Коляръ написалъ тогда же, около 1835 года, лирическое разсужденіе о взаимности между славянскими племенами. Въ этомъ году я былъ въ Прагѣ, и соединился дружескими узами со всѣми корифеями славянской мысли, — узами, которые продолжались до ихъ кончины. Они всѣ уже снизошли въ могилу: остались только Палацкій, тогда младшій между ними, и Пуркина, жившій тогда въ Бреславлѣ.

„Разсужденіе Коляра я привезъ въ Москву и началъ тотчасъ переводить, а кончилъ переводъ Юрій Ѳед. Самаринъ только что

кончившій курсъ въ университетѣ. Переводъ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840, кажется, года. Полезно бы теперь его перепечатать, что мы и сдѣлаемъ, прилагая переводъ другаго подобнаго разсужденія, Стура.

Съ тѣхъ поръ началась взаимность, въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, между немногими частными лицами, преимущественно изъ ученаго сословія. Какимъ насмѣшкамъ и ругательствамъ мы подвергались отъ партіи такъ-называемой западниковъ—распространяться здѣсь не мѣсто.

„По возвращеніи моемъ изъ-за границы въ 1835 году, я началъ собирать пожертвованія. Списокъ первыхъ жертвователей у меня сохранился за собственноручными ихъ подписями.

„Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, которому я представилъ подрѣбный отчетъ о положеніи Славянъ, внялъ моимъ слезнымъ молитвамъ и въ 1838 году выдалъ мнѣ 10 тысячъ руб. асс. на пособіе ученымъ трудамъ, Шафарика и Ганки.

„Тогда были напечатаны славянскія древности, которыя медленно были переведены здѣсь г. Бодянскимъ и напечатаны, какъ и прежде славянская грамматика Добровскаго. Всѣ нужныя книги посланы были въ славянскія бібліотеки, въ ученныя общества, и для употребленія главныхъ дѣятелей.

„Въ 1840 году пріѣзжалъ въ Москву знаменитый Иллиріецъ Гай, который былъ тогда душою движенія на югѣ. Мы собрали ему, съ помощью генераль-губернатора князя Д. В. Голицына, 17,500 р. асс. для содѣйствія ученымъ трудамъ и распространенія Кирилловской грамоты. Хомякову, Шевыреву, Самарину Аксакову, Павлову — принадлежали главные вклады.

„Этотъ періодъ былъ самый благопріятный для отношеній Славянъ къ Россіи. Всѣ корифеи славянскіе были на нашей сторонѣ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ, по разнымъ обстоятельствамъ, болѣе и болѣе молодежь начала обращаться въ другую сторону.

„Я былъ между Славянами въ 1835, 39, 42, 46, 52, 56 гг. и видѣлъ какъ, на барометръ, степени пониженія ихъ дружескихъ отношеній къ Россіи, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, исчислять которыя и грустно, и неудобно. Вся такъ-называемая интеллигенція, образованная часть между Хорватами, Сербами, австрійскими и турецкими, питала подозрѣніе о властолюбивыхъ нашихъ замыслахъ и опасалась нашего деспотизма. Предсѣдатель государственнаго совѣта въ Бѣлградѣ, Симичъ, ростомъ съ Петра I, товарищъ Вучича и Петроніевича, сказалъ мнѣ въ 1842 г.: „не надо вамъ думать о рекрутскихъ наборахъ въ Сербіи: лучше охотниковъ мы будемъ выставлять вамъ десятиро“.

„Въ 1848 году, вслѣдствіе общаго европейскаго движенія, сторона, противная Россіи, превозмогла, молодежь чешская вступилась за Поляковъ. Венгерскій походъ вооружилъ окончательно противъ насъ большинство. Такъ было до Крымской войны“.

„Крымская война показала Славянамъ то живое участіе, которое Россія, или Императоръ Николай Павловичъ, принималъ въ судьбѣ ихъ. Къ несчастію, вся Европа вооружилась противъ Россіи, и спасеніе Славянъ отсрочилось; но эта война принесла намъ ту пользу, что многіе Славяне къ намъ обратились, и завязались новыя сношенія.

„Изъ пожертвованій этого времени, имѣвшихъ большое значеніе для славянскаго дѣла, съ благодарностію я долженъ упомянуть 3 тыс. р. с., которыя для славянскихъ предпріятій пожертвовалъ В. А. Кокоревъ, при моемъ путешествіи 1856 г. и 10 тыс. р., которыя онъ же послалъ къ И. С. Аксакову для южныхъ, преимущественно турецкихъ, Славянъ, по первому его письму оттуда. И. С. Аксаковъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ служителемъ славянскаго дѣла, и въ своихъ изданныхъ сборникахъ: „Днѣ“ и „Москвѣ“, равно какъ и прежде въ „Русской Бесѣдѣ“, ко-

торая издавалась на иждивеніе А. И. Кошелева, содѣйствовалъ очень много распространенію идеи славянской и усиленію взаимности.

„Въ 1852 году образовался въ Москвѣ славяпскій благотворительный комитетъ, преимущественно для образованія южныхъ Славянъ, котораго дѣйствія въ послѣднее время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, значительно расширились.

„Все это были частныя попытки, все это не было общимъ достояніемъ, и переходило въ массы очень туго.

„Но вотъ Славяне собрались въ Москву, случайнымъ образомъ, какъ выше было объяснено, и Колярова взаимность стала въ-очію. Мы осязали ее не только руками, но и сердцами, и начинаемъ чувствовать ея благотворныя слѣдствія.

„На этомъ сѣздѣ всѣ Славяне увидѣли себя, какъ сказала я выше, лицомъ другъ къ другу. Но между ними не было Поляковъ. Нельзя было пройти молчаніемъ ихъ отсутствія. Нельзя было въ особенности мнѣ, какъ служителю исторіи, и старшему между присутствовавшими Русскими, носителю идеи славянской, — нельзя было мнѣ говорить о Славянахъ, о союзѣ славянскомъ, о взаимности между ними, и пропускать, забывать о существованіи Поляковъ, и такимъ молчаніемъ какъ бы сознаваться, что Русскіе виноваты передъ Поляками, что совѣсть мѣшаетъ намъ относиться къ нимъ спокойно передъ прочими своими братьями. Вся молодая Чехія была противъ насъ за Поляковъ, — я это зналъ, и мнѣ казалось, что я долженъ былъ объяснить имъ публично наши отношенія, хотя въ короткихъ словахъ.

„Вотъ почему на главномъ нашемъ братскомъ обѣдѣ, подъ хоругвию св. Кирилла и Меѳодія, я спросилъ, гдѣ же Поляки, и отвѣчалъ сущую правду, не произнеся ни одного обиднаго для Поляковъ слова: они стоятъ далеко, они бросаютъ на насъ

взгляды, недоброжелательные. Братья! обратился я къ нимъ, примиритесь, наши объятія для васъ отверсты, и забудемъ прошлое!

Я очень радъ, что я произнесъ эти слова и предупредилъ Ригера, который послѣ меня говорилъ о примиреніи. Для насъ, Русскихъ, было бы, кажется, неловко, еслибъ у насъ дома гости напомнили намъ объ отвергаемыхъ братьяхъ, какъ бы упрекая, можемъ ли мы имѣть право проповѣдывать единство, вражду Полякамъ, отвергая ихъ? Нѣтъ мы ихъ не отвергали и не отвергаемъ, а они насъ чуждаются и продолжаютъ ненавидѣть: кто же виноватъ? Мы отнюдь не возвращаемъ вражды, противъ насъ питаемой, отдавая себя какъ бы на третейскій судъ всего славянства. Вотъ смыслъ сказанныхъ мною тогда словъ.

„Поляки, ослѣпленные, продолжаютъ упорствовать, и своими объявленіями, прежними и нынѣшними, совершенно отдѣляются не только отъ Россіи, но отъ всего славянства. Они оправдываютъ насъ и привлекаютъ къ намъ всѣхъ Славянъ, которые теперь видятъ, кто въ братской исторической распрѣ виноватъ болѣе, и кто препятствуетъ соединенію. Поляки говорятъ теперь Чехамъ, отказываясь придти къ нимъ на ихъ народное торжество: „Мы не мѣшаемъ вамъ соединяться съ Русскими; но также точно должно предоставить и Полякамъ свободу соединяться съ тѣми, кто не будетъ за-одно съ Россіей. Итакъ, оставьте насъ въ покоѣ и не старайтесь соединить несоединимое; вы этииъ возжигаете нашу исконную борьбу. Славянство должно выбирать между Польшею и Россіей: оно не можетъ соединиться съ обѣими вмѣстѣ. Если вы за-одно съ Поляками, то вы за-одно съ Европой и западною цивилизаціей, которая и была вашей воспитательницей. Если же вы стоите на сторонѣ Россіи, то вы объявляете себя нашими врагами, и врагами нашихъ правъ, и всей семьи европейскихъ народовъ, съ которою вы связаны духомъ и тѣломъ. Дѣлайте, что хотите; мы никогда не перемѣнимъ нашего положенія“.

„Несчастные! спросимъ мы васъ, — съ какою же Европою, съ какою цивилизаціей вы соединяетесь? Съ Турціей, Венгріей и Австріей? Что же сдѣлала для васъ вся Европа, что сдѣлала для васъ Франція, во время республики, консульства, имперіи, королевства, второй республики? Она играетъ вами для своей выгоды, а не для вашей. Вы остаетесь съ цивилизаціей и Европою и берете за руки Турцію, Венгрію и Австрію, которыя были главными врагами, злодѣями и тиранами всѣхъ славянскихъ племенъ: почувствуйте всю ложь своего положенія.

„Поляки такимъ заявленіемъ изрекли приговоръ себѣ, и вмѣстѣ подтвердили историческую догадку о своемъ происхожденіи.

Я говорю — приговоръ, ибо держась Турціи и Австріи двухъ государствъ, осужденныхъ на смерть, почти уже труповъ, они явно стремятся къ конечной своей гибели.

„А въ чемъ состоитъ догадка о происхожденіи польской шляхты? Шляхта — пришельцы въ Польшѣ, какъ у насъ Норманны; но, наши Норманны смѣшались съ Славянами, какъ капли вина съ водою, а шляхта осталась отдѣльною въ водѣ, какъ масло. Вотъ по-моему источникъ различія въ исторіи польской и русской. Вотъ причина отчужденія шляхты отъ собственныхъ своихъ поселенъ.

«Усвоивъ чужой, т. е. польскій и славянскій языкъ, шляхта осталась племенемъ чуждымъ, западнымъ, которое и тянетъ къ Западу.

«Многіе Русскіе, познакомившіеся въ послѣднее время съ краемъ, единогласно утверждаютъ, даже судя по физиогноміи, о различіи поселенъ съ горожанами, которое также служитъ и подтвержденіемъ догадки: то-есть, народъ польскій — вотъ Славяне, а шляхта — пришельцы, которые говорятъ только по-польски, какъ Евреи по-нѣмецки въ Германіи, или по-испански въ Испаніи, а чувствуютъ посвоему.

«Желательно, чтобы чешскіе ученые посѣтили Польшу и про-

извели бы здѣсь историко-филологическія изслѣдованія и наблюденія, и привели этотъ гадательный вопросъ въ ясность.

«Какъ бы то ни было, послѣднее заявленіе Поляковъ равняется рѣшительной русской побѣдѣ надъ ними. Они работаютъ въ этомъ отношеніи больше насъ на пользу Россіи. Удивительныя судьбы!

Повторю здѣсь кстати, что мы, Русскіе, оставляя всѣ счеты историческіе, филологическіе и политическіе, не питаемъ никакой злобы и мести противъ Поляковъ, и готовы обняться съ ними побратски, если они сознаются въ своихъ заблужденіяхъ и откажутся отъ своихъ несбыточныхъ притязаній. Правительство наше, гораздо болѣе снисходительное къ Полякамъ, чѣмъ мы, чѣмъ народъ, расположенное къ возстановленію Польши при Александрѣ I, дававшее имъ полную автономію при Александрѣ II, гѣрно измѣнить свой образъ дѣйствій, и сдѣлаетъ для Поляковъ все возможное, удостовѣрится въ ихъ исправленіи, а до тѣхъ поръ, пока будутъ продолжаться за границею враждебныя заявленія и оглашаться нелѣпыя требованія, пока безпрестанно будутъ представляться доказательства вражды неистовой, пока польскій катихизисъ останется въ своемъ дѣйствіи, — до тѣхъ поръ положенія своего Поляки не будутъ улучшать, а развѣ ухудшать, и ничто не можетъ пойти иначе.

«Вы позволите мнѣ, мм. гг., предложить здѣсь еще два замѣчанія и отстранить два сравненія, обращаемыя противъ нашего, противъ Русскаго, дѣла. Нѣкоторые указываютъ на примѣръ Ирландіи, поднявшей свой голосъ. Этотъ примѣръ отнюдь къ намъ не идетъ. Скажу одно: Россія не пользуется и никогда не пользовалась ни однимъ грошемъ отъ Польши, а напротивъ прикладывала и прикладываетъ свои копѣйки. Русскіе люди имѣютъ ничтожное владѣніе въ Польшѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что Поляки имѣютъ въ Россіи, и Англичане въ Ирландіи.

«Другіе указываютъ на примѣръ Чехіи, которая ищетъ теперь автономіи; но мы эту автономію, гораздо въ высшей степени предлагали Польшѣ нѣсколько разъ, и если она не хотѣла пользоваться этими правами безъ отнятія отъ насъ нашихъ родныхъ, собственныхъ, утробныхъ русскихъ земель, то кто же виноватъ въ настоящемъ положеніи?»

«Неужели кто-нибудь можетъ сказать, что мы не должны защищать собственное свое существованіе, охранять своихъ родныхъ Русскихъ братьевъ, въ угоду Полякамъ?»

«Отказъ Россіи отъ правъ на Сербію, принадлежащихъ ей по трактатамъ, довершаетъ ея торжество во мнѣніи всѣхъ славянскихъ племенъ. Онѣ видятъ ясно наше безкорыстіе, и нельзя не отдать полной чести нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, которое дѣйствуетъ до сихъ поръ великолѣпно. Мы жаловались нѣкогда на излишнюю его сдержанность, осторожность, доходившую, по нашему мнѣнію, до робости; но мы убѣдились изъ обнародованной переписки, что оно не переставало заботиться о судьбѣ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ и не пропускало ни одного случая напоминать Европѣ объ ея обязанностяхъ.»

«Намъ опротивѣло во время оно выраженіе, что Россія не ищетъ завоеваній. Мы осуждали оное, негодовали, а теперь мы должны сознаться, что правительство дѣйствовало гораздо вѣрнѣе, а мы увлекались. Теперь мы всѣ говоримъ, что намъ не надо завоеваній, и въ этомъ наша сила и значеніе предъ всѣми славянскими племенами.»

«Итакъ, съ этихъ сторонъ обстоитъ все благополучно. Что же принадлежитъ обществу? Мы, частные люди, должны поддерживать всѣ ученія, литературныя предиріятія между Славянами, снабжать ихъ русскими книгами, доставлять русскихъ учителей и содѣйствовать распространенію русскаго языка и русской азбуки, т. е. принимать тѣ мѣры, которыя предлагались мною министерству просвѣщенія за нѣсколько лѣтъ тому назадъ.»

«Если русскій языкъ сдѣлается общимъ литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянъ, какъ есть одинъ литературный языкъ у племенъ французскихъ и нѣмецкихъ, то сколько новыхъ словъ и оборотовъ внесутъ славянскіе писатели, какъ, обогатятъ они русскій языкъ—доказывать не нужно. Какъ обогатится русская литература и съ нею и общее образованіе! И вмѣстѣ какую пользу получаютъ сами Славяне для своихъ собственно нарѣчій, которыя должны обогащаться въ равной степени! Наконецъ, обратимъ вниманіе и на то, что имѣть публику въ 80, въ 100 милліоновъ не то, что писать для 5, для 6, для 10! Будущность блистательная, и она приближается къ намъ, судя по всѣмъ извѣстіямъ изъ славянскихъ странъ.

«Всѣ Славяне учатся ревностно по-русски и просятъ нашихъ учителей, которые бы знакомили ихъ съ живою рѣчью русскою. Съѣзды славянскіе необходимы для поддержанія возбужденныхъ чувствъ.

„На прошлогоднемъ съѣздѣ изъявлено было это желаніе многими, но не принято было никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; да и нельзя было принимать ихъ по многимъ причинамъ. Но вотъ въ нынѣшнемъ году этотъ съѣздъ состоялся самъ собою, и основаніе театра въ Прагѣ, точно такъ, какъ московская этнографическая выставка, сдѣлалось поводомъ къ съѣзду общему, гдѣ подтверждена мысль о единствѣ, родствѣ и взаимности. Я повторю здѣсь слова Сладковскаго, произнесенныя имъ въ Прагѣ, на другой день послѣ заложения театра:

„Вчерашній день сталъ знаменательнымъ особенно потому, что въ этотъ день проявили участіе и солидарность съ нашимъ дѣломъ всѣ племена далеко распростершагося восьмидесятимилліоннаго славянскаго народа. Въ первый разъ нашему предпріятію выражено сочувствіе отъ всѣхъ безъ исключенія вѣтвей славянской семьи, со всѣхъ концовъ славянской земли, въ границахъ

которой никогда не заходитъ солнце. Изъ Сербской и Хорватской страны, изъ Словацкой и Словенской, изъ Галича и Польши, изъ Лужиць и Далмаціи, изъ Военной Границы и Герцеговины, изъ Черногоріи и Болгаріи, изъ Великой Святой Руси, выражено наигорячѣйшее участіе къ нашему дѣлу, ставшему общимъ дѣломъ всего славянства. Дѣло наше—ихъ дѣло, честь наша—ихъ честь! Господа! Весь сѣверо-славянскій флотъ шлетъ по телеграфу привѣтъ и провозглашаетъ славу коронѣ чешской и успѣхъ народному чешскому театру. Такое заявленіе озаряетъ чешскую корону и ставитъ ее въ новомъ блескѣ. Какъ нынѣшнее дѣло наше признано дѣломъ всеславянскимъ, такъ пусть и въ будущемъ всѣ славянскія племена привѣтствуютъ, каждое дѣло отдѣльныхъ племенъ, какъ дѣло всѣмъ общее, пусть видятъ въ немъ свою честь и славу. Пусть въ общественныхъ и иныхъ вопросахъ господствуетъ между нами согласная мысль; быть-можетъ это согласіе и не поведетъ еще къ политическому единству, но оно поведетъ къ тому, что народъ славянскій не допуститъ, чтобы которому либо изъ славянскихъ племенъ, нанесена была обида. Какъ нѣкогда для древняго Римлянина было величайшею гордостію провозглашать предъ цѣлымъ свѣтомъ „я Римлянинъ!“— пусть точно также каждый Славянинъ съ такою же гордостію говоритъ отнынѣ: „я Славянинъ!“ За успѣхъ славянской взаимности и солидарности!“

«Слушая эту рѣчь, благородную и горячую, мм. гг., не сознаетесь ли вы, что при словѣ о 80-ти милліонномъ народѣ славянскомъ, сердце ваше забилося, ибо вы знаете, что въ этихъ 80 милл. 50, или болѣе составляемъ мы?

«Не сознаетесь ли, что, слушая о пространствѣ, гдѣ не заходитъ солнце, вы понимаете, что изъ 24 часовъ его странствія по тверди небесной около 20 принадлежитъ намъ?

«Ваше сердце забилося,—ну, такъ я смѣло могу сказать те-

перь, что осыпанные такими дарами Божиими, считая себя миллионами и владѣя землями неизмѣримыми, мы несемъ на себя обязанности великія, святыя, въ отношеніи къ нашимъ старшимъ, хоть и малочисленнымъ, братьямъ. Мы въ обилии, — они въ нуждѣ; мы на свободѣ, — они подъ игомъ. Всѣ государства славянскія пали, не одна Польша, — такъ видно, было угодно Богу, въ исполненіе какихъ-то непостижимыхъ для насъ судебъ историческихъ: Богемія, Моравія, Померанія, Силезія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Сербія, Болгарія. Одна Россія, самая младшая между ними, возникшая послѣ всѣхъ, возсталась послѣ монгольскаго ига, утвердилась, усилилась и заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ. Мы должны всѣмъ славянамъ помогать словомъ, дѣломъ и помышленіемъ. Мы должны считать горести и радости собственными горестями и радостями, мы должны стараться, употреблять всѣ мѣры къ облегченію ихъ участи, мы должны содѣйствовать умноженію ихъ радостей. Слышите, видите, какъ выражаютъ намъ дружескія свои чувства ихъ представители. Палацкій и Ригеръ являются на чешскомъ народномъ праздникѣ въ русскихъ орденахъ. Сладковскій называлъ на праздникѣ Святою Русь, и это названіе вызвало громовыя восторженныя рукоплесканія. Они называютъ нашъ флотъ своимъ флотомъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Господа! считаю себя счастливымъ, что дожилъ до этихъ минутъ торжества идеи, которой я служилъ искренно и горячо, и горько сожалѣю, что этого счастья не досталось въ удѣлъ покойнымъ друзьямъ моимъ — Шафарику, Коляру, Ганкѣ, Вуку, Хомякову, Кирѣевскимъ, Шевыреву, Константину Аксакову и прочимъ начальникамъ возрожденія.

«Въ заключеніе длиннаго моего чтенія я выражу желаніе, которое вѣрно и вы раздѣлите со мною, чтобы съѣзду слѣдующаго года подало поводъ основаніе храма во имя св. Кирилла и Меодія гдѣ-нибудь между Славянами: или въ Бѣлградѣ у Сербовъ, или на Черной Горѣ, или въ Селунѣ, родинѣ нашихъ апостоловъ.

«Наконецъ еще желаніе, хотя, къ несчастію, и слишкомъ несбыточное: пожелаемъ, чтобы Поляки, вслѣдъ за евангельскимъ блуднымъ сыномъ, опомнились и возвратились въ нѣдра славянскаго семейства!»

16 Мая 1868 г.

Самый обѣдъ происходилъ въ большой и широкой липовой аллеѣ. Тосты за этимъ обѣдомъ, по просьбѣ гостей, предложилъ самъ хозяинъ. Въ числѣ ихъ упоминаемъ о слѣдующихъ: за здравіе Государя Императора Александра Николаевича всея Руси, прирожденнаго и наслѣдственнаго покровителя и защитника всѣхъ Славянъ; за упокой Императора Николая Павловича, который Адрианопольскимъ миромъ сдѣлалъ много добра Сербамъ, Грекамъ и Валахамъ, и искренно желалъ облегчить участь всѣхъ Славянъ; во славу славянской взаимности, которая получила прочное основаніе въ прошломъ году въ Москвѣ и укрѣпляется нынѣ въ Прагѣ; за здоровье славянскихъ гостей, бывшихъ въ прошломъ году въ Москвѣ; во славу дѣятелей славянскаго дѣла, нынѣ живущихъ и прежде почившихъ: въ честь этнографической выставки, ея учредителей и всѣхъ ихъ сотрудниковъ. — Послѣ этихъ тостовъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ предложилъ тостъ за старѣйшаго между русскими дѣятелями на пользу общаго славянскаго дѣла, М. П. Погодина. Хозяинъ, съ своей стороны предложилъ отправить въ Прагу телеграмму такого содержанія: «Московскіе друзья вспоминаютъ прибытіе славянскихъ гостей въ Москву, желаютъ имъ всякаго благополучія и пьютъ за ихъ здоровье, поздравляя съ пражскимъ праздникомъ». Телеграмма была въ точъ же день отослана. Тѣ изъ бывшихъ на обѣдѣ, кто не принадлежалъ къ числу членовъ славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ, тутъ же записались въ члены, представивъ опредѣленный для того годичный взносъ. Наконецъ послѣ обѣда

заявлено было, что С. А. Масловъ представилъ въ университетъ 2,500 рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этой суммы получалъ ежегодное пособие кто-либо изъ воспитанниковъ Славянскаго Комитета.

Славянскія нужды.

Московский Славянскій Благотворительный Комитетъ, съ отдѣленіями своими въ Петербургѣ и Кіевѣ, имѣеть цѣлю, какъ извѣстно:

I. Содѣйствіе образованію Славянъ, преимущественно въ турецкихъ владѣніяхъ.

II. Пособіе православнымъ церквамъ въ турецкихъ и австрійскихъ владѣніяхъ.

III. Распространеніе русскаго языка между Славянами, единственными, искренними друзьями Россіи въ Европѣ.

Засѣданія Комитета въ лѣтнее вакаціонное время прерываются. Между тѣмъ ко мнѣ, какъ председателю, поступило изъ разныхъ славянскихъ областей нѣсколько заявленій о текущихъ крайнихъ тамъ нуждахъ въ пособіи, и я рѣшился огласить ихъ черезъ *Московскія Вѣдомости*, въ надеждѣ что, можетъ-быть, найдутся на Святой Руси добротные датели, кромѣ членовъ Комитета, готовые содѣйствовать благимъ его цѣлямъ.

Нужды сіи суть слѣдующія:

1. На устройство православной церкви въ Прагѣ.
2. На окончательную отдѣлку Мостарскаго собора въ Герцеговинѣ.
3. На снабженіе общественныхъ читалень въ славянскихъ странахъ русскими книгами.

4. На приобрѣтеніе богослужебныхъ книгъ для бѣдныхъ приходовъ въ Сербіи.

5. На содержаніе славянскаго училища въ Константинополѣ.

Считаю долгомъ по симъ предметамъ сообщить подробности.

6. Православныя церкви въ послѣднее время устроились во многихъ городахъ: въ Парижѣ, Лондонѣ, Висбаденѣ, Бэрмингамѣ, Карлсбадѣ, Дрезденѣ, Ниццѣ. Недавно начались приготовленія къ основанію православныхъ церквей въ Франценсбадѣ и Эмсѣ. Графъ А. Е. Комаровскій, жившій прошлую зиму съ семействомъ въ Дрезденѣ, и княжна Н. П. Шаликова, жившая въ Прагѣ, возмѣли благую мысль объ основаніи православной церкви въ Прагѣ. Означенныя лица начали хлопотать о приобрѣтеніи мѣста для церкви, и эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Графъ П. А. Кутузовъ принималъ въ нихъ живое участіе. Теперь надо приступать къ устройству иконостаса, на что требуется довольно значительная сумма.

Въ Константинополѣ есть много училищъ для Славянъ заведенныхъ Французами, Англичанами и Нѣмцами, въ видахъ ихъ пропаганды. Въ послѣднее время учредилось и славянское училище. Но средства его очень скудны, сравнительно со средствами Европейцевъ. Супругою посла устраивается тамъ въ пользу училища лотерея изъ разныхъ цѣнныхъ вещей, пожертвованныхъ благотворительными особами. Билетъ стоитъ пять франковъ, или полтора рубля.

Вотъ на какіе предметы нужны пожертвованія. Съ своей стороны я осмѣлился бы присоединить еще слѣдующее: нужно бы послать къ Хорватамъ, Словенцамъ, Черногорцамъ, Боснякамъ и Герцеговинцамъ русскаго учителя, который бы открылъ у нихъ публичныя курсы русскаго языка, оставаясь у каждаго племени мѣсяцевъ по шести. Изъ живыхъ устъ научиться го-

раздо легче и удобнѣе нежели изъ книгъ, — и относительно произношенія, и относительно разныхъ особенностей. Такому учителю нужно рублей сто въ мѣсяцъ, и вѣрно онъ найдется между воспитанниками университетовъ и академій. Кстати объ академіяхъ: по новому штату тамъ предположены профессора славянскихъ нарѣчій, которыхъ въ наличности нѣтъ. Вѣроятно окажется нужнымъ послать избранныхъ воспитанниковъ за границу для изученія славянскихъ нарѣчій. Вотъ имъ бы и вмѣнить въ обязанность преподаваніе русскаго языка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они будутъ останавливаться. Въ такомъ случаѣ мы избавились бы отъ лишнихъ расходовъ. Прибавить этимъ воспитанникамъ малую толику за ихъ труды для комитета было бы не тяжело.

Получено еще извѣстіе о необходимости помочь профессорамъ, уволеннымъ правительствомъ отъ службы у Хорватовъ, за выраженіе сочувствія славному Бану Елачичу, спасшему Вѣну отъ Венгерцевъ, но эту помощь намъ, Москвичамъ, пополамъ съ Петербуржцами, кое-какъ сколотить посчастливилось, и первая нужда удовлетворена.

Къ историографу Богеміи Палацкому.

(Писано въ концѣ 1870 года *)

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ, почтенный старый другъ, скажу болѣе — съ радостью, съ наслажденіемъ прочли мы здѣсь, въ Москвѣ, въ русской Прагѣ, ваше послѣднее заявленіе, чешскую политическую исповѣдь.

Слово искреннее, твердое, и вмѣстѣ благородное, прозвучало изъ устъ чешскаго народа во всеуслышаніе Европы.

Славянскаго духа слыхомъ не было слышно, а нынѣ славянскій духъ въ-очію совершается **).

Да, славянскій духъ, заглушаемый и подавляемый впродолженіи вѣковъ, вырывается теперь по мѣстамъ изъ-подъ враждебнаго гнета, какъ весною молодая трава возникаетъ изъ-подъ осенняго и зимняго покрова, и друзья славянства привѣтствуютъ повсюду съ восторгомъ утѣшительные его всходы.

Какую противоположность представляетъ ваша спокойная рѣчь съ дикимъ гамомъ европейской дипломатіи, исполненной фальшивыхъ нотъ, съ этимъ безсвязнымъ хоромъ нынѣшнихъ министровъ-президентовъ, которые, обманывая другъ друга въ глаза,

*) Письмо было послано съ двумя такъ-называемыми озаціями, но, кажется, ни съ одною не дошло, ибо до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія о полученіи. М. П.

**) Выраженіе изъ старыхъ русскихъ сказовъ.

съ задними мыслями безъ переднихъ, или пинять по змѣиному, или ревуть по звѣриному***), и передъ всякимъ неожиданнымъ шагомъ исторіи вертятся, какъ бѣсы передъ заутреню. Честь вамъ и слава! Такъ подобаетъ говорить славянамъ.

Нужды нѣтъ, что вы не имѣете игольчатыхъ ружей, не можете выставить армстронговыхъ пушекъ и осыпая непріятеля металлическимъ градомъ изъ картечницъ, подъ которымъ люди валятся рядами, какъ снопы: честное слово имѣетъ свою силу и хватаетъ дальше всякихъ пушекъ.

Ваше слово отзовется, прежде всего, въ сердцахъ единоплеменниковъ, раздѣляющихъ одну тяжелую судьбу съ вами: мораванъ, словаковъ, крайнцевъ, кроатовъ, долмагинцевъ, словенцовъ, русиновъ, сербовъ, босняковъ, болгаръ — они, вѣрно, присоединятся къ нему душой и тѣломъ, — а ихъ вѣдь 30 милліоновъ, да насъ, русскихъ, 80! На вѣсахъ всемірной правды это что-нибудь да значитъ! Найдутся и въ Европѣ люди безпристрастные, которые примутъ вашу сторону: во Франціи, къ коей вы относитесь съ человѣческимъ участіемъ; въ Англіи, гдѣ не смотря на своекорыстное, безчувственное правительство, всегда есть бойцы благородные и независимые; въ самой Германіи, вѣроятно, не все населеніе поклоняется кулачному праву среднихъ вѣковъ, выходящему нынѣ въ новомъ изданіи, исправленномъ и значительно дополненномъ.

Не говорю уже объ Россіи, гдѣ вся образованная часть общества вамъ сочувствуетъ. Должно надѣяться, что даже такъ называемые у насъ западники, смотрящіе на всѣ дѣла въ чужіе очки, задумаются, услышавъ вашу простую и правдивую рѣчь.

***) Выраженіе изъ старыхъ русскихъ былинъ.

Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ извѣстія о томъ, что отвѣтитъ вамъ — не графъ Бейтъ, — а австрійское правительство, которому за всѣ его вѣковыя оскорбленія, несправедливости и обиды, за все зло, вы платите, по-славянски, добромъ, подавая благіе совѣты и указывая вѣрный, единственный путь, какъ выйдти ему изъ затруднительнаго положенія и послѣ всѣхъ тревоженій успокоиться въ безопасной пристани.

Да, союзъ всѣхъ разнородныхъ племенъ, соединенныхъ подъ австрійскою державою, на одинакихъ правахъ, или, какъ вы выражаетесь, „мирное и либеральное преображеніе Австріи на основаніи свободнаго самоопредѣленія ея народовъ“ — вотъ форма, подъ коей можетъ еще существовать Австрія.

Мы разсуждаемъ такъ: Австрія имѣетъ теперь, положимъ, 35 милліоновъ жителей, въ числѣ которыхъ находится 20 мил. славянъ и по пяти милліоновъ, или менѣе, нѣмцевъ, венгерцевъ, валаховъ, со включеніемъ прочихъ національностей. Ясно, что въ славянахъ она имѣетъ и должна видѣть свою главную силу, свою твердую опору; ясно, что она должна лелѣять преимущественно это племя, стараться о снисканіи его любви и преданности, столь дешево притомъ предлагаемой, по крайней мѣрѣ, содержать его наравнѣ съ другими. И естественная справедливость и простой расчетъ этого требуютъ. Предпочтеніе кому бы то ни было причинить неудовольствіе прочимъ, а раздоры въ государствѣ не содѣйствуютъ его крѣпости.

Австрія разсуждала иначе: она считала для себя полезнѣе и ставила себѣ цѣлью уничтожить славянскую національность; вирожденіи двухсотъ слишкомъ лѣтъ употребляла она всевозможныя усилія, прибѣгала къ самымъ ужаснымъ мѣрамъ, и достигла чего? Возбудила, развила, укрѣпила ее и содѣйствовала больше всего къ подъему народнаго духа. И такъ, если находясь въ полной силѣ и обладая всѣми средствами, она не могла

сдѣлать ничего согласнаго съ своими прежними желаніями, то на что жъ она можетъ надѣяться теперь, когда ослабла больше чѣмъ на 50 процентовъ, и когда возмужалый и вмѣстѣ раздраженный народъ достигъ, между тѣмъ, до высокой степени самосознанія? Опытъ присоединяется къ требованію справедливости и простому расчету для убѣжденія въ необходимости перемѣнить систему.

Это — истина, которая бросается въ глаза всякому постороннему наблюдателю исторіи Австріи и ея настоящаго положенія.

Вы, почтенный другъ, старались давно объяснить эту истину австрійскому правительству и выразили ее нѣкогда самымъ лестнымъ и успокоительнымъ для него образомъ: „Еслибъ не было Австріи, то надо бы было выдумать ее, то-есть, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, физически и географически, нуженъ союзъ государственный въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ Австрія.

Въ 1839 году, слѣдовательно, тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, возвратясь изъ-заграницы, гдѣ я жилъ долго и бесѣдовалъ много со всѣми нашими корифеями, сошедшими, увы! въ могилу, я напечаталъ въ нашихъ журналахъ: „Австрія можетъ сохраниться, если перемѣнитъ свой образъ дѣйствій... если она возвратитъ Славянамъ ихъ права, будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, окажетъ покровительство ихъ языку и народному образованію, допуститъ до участія въ управленіи. Казалось, это было бы всего удобнѣе, спокойнѣе, справедливѣе для обѣихъ сторонъ, особенно для Австріи; но на такую перемѣну Славяне никакъ не надѣются, потому что между австрійскимъ слухомъ и славянскимъ звукомъ есть какаѣ-то безвоздушная пропасть, черезъ которую правительство не можетъ слышать и понять самаго простаго, яснаго и громкаго слова“.

Неужели до сихъ поръ эта пропасть не наполнилась, хотя бы австрійскими вздохами вслѣдствіе поражений своихъ 1848, 1858 и 1866 годовъ? Неужели австрійцы все еще глухи къ раздающимся сильнѣе и сильнѣе вокругъ нихъ славянскимъ воплямъ?

Да, Австрія никакъ не хочетъ понять, что $2 \frac{1}{1} 2 = 4$. Она видяще не видитъ и слышаще не разумѣетъ, какъ будто въ оправданіе извѣстнаго повѣрья: „кого хочетъ погубить Богъ, у у того помрачаетъ разумъ“. Австрія продолжаетъ систематически угнетать Славянъ, останавливать, задерживать ихъ на пути развитія, возбуждать ихъ ненависть, и въ этомъ ослѣпленіи рѣшается даже на удивительныя противорѣчія сама съ собою и на вопіющія несправедливости относительно Славянъ.

Какимъ, на примѣръ, закономъ мышленія можно объяснить себѣ слѣдующія ея дѣйствія:

Венгрія недавно возмущалась противъ нея и грозила ей совершеннымъ пораженіемъ.

Славяне съ Елачичемъ оборонили ее предъ прибытіемъ русской помощи.

Кажется, ясно, кто ей врагъ, кто ей другъ. Австрійцы повѣсили тотчасъ венгерскихъ предводителей, попавшихся къ нимъ въ руки, какъ государственныхъ измѣнниковъ.

Нынѣ венгерцы захотѣли почтить память этихъ государственныхъ австрійскихъ измѣнниковъ, а своихъ патріотовъ, и устроили торжество: австрійцы относятся къ нему съ благосклонностью, чуть ли не съ участіемъ, позабывая о своихъ висѣлицахъ.

А Хорваты, которые хотятъ въ тоже время помянуть Елачича, спасшаго Вѣну, подвергаются преслѣдованіямъ, и чиновники, подозрѣваемые въ сочувствіи къ Славянскому вождю, отставляются отъ должностей!

Враждебная Венгрія, грозившая гибелью Австріи, возводится на степень братской державы, получаетъ, по системѣ дуализма, равное участіе въ управленіи, а вѣрные Славяне, ее населяющіе, въ награду за ихъ вѣрность, отдаются на жертву мадьярамъ.

Не можетъ ли такое постоянное преслѣдованіе вывести изъ терпѣнія двадцать милліоновъ Славянъ, теряющихъ болѣе и болѣе всякую надежду на улучшеніе своей участи? Не можетъ ли оно довести ихъ до отчаянія? Признаки неудовольствія встрѣчаются безпрестанно. Возмущеніе одной скудной всякими средствами Далмаціи сколько хлопотъ принесло правительству въ прошедшемъ году! Военная Граница давно ли была готова взволноваться? Кроатское броженіе можетъ разразиться чѣмъ-нибудь позначительнѣе.

Благоразуміе велитъ, кажется, Австріи, помышлять о предупредительныхъ мѣрахъ, которыя состоятъ не въ раздраженіи Славянскихъ племенъ, а въ удовлетвореніи ихъ законныхъ требованій.

Надобно имѣть въ виду и то, что въ наше время безпрестанно совершаются событія, одно другаго удивительнѣе и невѣроятнѣе, какихъ не только предвидѣть, но даже вообразить никогда не было возможности. Какое государство упало передъ нашими глазами, по крайней мѣрѣ, на долгое время? Франція. Посильнѣе она была Австріи, или Турціи, побольше залоговъ и средствъ имѣла, чтобъ сохранить свое могущество. И вотъ, что могло случиться съ ней въ продолженіи одного мѣсяца.

Австрія должна еще обратить вниманіе на сосѣднее государство, Турцію. Въ какомъ тревожномъ и опасномъ положеніи оно находится? Какъ возбуждены всѣ тамошнія населенія! Возмущеніе въ Аравіи уже началось; Египецъ, безъ сомнѣнія, радъ воз-

стать; Сирія неспокойна; за Критомъ дѣло не станеть. А тамъ ждуть-недождутся благопріятной минуты — Греція, Албанія, Черногорія, Болгарія, Сербія, Боснія, — кто ищетъ независимости, кто желаетъ усилиться, кто домогается правъ. Чтò можетъ произойти всякую минуту на Востокъ, въ нынѣшней напряженной атмосферѣ, мимо всѣхъ европейскихъ государствъ, безъ всякаго желанія и участія Россіи, которая меньше всѣхъ дѣйствуетъ и положительно, и отрицательно, и только больше всѣхъ обвиняется и осуждается! Смежныя, единоплеменные области Австріи не утерпятъ, чтобъ не принять участія въ возстаніи. Чтò тогда дѣлать Австріи съ враждою чеховъ, словаковъ, русиновъ въ придачу?

Далѣе — одинъ человѣкъ можетъ, какъ мы видимъ, измѣнить лице государствъ и судьбу поколѣній. Давно ли Кавуръ собралъ воедино всю Италію? Бисмаркъ, изъ второстепеннаго почти государства, которое не смѣло шагу сдѣлать само по себѣ, создалъ первоклассную державу, которая имѣетъ нынѣ первый голосъ при рѣшеніи дѣлъ европейскихъ (но не умѣла, кажется, ослѣпленная удачею, остановиться вовремя). Такъ точно и Наполеонъ говаривалъ: «Еслибъ я родился нѣмецкимъ принцемъ, то я сдѣлался бы скоро нѣмецкимъ императоромъ». Появись гдѣ-нибудь между Славянами одинъ такой человѣкъ, хоть не Наполеонъ I, не Бисмаркъ, не Кавуръ, а въ родѣ Георгія Чернаго, или даже Леона Гамбетты, способный одушевлять и двигать массы, а онѣ уже подготовлены! Горючаго вещества разсыпано повсюду множество: упадетъ искра, и вспыхнетъ пожаръ, который разольется далеко...

Теперь посмотримъ на внѣшнія отношенія Австріи. Кого можетъ она считать своимъ доброжелателемъ, союзникомъ? На кого можетъ надѣяться въ случаѣ нужды?

На Францію? Франція нанесла ей первый ударъ, лишила

господства въ Италіи, отрѣзала Ломбардію. Да и теперь ей не до чужихъ дѣлъ.

На Пруссію? Это ея наслѣдственный, старый и новый врагъ. Отнявъ Силезію въ прошедшемъ столѣтіи, нынѣ Пруссія помогла Италіи взять Венецію съ знаменитымъ четвероугольникомъ, вытолкала Австрію изъ Германіи, не допустила до устройства Южнаго союза и грозитъ отнять нѣмецкія земли съ выдачею, пожалуй, паспорта Габсбургамъ идти изъ Вѣны на всѣ четыре стороны.

На Италію? Италія ненавидитъ tedesковъ, слишкомъ еще ей памятныхъ, и питаетъ желаніе отнять у Австріи итальянскій Тироль.

Казалось бы, всѣ эти государства, нанеся Австріи глубокія раны, обобравъ ея со всѣхъ сторонъ, должны быть ей очень ненавистны?

Дѣ, онѣ ненавистны ей, но, всетаки, ненавистнѣе ихъ Россія.

За что же?

За то ли, что Россія помогла ей съ Суворовымъ въ 1799 г., съ Кутузовымъ въ 1805, съ императоромъ Александромъ въ 1813 и 1814, съ императоромъ Николаемъ въ 1849 году? За то ли, что спасала Австрію нѣсколько разъ публично, и еще больше *incognito*?

За всѣ эти помощи и за всѣ эти спасенія Австрія, правда, удивила уже свѣтъ неблагодарностью, по сознанію самого Шварценберга; но вѣдь она тотчасъ была наказана за то и потерями и униженіями, не отъ Россіи, а отъ Пруссіи, Франціи, Италіи. Несмотря, однакожь, на это, Австрія любезничаешь теперь съ Пруссіей, нѣжничаешь съ Франціей, ладитъ съ Англіей, дружится съ Турціей, братается съ Венгріей, и только Россіи, продолжая

свидѣтельствовать свою благодарность, старается дѣлать всякія непріятности, возбуждаетъ Поляковъ несбыточными надеждами, позволяетъ имъ и мадьярамъ угнетать русиновъ и поручаетъ составленіе министерства графу Потоцкому.

Въ чемъ же состоитъ собственно причина этой безпримѣрной, глубокой, непримиримой ненависти??

Въ томъ, что австрійскіе славяне привержены къ Россіи и что Россія, русскіе, имъ сочувствуютъ.

Но развѣ можетъ быть иначе? Это естественная связь крови и языка: ее ни сотворить, ни убить, никому и никакими средствами нельзя. Если вся Германія взволновалась, услышавъ жалобы, не совсѣмъ справедливыя, голштинцевъ, которымъ гораздо вѣдь легче было жить подъ державою Даніи, чѣмъ славянамъ у Австрійцевъ или Турокъ, и сочла свою обязанность идти войной на освобожденіе братьевъ (а Пруссія присоединить ихъ къ себѣ) то какимъ же образомъ Россія можетъ остаться равнодушною къ судьбѣ своихъ единоплеменниковъ и, большею частью, единовѣрцевъ? Сама природа велитъ ей *сочувствовать* Славянамъ, какъ и Славянамъ, среди ихъ несчастій, обращаться мыслями къ Россіи. Если Нѣмцы насильственно, съ огнемъ и мечемъ приводятъ въ исполненіе идею пангерманизма, то почему же Россія должна противиться идеѣ панславизма, и притомъ, какого панславизма? Свободнаго союза Славянскихъ племенъ. А она требуетъ и того менѣе — только равноправности ихъ подъ державою Австрійскою и Турецкою.

Еслибъ Россія не принимала участія въ судьбѣ своихъ единоплеменниковъ, она заслужила бы презрѣніе: она подвергается даже упрекамъ, можетъ быть, отчасти справедливымъ, что мало показываетъ его на дѣлѣ; но крымская война служитъ ей нѣкоторымъ оправданіемъ.

Но Славяне могутъ, боится Австрія, въ случаѣ войны, перейти на сторону Россіи.

Точно, война Австріи съ Россіей невысказана, хотя Поляки и Венгерцы желаютъ и совѣтуютъ ее затѣять, себѣ на голову; невысказана, потому что, съ увѣренностью сказать можно, большая половина австрійскаго войска не подниметъ руки противъ Россіи. (Точно такъ, замѣтимъ мимоходомъ, не подняли бы ее Славяне и въ крымскую войну; только русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Мейендорфъ, хотя, можетъ быть, и преданный Россіи, не могъ понять этого расположенія и заставилъ держать значительную часть русскаго войска для охраненія безопаснаго тыла и тѣмъ помѣшалъ успѣшнѣйшему веденію войны въ Крыму).

Австрія боится приверженности Славянъ къ Россіи; ну, да пусть она управляетъ ими такъ, чтобъ имъ не приходило въ голову желаніе перемѣнить свою судьбу, то-есть, пусть Австрія исполнитъ желанія, выраженные вами въ вѣнскомъ меморандумъ; пусть сдѣлаетъ только то, чего требуютъ отъ нея справедливость, опытъ, настоящія, внутреннія и внѣшнія обстоятельства: тогда ей нечего будетъ бояться Россіи, ни на случай войны, ни во время мира.

Скажу болѣе, такимъ образомъ дѣйствій Австрія склонитъ Россію на свою сторону, потому что Россія, кто бы что ни говорилъ, не желаетъ отъ нея, какъ и отъ Турціи, ничего, кромѣ предоставленія Славянамъ правъ, подобающихъ европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія.

Вотъ чего требовалъ у Турціи покойный императоръ Нико-Павловичъ, — буди за то благословенна его память, — и чему помѣшали европейскіе приверженцы Мохамеда, испугавшись, что, вмѣсто луны, возсіяетъ на храмъ святой Софіи крестъ Христовъ, воздвигнутый руками православною Россіи.

Перехожу къ Турецкимъ славянамъ. Вы относитесь къ нимъ точно такъ же, какъ и мы, говоря:

„Чешская нація питаетъ живѣйшее сочувствіе къ единопле-
„меннымъ ей народамъ въ Турецкой Имперіи. Совокупно со всею
„образованною Европой, она радовалась освобожденію Греціи, Сер-
„бии, Румыніи (надобно прибавить: усиліями Россіи) и она не
„могла бы отказать въ сочувствіи и другимъ народамъ Иллирій-
„скаго Полуострова, еслибъ они стали стремиться къ такому
„устройству, при которомъ имъ были бы обезпечены не только
„достойное человѣка существованіе, но ихъ соединеніе и уча-
„ствіе во всѣхъ благахъ христіанской цивилизаціи. Еслибъ род-
„ственные съ этими народами, по племенному происхожденію, и
„единовѣрные имъ Славянскіе народы Австріи, были вынуждены
„жертвовать своею кровью, дабы поддерживать надъ ними власть
„нравственно невыносимую и матеріально распадающуюся, и пре-
„пятствовать стремленію ихъ къ такой организаціи, которая до-
„ставляла бы райамъ положеніе дѣйствительныхъ гражданъ и
„обезпечила бы имъ полную защиту законовъ и конституціонную
„свободу, то чешская нація отвергла бы это требованіе, какъ
„безнравственное, ничѣмъ неоправдываемое и въ полигическомъ
„отношеніи опасное“.

Австрія, въ союзѣ съ Россіей, на условіи равноправности своихъ Славянъ поможетъ ей въ требованіяхъ устроить на та-
кихъ же основаніяхъ положеніе, Славянъ и въ Турціи, которой спасеніе, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время, зависитъ такъ-
же отъ принятія этой мѣры въ исполненіи давнихъ, настоятель-
ныхъ требованій Россіи. Кажется, впрочемъ, что Турція начи-
наетъ сама понимать дѣло и усматриваетъ неблагонадежность за-
падныхъ друзей своихъ.

Вотъ мирное, безобидное, справедливое, либеральное и гуман-
ное, а со стороны Россіи безкорыстное рѣшеніе восточнаго, Ав-

стрийского, Турецкого и Славянского вопросов, отстранение не только новых кровопролитных войн, грозящих Европѣ, но и всяких затруднений, сомнѣній и неудумѣній; великолѣпное вступление въ новый періодъ европейской исторіи, по крайней мѣрѣ, на юговосточной ея половинѣ, а на сѣверозападѣ пусть рѣшаетъ свой споръ нѣмецкое племя съ романскимъ; мы желаемъ, чтобъ онъ рѣшился скорѣе и кровь перестала бы литься.

Заклучаю: исполнивъ чешскія желанія, послѣдовавъ чешскимъ совѣтамъ, Австрія успокоивается внутри, укрѣпляется въ государственномъ своемъ организмѣ, удостовѣряется въ преданности двадцати милліоновъ своихъ подданныхъ, возвращаетъ себя вѣрнаго, могущественнаго союзника въ лицѣ Россіи, освобождается изъ-подъ каблука венгерскаго и получаетъ силу говорить по-тверже съ своими непріятелями, еслибъ вновь нашлись какіе.

„Такимъ только образомъ Австрія, говоря вашими словами, „исполнить свою всемірно-историческую миссію, состоявшую въ „томъ, чтобъ всѣ различныя націи и племена ея территоріи были „соединены въ свободный союзъ народовъ съ цѣлью взаимной „вооруженной обороны отъ могущаго послѣдовать нападенія силь- „ныхъ сосѣдей и съ цѣлью взаимнаго содѣйствія ихъ самостоя- „тельному національному развитію въ истиннолиберальномъ самоу- „правленіи, при всестороннемъ уваженіи къ праву, и дѣйстви- „тельному братствѣ“.

Кто думаетъ иначе, кто этого не хочетъ, тотъ, будь онъ графъ Бейстъ или графъ Андраши, онъ можетъ быть нѣмецкимъ или венгерскимъ патріотомъ, но вмѣстѣ онъ есть австрійскій предатель, который съ умысломъ, или безъ умысла, ведетъ Австрію къ пропасти, и до нея уже недалеко!

Вы справедливо сказали, что „Австрійскому правительству „остается, можетъ быть, весьма краткое время для водворенія

„новой политической эры и для возрожденія Австріи, какъ союза „равноправныхъ свободныхъ націй, и какъ скоро это время будетъ упущено, то, вѣроятно, никогда не возвратится. При на„стоящемъ перестройствѣ Европы, спасти преобразующуюся внутри „и извнѣ Австрію можетъ только ясное сознание ея упомянутой „уже высокой миссіи, только рѣшительное стремленіе къ испол„ненію оной, только твердое, готовое на жертвы заступленіе за „великіе принципы нашего времени“.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о полякахъ, о любезномъ, талантливомъ, пылкомъ, храбромъ, блистательномъ, и, увы! безразсудномъ Славянскомъ племени.

Несчастные, — они все еще въ услуженіи враговъ славянства: мадьяръ, турокъ, нѣмцевъ! они все еще не могутъ исцѣлиться отъ своей мономаніи! Вотъ въ послѣднихъ газетахъ читается объявленіе эмигрантовъ польскихъ въ Англіи, которые провозглашаютъ требованіе границъ 1772 года, то-есть, порабощеніе Полякамъ десяти милліоновъ русскихъ людей. въ Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи, Литвѣ, такого порабощенія, какому они теперь предъ вашими глазами повергаютъ русиновъ въ Галиціи, какъ бы нарочно въ оправданіе дѣйствій русскаго правительства. Скажите, есть ли смыслъ человѣческой и гражданскій въ этихъ притязаніяхъ и какое понятіе имѣютъ Поляки о гражданской свободѣ, требуя ее себѣ и лишая ее, въ тоже время, другихъ, мечтая, чтобъ мы отдали имъ подъ такое, самими ими во очію свидѣтельствуемое иго, своихъ родныхъ братьевъ.

Вотъ еслибъ они, оставя эти нелѣпыя и несбыточные мечтанія, взявшивъ всѣ доказательства pro и contra, сообразивъ настоящія отношенія, присоединились къ вашему заявленію! Ка-

кую бы пользу принесли они себѣ, вамъ, намъ, Славянскому дѣлу, сильнѣе всякаго ландвера и ландштурма! Это было бы великое происшествіе въ исторіи славянства. Въ Европѣ оно пронеслось бы громомъ, и всѣ враги Славянъ, тайные и явные, понизили бы голосъ! Какая слава для Поляковъ! Они искупили бы много своихъ грѣховъ, и даже смертныхъ! Судьба ихъ перемѣнилась бы мгновенно: не границы 1812 года, а неизмѣримое пространство всей Россіи вплоть до Тихаго Океана открылось бы имъ для дѣйствій на какомъ поприщѣ угодно; перестали бы они скитаться по чужимъ угламъ и успокоились бы съ честью и славою въ надежномъ пристанищѣ.

Сближеніе съ Россіей есть для нихъ въ эту минуту настоящая нужда, если они хотятъ, чтобъ Польша дѣйствительно не згинѣла. Они имѣли надежду на Францію, которой служили, проливая кровь, больше пятидесяти лѣтъ, хотя она не сдѣлала никогда ничего для нихъ, ни во время первой республики, ни во время первой имперіи, реставраціи при Лудовикѣ-Филиппѣ, ни во время второй республики и второй имперіи, маня только фразами и подавая скудную милостыню. Но теперь даже и этотъ призракъ надежды для нихъ исчезъ, потому что Франція, какъ бы ни кончилась эта война, не можетъ долго еще занимать чужими дѣлами, всѣхъ менѣе польскими. Турки же, мадьяры и нѣмцы, коренные враги славянъ, плохіе для нихъ помощники. Онѣмеченіе Помераніи, Силезіи и даже Познани, австрійскія дѣйствія въ Галиціи въ 1846 году служатъ нагляднымъ тому доказательствомъ. Кто же пожелаетъ добра полякамъ и кто не готовъ продать ихъ, если представится выгодный случай! Впрочемъ, никогда никто и не думалъ о нихъ, а только пользовался ими, какъ ракетами для своихъ видовъ противъ Россіи.

Да! только въ соединеніи съ Россіею Польша можетъ возродиться, расцвѣсть и прославиться.

Послышались недавно голоса въ этомъ родѣ, и мы прочли съ удовольствіемъ нѣкоторыя статьи львовскаго славянина. О, еслибъ умножилось число такихъ голосовъ! О, еслибъ поляки, скрѣпивъ сердце, убѣдясь, что противъ рожна прати невозможно, рѣшились принести свое самолюбіе въ жертву общей и своей пользѣ, и при забвеніи всего прошлаго съ обѣихъ сторонъ, выразили бы готовность идти вмѣстѣ, рука объ руку, со всѣми славянами!

Не можетъ ли вашъ посторонній, братскій, безпристрастный голосъ во имя славянства оказать на нихъ благотѣльное дѣйствіе? Попробуйте, а мы отчаялись. Не будете ли вы счастливѣе? О, еслибъ! Скажите имъ тоже, что сказали австрійцамъ: если они упустятъ это время, то оно къ нимъ не воротится, и они пойдутъ не къ лучшему, а къ худшему съ заявленіями, подобными сдѣланному въ Англіи.

Скажу сдѣсь кстати о венгерцахъ и румынахъ: напрасно они боятся насъ и полезнѣе было бы для нихъ держаться Россіи и помириться съ славянами.

ЗАМѢТКА.

(Письмо къ редактору).

Можно не соглашаться съ противникомъ, противорѣчить ему, спорить съ нимъ, натягивать доказательства, опровергать его, смѣяться надъ нимъ—что всегда бывало, бываетъ и будетъ, но выдумывать на противника, приписывать ему то, о чемъ онъ никогда не думалъ, клеветать на него, мѣшая не ему, а его идеѣ, съ цѣлью вредить ей, съ цѣлью вредить общему дѣлу, съ цѣлью посѣвать раздоръ между своими, возбуждать подозрѣніе въ ближнемъ, дѣлать новыхъ враговъ или усиливать вражду не къ малому числу противниковъ, а ко всему своему народу, мѣшать сочувствію единственнаго дружелюбнаго къ русскимъ въ Европѣ племени—какъ можно назвать такой образъ дѣйствій? На благородномъ литературномъ языкѣ стараго времени названія ему нѣтъ. И съ какою цѣлью это дѣлается—нонать невозможно, если не допустить самаго мучнаго источника! „Санктпетербургскія Вѣдомости“ твердятъ безпрестанно о панславизмѣ, о желаніи какой-то партіи соединить всѣ славянскія племена подъ одною державою, о завѣреніяхъ нашихъ помогать имъ, въ случаѣ нужды, вооруженною силою. Мы спрашиваемъ „Санктпетербургскія Вѣдомости“: укажите намъ статьи, гдѣ предъявляются подобныя мысли, назовите намъ сочинителей! Напротивъ, въ недавно напечатанномъ въ Прагѣ письмѣ М. П. Погодина къ исторіографу Богеміи, Палацкому, ясно говорится о взглядѣ такъ-называемыхъ на-

ших панславистовъ на отношенія Россіи къ славянамъ, и вмѣстѣ къ Австріи и Турціи, о взглядѣ, согласномъ съ видами и желаніями самого правительства, именно: чтобъ всѣ славяне были равноправны съ прочими національностями обѣихъ имперій австрійской и турецкой. Вотъ все, чего желаютъ панслависты, желая вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнаго, духовнаго, умственнаго, литературнаго сближенія между всѣми славянскими племенами, которое непременно должно дать толчокъ развитію всѣхъ ихъ порознь.

Избраніе одного общаго языка литературнаго для всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ есть общій литературный языкъ для племенъ французскѣхъ и для племенъ нѣмецкихъ, составляетъ желаніе, принадлежащее не однимъ русскимъ, но также чехамъ, хорватамъ, сербамъ. Имѣтъ читателей между 100 милліонами, или между 5, 10, 20—великая разница во всѣхъ отношеніяхъ для самого языка, который обогащается всѣми нарѣчіями, для нарѣчій, которыя восполняются, развиваются, совершенствуются одно отъ другихъ, наконецъ для сочинителей, для ученыхъ, которые совершенно измѣняютъ свое положеніе къ лучшему, получая несравненно значительнѣйшее число читателей и вмѣстѣ вознагражденіе за свои труды. |

Обвиняютъ „Санктпетербургскія Вѣдомости“ нашихъ такъ-называемыхъ панславистовъ въ возбужденіи, питаніи вражды славянъ противъ австрійцевъ. Едва ли не бесполезно, не излишне возбуждать и питать ее кому бы то ни было изъ постороннихъ! Ея довольно и безъ нихъ! Притомъ, осуждать мѣры какого бы то ни было правительства, не значить еще возбуждать къ нему вражду. „Санктпетербургскія Вѣдомости“ осуждали много и часто правительство Наполеона, да и не одного Наполеона: что же, они хотѣли возбуждать вражду къ нему французовъ? | Это также было не нужно. Итакъ, правительство Наполеона осуж-

дать можно, а австрійское нѣтъ? Какая же здѣсь логика? Мы сами, по высочайше дарованному намъ праву, можемъ разбирать теперь распоряженія нашего собственнаго правительства—что же, разбирая ихъ, мы хотимъ возбуждать ненависть къ правительству? Недостойное предположеніе! Австрійское правительство осуждается еще съ указаніемъ искреннимъ и вѣрныхъ средствъ, какъ уничтожить эту вражду подвластныхъ ему племенъ. Въ осужденіяхъ австрійскаго правительства, какъ чешскихъ, такъ и русскихъ, гораздо больше доброжелательствъ, хоть и непонимаемаго, чѣмъ предательства.

Все это еще яснѣе представится, когда мы назовемъ по именамъ всѣхъ нашихъ славянскихъ дѣятелей: способны ли они къ какому-нибудь тайнымъ кознямъ? И могутъ ли имѣть іезуитскія цѣли: Погодинъ, Гильдфердингъ, преосвящ. Порфирій, предсѣдатели отдѣленій комитета; Тютчевъ, Майковъ (А. Н.), Аксаковъ (И. С.), Самаринъ, Кошелевъ, Иваницкій, Максимовичъ, Данилевскій, Миллеръ, Юзефовичъ, Лавровскій, Бергъ (Н. В.), Григорьевъ (В. В.), Филипповъ, Поповъ (Н. А.), Юрьевъ, Чаевъ, Бартенева, Алмазовъ, Ригельманъ, Безсоновъ, и опаснѣйшій кознодѣй слѣпецъ Ширияевъ, который сооронилъ даже хоругвь св. Кирилла и Меодія и раздаетъ даромъ напечатанные имъ эстампы, представляющіе кончину великаго первоучителя славянскаго. Недавно присоединились братья Кирѣевы, художникъ Микѣшинъ, который и подвергся за то ненависти петербургской журналистики, профессоръ Вильбасовъ сдѣлавшійся душою кievскаго отдѣленія; попечители: Голубцовъ и Антоновичъ, гр. Комаровскій, который съ самопожертвованіемъ посвятилъ свои труды исключительно основанію православной церкви въ Прагѣ. Одни изъ поименованныхъ лицъ стараются своими трудами проводить славянскую идею, другіе жертвуютъ деньгами, книгами. Между сочувствующими нравственнымъ, духовнымъ цѣлямъ ихъ, назовемъ княгиню Дондукову-Корсакову, графа Д. А. Толстаго, С. П. Шицова, А. И. Казначеева,

П. Н. Батюшкова. Ну, кто же еще? А сочтите противниковъ, явныхъ и тайныхъ — легионъ.

Наконецъ, „Санктпетербургскія Вѣдомости“ возбуждаютъ сомнѣнія въ русскомъ обществѣ къ славянскимъ благотворительнымъ комитетамъ касательно употребленія ими собираемыхъ суммъ.

„Въ нашей хроникѣ“, говорятъ онѣ, „было уже замѣчено о необходимости большей гласности дѣятелей славянскаго комитета. Насколько намъ извѣстно, братьямъ славянамъ помогаютъ зря, о чемъ и было когда-то говорено однимъ изъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ. Но какъ бы ни употреблялись русскія деньги, братьевъ славянъ слѣдуетъ прежде всего отучить отъ желанія глядѣть на Россію, какъ на дойную корову“.

На эту выходку можно отвѣчать: отчеты петербургскаго комитета печатаются постоянно въ „Голосѣ“ и особыми брошюрами; московскій обнародуетъ свой отчетъ почти ежемѣсячно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскихъ“; кievскій, существующій одинъ годъ, началъ также печатаніе своихъ отчетовъ; объ одескомъ въ публикѣ еще ничего неизвѣстно, потому что онъ только-что начался.

А какія суммы находятъ въ обращеніи у веѣхъ трехъ комитетовъ? Смѣшно сказать! Едва ли больше десяти тысячъ руб. да изъ этихъ десяти тысячъ чуть ли не половина жалуется правительствомъ на содержаніе стипендіатовъ, мужскаго и женскаго пола, въ академіяхъ, университетахъ, техническихъ училищахъ, въ Москвѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Одессѣ. Третья четверть собирается съ великими усиліями за живыя картины, за духовные концерты, о которыхъ хлопочутъ обыкновенно по мѣсяцамъ, и только осталъная четверть изъ десяти тысячъ собирается отъ членскихъ взносовъ. Вотъ и все молоко, которое дойная русская корова доставляетъ славянамъ. Не правдали, что изъ него

не для слишкомъ большого количества гостей можно сдѣлать блан-манже!

Впрочемъ, мы согласны съ „Санктпетербургскими Вѣдомостями“, что надо распространять по славянскимъ странамъ настоящее понятіе о единственной цѣли славянскаго комитета — содѣйствовать образованію между турецкими славянами, помогать тамъ православію и облегчать вездѣ изученіе русскаго языка. Надо — потому что безпрестанно умножаются просьбы въ комитетѣ со всѣхъ сторонъ, объ оказаніи всякаго рода помощи разнымъ тамошнимъ личностямъ. Одна докторша, напримѣръ, обратилась къ извѣстному ревнителю славянскаго дѣла съ просьбою прислать ей — *modernes Pelzwek!*

Помогать зря — нелѣпо, увеличивать же помощь, распространять кругъ ея преимущественно для содѣйствія ученымъ, литераторамъ, художникамъ, бібліотекамъ, журналамъ, газетамъ не только желательно, но это есть необходимость для науки, для прогресса и, наконецъ, для того, чтобъ на всякій случай имѣть больше друзей между единственными расположенными къ Россіи племенами, которыхъ считается 30 милліоновъ.

5-го апрѣля. Москва.

PS. 19-го апрѣля, въ „Голосѣ“, нанечатано было письмо М. П. Погодина къ Палацкому, исторіографу Богеміи, въ которомъ было сказано: „Сама природа велитъ Россіи *сочувствовать* славянамъ, какъ и славянамъ, среди ихъ несчастій, обращаться мыслями къ Россіи. Если нѣмцы насильственно, съ огнемъ и мечемъ, приводятъ въ исполненіе идею пангерманизма, то почему же Россія должна противиться идеѣ панславизма, и притомъ, какого панславизма? *Свободнаго союза славянскихъ племенъ*. А она требуетъ и того менѣе — *только равноправности ихъ подѣ державой австрійской и турецкой*.”

„Австрія боится приверженности славянъ къ Россіи; ну да пусть она управляетъ ими такъ, чтобъ имъ не приходило въ голову желаніе перемѣнить свою судьбу, то-есть, пусть Австрія исполнитъ желанія, выраженные вами въ вашемъ memorandum; пусть сдѣлаетъ только то, чего требуетъ отъ нея справедливость, опытъ, настоящія внутреннія и внѣшнія обстоятельства: тогда ей нечего будетъ бояться Россіи ни на случай войны, ни во время мира.

„Скажу болѣе, такимъ образомъ дѣйствій Австрія склонитъ Россію на свою сторону, потому что Россія, кто бы что ни говорилъ, не желаетъ отъ нея, какъ и отъ Турціи, *ничего, кромѣ предоставленія славянамъ правъ, подобающихъ европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія*“:

Ясны ли эти слова?

Прочтите же передовую статью „Санктенетербургскихъ Вѣдомостей“ 21-го апрѣля. Говоритъ вообще объ этой статьѣ тяжело, но вотъ мы выпишемъ одно мѣсто: „Имъ (панславистамъ) нужно какъ можно скорѣе *препоясать мечъ* и сокрушить всѣхъ, кто мѣшаетъ образованію *облюбленнаго ихъ фантазіей всеславянскаго государства*. Ихъ „на враговъ побѣдный строй“ — по выраженію ихъ же поэта — готовы, если не практически, то въ сердцахъ ихъ. *Имъ нужно воевать*... хоть на словахъ, ни въ какомъ случаѣ не переходя къ трезвому дѣлу, этой могилѣ всякой шумихи и фальши“.

Кто могъ написать такую статью, исполненную наглыхъ клеветъ и умышеннаго незнанія дѣла? Ее могъ написать кто-нибудь въ родѣ... нѣтъ, не напишу имени, которое подвергивается подъ перо.

Цѣль обѣихъ описанныхъ статей очевидная: разсорить славянъ, и особенно чеховъ, съ русскими, возбудить ихъ подозрѣ-

ніе о какихъ-то замыслахъ въ Россіи, осмѣять, втоптать въ грязь, парализовать дѣйствія извѣстныхъ людей, которые поддерживаютъ мысль о единоплеменности нашей съ славянами и стараются о заведеніи дружбы, о распространеніи русскаго языка между ними. Кто же и для чего можетъ имѣть такую цѣль? Предоставляемъ догадываться читателямъ.

24-го Апрѣля Москва.

Рѣчь, произнесенная М. П. Погодинымъ на обычномъ обѣдѣ, 16 мая.

Очень мало собралось насъ нынче, господа, помянуть первый славянскій съѣздъ въ Москву, 1867 года. Причиною — раннее лѣто, которое увлекло многихъ въ деревню; политехническая выставка, которая завладѣла другими всецѣло; наконецъ, надо сознаться, сѣверное равнодушіе и неспособность преслѣдовать долго одну цѣль: латинская пословица *gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo* *) не при насъ писана. Вотъ сдѣлать что нибудь вдругъ, въ одночасы, даже съ большимъ трудомъ и жертвами, о, на это взять насъ, и мы всегда почти бываемъ готовы съ удовольствіемъ. Обѣдъ 16 мая въ первые года посѣщался очень усердно; я нынѣ для опыта не повѣщалъ никого кромѣ встрѣченныхъ случайно знакомыхъ, и никто почти самъ не вспомнилъ. Европейское пугало — старая московитская партія, гдѣ же она? Неужели это мы? Надо замѣтить впрочемъ, что въ Петербургѣ члены принимаютъ участіе въ собраніяхъ живѣе.

Я, съ своей стороны, опять повторяю, что установившійся обычай надо поддерживать, и 16 мая собираться всегда хоть втроемъ, впятеромъ, чтобъ сохранить память о событіи, которое, рано или поздно, отзовется въ славянскомъ мірѣ.

*) Капля долбитъ камень не силою, а частымъ паденіемъ.

Здѣсь, за дружеской трапезой, прибавлю еще въ подкрѣпленіе мысли о пользѣ подобныхъ собраний, можно бываетъ говорить о томъ, о чемъ въ другомъ мѣстѣ говорить неудобно, неловко, или неприлично.

Нынѣ я хочу обратить ваше вниманіе, — прежде всего какъ вы думали — на что? На непогрѣшимость папы! Да, провозглашеніе этого догмата, казалось мнѣ, должно бы имѣть весьма важное вліяніе на славянскія племена, и напомнить имъ объ ученіи первоучителей, св. Кирилла и Меѳодія. Новый догматъ произвелъ волненіе даже между нѣмцами; многіе ревностные приверженцы оставили безгрѣшнаго папу; образовалась старокатолическая партія. Богемія, казалось мнѣ, отторгнется теперь еще рѣшительнѣе этихъ нѣмцевъ отъ римскаго католичества, которое сожгло на кострѣ лучшаго ея представителя, Іоанна Гуса, и было главною причиною всѣхъ ея послѣдующихъ страданій и бѣдствій. Политическія причины побуждали ее также, казалось мнѣ, къ этому неизбежному шагу, соотвѣтственному всей ея исторіи, шагу, который вѣрнѣе всѣхъ оппозицій помогъ бы ей приблизиться къ своей цѣли..

Нѣтъ, никакого движенія въ этомъ смыслѣ у чеховъ не примѣчается, и сами вожди объ немъ не думаютъ.

Чѣмъ объяснить такое явленіе? Равнодушіемъ къ религіознымъ вопросамъ? Или: не убо пришелъ часъ предопредѣленный! Исторія идетъ, видно, своимъ ходомъ, вопреки часто нашимъ соображеніямъ, повидимому даже иногда основательнымъ. Счастливы ей путь!

Я заговорилъ о Чехіи. Іезуитская церковь св. Николая, приобрѣтенная нами на 50 лѣтъ, приуготовлена совершенно для православнаго богослуженія, по мысли многихъ соотечественниковъ, желающихъ переселиться изъ Дрездена въ Прагу; мы употребили до 30 тысячъ рублей, собранныхъ о Христѣ Іисусѣ; но

содержать причетъ мы не имѣемъ никакой возможности, хотя нѣмецкія газеты и трезвонятъ, что мы обладаемъ огромными капиталами, и рассылаемъ большія суммы для возмущенія хорватовъ, военной границы и проч. Въ послѣднемъ засѣданіи славянскаго комитета мнѣ казалось смѣшнымъ и недостойнымъ опровергать такія нелѣпности австрійскихъ досужихъ редакторовъ, но здѣсь, въ дружескомъ обществѣ, мы можемъ посмѣяться вдоволь, и выразить даже желаніе ихъ устами медъ пить.

Отъ нѣмецкихъ газетъ перехожу къ чешскимъ. Въ началѣ года тамъ было много толковъ, и заявлялось большое неудовольствіе по поводу извѣстныхъ стиховъ Пушкина, приведенныхъ Княземъ Черкасскимъ въ его рѣчи на моемъ юбилей:

Славянскіе ль ручьи сольются въ рускомъ морѣ,
Оно ль изсякнетъ,—вотъ вопросъ.

Чешскіе редакторы испугались съ своей стороны панславянскаго призрака въ политическомъ смыслѣ. Они могутъ успокоиться: ни мы, частные люди, ни мнимая Старо-русская или Московитская партія, которой нигдѣ, даже здѣсь, слѣдовъ не видать, ни правительство, (оно всѣхъ менѣе), не имѣло и не имѣетъ никакихъ панславянскихъ намѣреній и стремленій въ политическомъ смыслѣ, въ смыслѣ преобладанія Россіи надъ славянскими племенами. Самъ Пушкинъ, писавъ посланіе къ клеветникамъ Россіи, котораго происхожденіе или зарожденіе извѣстно мнѣ болѣе, нежели кому нибудь другому, думалъ только о Польшѣ, которая тогда возмущилась, и о которой раздавались неистовыя восклицанія во французской палатѣ депутатовъ. О племенахъ славянскихъ, ихъ исторіи и настоящемъ положеніи, онъ имѣлъ понятія очень темныя, и, какъ поэтъ, видѣлъ только съ одной стороны неизмѣримое пространство Россіи съ безчисленнымъ населеніемъ, а съ другой тѣсныя и малолюдныя области

славянскія, и выразилъ, вдохновенный, свое впечатлѣніе сравненіемъ ихъ съ моремъ и ручьями, имѣя въ мысли все таки одинъ притокъ Польскій.

Замѣчу еще, что стихамъ Пушкина прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, и съ тѣхъ поръ много старой воды утекло и изъ моря, и изъ ручьевъ, восполненной новою.

Рѣчь князя Черкаскаго, много значительная и много значительная, какъ мнѣ тогда же удалось назвать ее, имѣла главной цѣлью, призывъ къ самопознанію, а самопознаніе, скажу здѣсь встать, для Славянскихъ племенъ нужно столькоже, какъ и для Россіи. Только съ самопознаніемъ, чистымъ, яснымъ, свободнымъ отъ всѣхъ примѣсей и предубѣжденій, могутъ Славянскія племена равно какъ и Россія, исполнить свои историческія задачи.

Въ вѣщшее ободреніе Чешскихъ пуристовъ могу сказать, что при произнесеніи княземъ Черкасскимъ стиховъ Пушкина:

Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ.

въ залѣ послышалась поправка:

Въ общемъ морѣ!
Въ общемъ морѣ!

Да, мы желаемъ единства духовнаго, нравственнаго, литературнаго, и увѣрены, что сознаніе такого единства поможетъ для всѣхъ славянскихъ племенъ и пріобрѣтенію гражданскихъ правъ, улучшенію ихъ быта, подъ какимъ бы правительствомъ они не находились.

Говоря о правительствахъ, нельзя не замѣтить, что турецкое, въ послѣднее время оказывается въ отношеніяхъ своихъ къ славянамъ гораздо благодушнѣе и внимательнѣе, чѣмъ австрійское. *Horribile dictu!*

Чехи обмануты во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, къ которымъ были однакожь уполномочены торжественнымъ обѣщаніемъ импера-

тора, но они не унываютъ, перепечатывая это обѣщаніе во всѣхъ возможныхъ форматахъ и всѣми возможными шрифтами, и твердо стоятъ на своей исторической почвѣ. Они надѣются, что императоръ увидитъ наконецъ несправедливость и пристрастіе новыхъ своихъ совѣтниковъ, которые ведутъ къ гибели его имперію, имѣющую свое спасеніе въ равноправномъ федерализмѣ, а не въ австрійской монархіи, и всего менѣе въ австромадьярскомъ дуализмѣ.

Словаки, кроаты, сербы, терпятъ еще болѣе отъ мадьяръ, чѣмъ отъ австрійцевъ, и разумѣется, не могутъ содѣйствовать водворенію мира въ имперіи.

Отчаянные поляки, не смотря на безчисленные опыты и уроки, все еще суетятся, бросаются изъ стороны въ сторону, и входятъ въ разныя соглашенія съ мадьярами и австрійцами, надѣясь ихъ перехитрить, и забывая пословицу своихъ предковъ.

Несчастные русскіе въ Галиціи и Сѣверовосточной Венгріи, пьютъ самую горькую чашу, оцетъ смѣшанный съ желчію. Мудренск сказать, кто ненавидитъ, угнетаетъ ихъ больше, кто больше желаетъ имъ всякаго зла и вреда: Австрійцы, венгерцы или поляки? Каково же жить имъ подъ этимъ тройнымъ игомъ, съ прибавкою жидовъ и католиковъ. Господи! поддержи ихъ!

Въ нынѣшнемъ году поляки собираются служить панихиду по первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 году. Не мѣшало бы намъ приготовить для нея паремію отъ бытія чтеніе. Въ послѣднее время на русскомъ языкѣ вышло очень мало важныхъ документовъ, относящихся къ этому роковому событію, и на ихъ основаніи дѣлается теперь яснымъ для всѣхъ безпристрастныхъ судей, что первая мысль и первый шагъ къ раздѣлу Польши сдѣланъ былъ Австріею, и что воспользовался этимъ шагомъ тотчасъ прусскій Фридрихъ, и заставилъ почти Екатерину принять участіе, то есть возвратить себѣ при этомъ случаѣ часть исконныхъ русскихъ странъ, захваченныхъ поляками. Русское министерство

думало иначе и еслибъ поляки оказали въ то время бо́льше къ нему довѣрія, то можетъ быть моглибъ лучше выйти изъ своего затруднительнаго положенія, но такъ, видно, было угодно судьбѣ.

Удивительно, какъ были мы безпечны, оставляя эти непререкаемые документы подъ спудомъ, и не открывая глазъ нашимъ противникамъ, въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ.

Я сказалъ, что Турція въ послѣднее время ведетъ себя лучше относительно славянъ: я разумѣю здѣсь о томъ покровительствѣ, которое она оказываетъ болгарамъ при исполненіи ихъ желанія имѣть архіереями и пастырями своихъ соотечественниковъ, а не грековъ, незнающихъ ихъ языка, и не могущихъ пешишь объ ихъ образованіи. Жаль, что греческое духовенство, руководствуясь, кажется, больше всего финансовыми расчетами, коснѣеть въ признаніи ихъ правъ*.)

Въ Сербіи и Черногоріи дѣла идутъ, слава Богу, порядочно.

Въ заключеніе долженъ я предложить здравицу:

Пошли Богъ славянамъ терпѣнія—надѣйтесь, братья, вѣрьте и любите!

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* недавно была помѣщена большая передовая статья по поводу разсужденія Аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, о дѣйствіяхъ Славянскаго благотворительнаго комитета. *Петербургскія Вѣдомости* и другія газеты

16 мая

*) Увы! разрывъ кажется состоялся рѣшительный.

посвятили также много страниц опасеніямъ европейскихъ публицистовъ по этому важному для нихъ предмету. Лучшимъ успокоительнымъ отвѣтомъ на всѣ ихъ смѣшныя разноглагольствія можетъ служить изъясненіе самаго Комитета. Еще въ прошедшемъ декабрѣ, предсѣдатель М. П. Погодинъ въ рѣчи своей коснулся обвиненій, которыхъ предметомъ служитъ нашъ Славянскій комитетъ за границу. Приводимъ эту рѣчь. Она была произнесена въ годичномъ собраніи комитета (22 декабря,) и была послана тогда же въ Петербургъ, но не дошла, по какому-то недоразумѣнію, въ свое время, къ мѣсту назначенія. Вотъ ея текстъ:

Предъ докладомъ о текущихъ дѣлахъ нашихъ, или вѣрнѣе сказать, дѣлишкахъ, я долженъ сообщить вамъ, мм. гг., что эти дѣлишки въ послѣднее время обратили на себя большее вниманіе константинопольскихъ газетъ, и представились въ ихъ воображеніи огромными дѣлами, замыслами. Въ этихъ газетахъ, пользующихся въ Турціи свободою книгопечатанія, взводятся на насъ разныя напраслины, и приписываются намъ такія рѣчи, какія намъ и въ голову никогда не приходили. Недавно эти газеты должны были сами впрочемъ сознаться, что передали слова нашего многоуважаемаго секретаря совершенно въ искаженномъ и превратномъ видѣ.

Можно бы предложить этимъ газетамъ прислать къ намъ своего корреспондента, котораго мы охотно допустили бы въ наши собранія за извѣстное пожертвованіе въ пользу Комитета. Я даже, какъ предсѣдатель, попросилъ бы его разобрать всѣ наши бумаги, которыхъ накопилось много, а между тѣмъ вторые наши секретари какъ то плохо до сихъ поръ принимались за приведеніе ихъ въ порядокъ. На такихъ же условіяхъ, т. е. за соотвѣтственное пожертвованіе въ пользу Комитета мы были бы рады предложить Мидхаду-пашѣ, Махмуду-пашѣ, Рушди-пашѣ и любому пашѣ, званіе нашихъ почетныхъ членовъ, съ правомъ принимать участіе въ нашихъ дѣйствіяхъ.

Безъ шутокъ, какъ турецкимъ газетамъ, такъ и всякимъ другимъ, мы объявляемъ и повторяемъ безъ всякихъ околичностей, и безъ всякихъ опасеній, что цѣль Славянскаго Благотворительнаго Комитета состоитъ въ содѣйствіи православію — церквамъ и лицамъ — которыя въ томъ нуждаются, и мы думаемъ; что въ этой цѣли не только нѣтъ ничего не позволительнаго, но напротивъ, она должна считаться священной относительно всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ. Если католики, уніаты и протестанты имѣютъ и умножаютъ безпрестанно своихъ миссіонеровъ на востокъ, то намъ то какъ можно запретить чтобъ мы не помогли бѣднымъ, хотя отъ крупицъ падающихъ? Я самъ видѣлъ въ Смирнѣ, Бейрутѣ, Іерусалимѣ, училища, больницы, пріюты, богадѣльни, содержимыя на счетъ англичанъ, австрійцевъ и даже пруссаковъ, совершенно чуждыхъ вѣроисповѣданію тѣхъ странъ. Мы же, русскіе, къ стыду нашему, не имѣемъ тамъ нигдѣ никакого благотворительнаго учрежденія, и ничтожное пособіе, которое мы изрѣдка можемъ сдѣлать книгами, церковными вещами, воспитаніемъ того или другаго юноши, обращающагося къ намъ съ просьбою, хотятъ вѣнчить намъ въ преступленіе, усматривая въ немъ какіе-то политическіе замыслы! Намъ приписываютъ заднія мысли, когда у насъ и въ переднихъ для дѣлъ благотворенія на востокъ ощущается крайній плачевный недостатокъ.

Къ сожалѣнію я долженъ здѣсь замѣтить, что подозрѣнія на насъ возбуждаютъ не турки, да наградить ихъ за то Аллахъ, а греки, греки, которые за благодѣянія Россіи, въ продолженіи всей Исторіи, платятъ намъ теперь слишкомъ, какъ бы выразиться помягче, слишкомъ не по христіански. Въ духѣ любви хочется считать настоящій ихъ образъ дѣйствій временнымъ недоразумѣніемъ! Дай Богъ, чтобъ оно объяснилось поскорѣе.

Въ послѣднее время, изъ за источниковъ, кажется, не духовныхъ, произошла несчастная распря между ими и Болгарами,

вслѣдствіе которой болгаре объявлены еретиками, схизматиками. Не осмѣливаясь подавать голоса въ церковномъ вопросѣ, принадлежащемъ Святѣйшему Синоду, мы, какъ міряне, можемъ только чувствовать искреннее свое сожалѣніе объ этой распрѣ, и имѣемъ полное право выразить наше удивленіе, какимъ образомъ болгаре, исповѣдуя вѣру совершенно одинаково съ греками, принимая всѣ таинства, исполняя даже обряды, могутъ быть объявлены еретиками за то только, что желаютъ имѣть своими пастырями и учителями единоплеменниковъ, которые могли бы учить ихъ и быть для нихъ понятными, — за то только, что желаютъ слышать божественное ученіе на своемъ языкѣ, на который для нихъ перевели священное писаніе приснопамятные всеславянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій. На оборотъ, надо бы удивляться, какъ до сихъ поръ, греки, не зная славянскаго языка, могли быть терпимы у нихъ, какъ архіереи.

Злоба до такой степени обуяла грековъ, что они даже іерусалимскаго патріарха Кирилла, 80 слишкомъ лѣтняго старца, служившаго лѣтъ 30 при гробѣ Господнемъ, объявили еретикомъ за то, что онъ проповѣдовалъ миръ, и не хотѣлъ подписать Константинопольской анаѣмы. А антїохійское духовенство отрѣшаетъ своего патріарха за его согласіе! Прискорбныя явленія!

Я знаю лично патріарха Кирилла такъ, какъ зналъ покойнаго патріарха Александрійскаго Никанора, и видѣлъ, слышалъ, бывши въ Александріи, что всѣ христіанскія церкви на востокѣ равно какъ и монастыри Аѳонскіе, возлагаютъ единственную надежду на Россію. Что сдѣлалось съ греками теперь, понять трудно. Надо приписать это не народу, не духовенству, а одной партіи, которой Турки мирволятъ. О, еслибы турки поняли, въ чемъ заключается источникъ ея дѣйствій и настоящихъ воплей относительно Россіи, за что они вознегодовали на нее въ такой степени, безъ всякаго впрочемъ съ ея стороны повода а по безотчетному чутью! Я думаю впрочемъ, что турки понимаютъ это, и

пріязнь ихъ къ грекамъ не увеличилась, а они рады, какъ и австрійцы въ подобныхъ обстоятельствахъ, всякому случаю производящему раздѣленіе на пользу ихъ государственнаго правила: *divide et impera*.

До грековъ въ Константинополѣ поляки возбуждали всякія подозрѣнія, не оставляя и нашего бѣднаго Комитета въ покоѣ. Теперь одинъ изъ ихъ предводителей Чайковскій, который подъ именемъ Садыка-паши служилъ лѣтъ 25 въ Турціи, и имѣлъ даже вліяніе на правленіе, пользовался многими наградами, получалъ большее жалованье, — увидѣлъ тщету всѣхъ польскихъ замысловъ и рѣшился предаться великодушію русскаго государя, просить его о прощеніи. О, еслибъ примѣръ его подѣйствовалъ на несчастныхъ его соотечественниковъ, и понялибъ они, что хороши ли мы, дурны ли, тяжелы ли или легки, а все-таки единственная ихъ надежда спасенія заключается въ насъ, и что мы вмѣстѣ должны вѣкъ вѣковать и подвергаться одному Добру и одному худу; они должныбъ стремиться къ тому тѣмъ болѣе, что мы на глазахъ всего міра видимъ теперь у себя все-таки болѣе добра, чѣмъ худа, и идемъ къ добру, ни шатко, ни валко, ни на сторону, а не къ худу.

О воспитаніи молодыхъ людей изъ болгаръ и сербовъ въ нашемъ университетѣ можемъ мы сообщить, къ свѣдѣнію и ободренію константинопольскихъ газетъ, что оно, по настоящему нашему убѣжденію, не соотвѣтствуетъ цѣли — распространенія православнонаго образованія: эти молодые люди по большей части русѣютъ, или даже европеются, и предпочитаютъ вступать въ службу у насъ, чѣмъ возвращаться на родину. Воспитывать на свой счетъ изъ послѣднихъ крохъ чиновниковъ русскихъ изъ болгаръ и сербовъ было бы нелѣпностью, потому что множество русскихъ бѣдняковъ остаются безъ средствъ воспитанія, и чиновникамъ своимъ недостаетъ мѣстъ; потому мы думаемъ, что употребляемая деньги для нашихъ стипендіатовъ, цѣлесообразнѣе отсы-

латъ въ тамошнія училища, или доставлять туда въ соразмѣрности учебныя пособія книгами, инструментами, моделями.

Вотъ женское наше училище, о которомъ сообщить извѣстіе намъ многоуважаемый секретарь, можетъ утѣшить ревнителей славянскаго дѣла: мы увѣрены, что наши болгарки и сербянки, кончивъ свой курсъ въ стѣнахъ Алексѣевскаго монастыря, понесутъ свое образованіе на берега Дуная, въ свои семейства, и не польстятся званіемъ класныхъ дамъ въ Екатерининскомъ или Александровскомъ институтѣ.

Пражская церковь за истратой 30 тысячъ руб., собранныхъ Комитетомъ, оставалась съ долгами, которыхъ была не въ состояніи уплатить. Въ газетахъ разнесся слухъ, что одинъ достойный нашъ соотечественникъ Е. Д. Нарышкинъ пожертвовалъ 8 тыс. Дай Богъ, чтобъ этотъ утѣшительный слухъ оправдался и доброхотный датель нашелъ бы подражателей! Иностранныя газеты твердятъ о громадныхъ средствахъ московскаго Комитета! О, еслибы ихъ устами медъ пить!

Въ заключеніе я долженъ сообщить прискорбное извѣстіе о кончинѣ двухъ нашихъ достойныхъ членовъ: Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ, ученый издатель многихъ древнихъ памятниковъ славянскаго языка, преданный душою славянскому дѣлу, скончался въ прошедшемъ ноябрѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ скончался въ Ставрополѣ, Александръ Борисовичъ Иваницкій. Это былъ горячій другъ славянъ, который вездѣ, гдѣ бы ни былъ, на Кавказѣ и Петербургѣ, въ Москвѣ и Тифлисѣ, старался возбуждать къ нимъ сочувствіе, распространять о нихъ свѣдѣнія, помогать имъ всѣми средствами, — который говорилъ прямо, рѣзко, откровенно, безъ всякаго воздержанія, не по нашему, такъ что иногда и слушать его бывало жутко, страха ради іудейска. Почтимъ память честныхъ, благородныхъ дѣятелей выраженіемъ искренней признательности и глубокаго уваженія къ ихъ усердію, трудамъ и заслугамъ на пользу славянскаго дѣла.

Письмо къ редакторамъ русскихъ газетъ.

Во всѣхъ русскихъ газетахъ печатается телеграмма изъ Пешта, отъ 14 сентября, о публичномъ заявленіи имперскимъ канцлеромъ графомъ Андраши, «что панславянскія стремленія не находятъ себѣ поддержки въ русскихъ политическихъ сферахъ».

Очень жаль, что русскія газеты не постарались при этомъ случаѣ обрадовать графа Андраши полнымъ удостовѣреніемъ, что и всѣ прочія русскія сферы, среднія и низшія, точно также не питаютъ ни малѣйшаго сочувствія къ панславянскимъ стремленіямъ, равно какъ не существуетъ у насъ никакой панславянской партіи, о которой такъ часто толкуютъ нѣмецкія и венгерскія газеты; можно сказать рѣшительно, что нельзя теперь указать намъ даже ни на одно лице, которое понимало бы панславизмъ въ такомъ смыслѣ, какого опасается графъ Андраши. Но вся мыслящая часть осмидесятимилліоннаго русскаго населенія единодушно, не смотря на различіе партій, или, вѣрнѣе, не смотря на различіе теорій, потому что партій собственно у насъ никакихъ нѣтъ и въ заводѣ,—желаетъ всѣмъ славянамъ тѣхъ правъ и преимуществъ, какія принадлежатъ вообще европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія,—по крайней мѣрѣ тѣхъ, какими пользуются господствующія племена, съ которыми славяне теперь исторіею связаны, въ Цислейтаніи или Австріи, Транслейтаніи или Венгріи, Турціи, Саксоніи, Пруссіи.

Скажу болѣе: добросовѣстнымъ исполненіемъ этихъ *pro desideria*, законныхъ правъ, которыхъ только и добиваются сла-

вяне, рѣшатся, къ общему удовольствію, спокойно и мирно, многіе юговосточные вопросы, тревожащіе разныхъ премьеровъ, которые, по рѣшеніи ихъ, могутъ спокойно опочить на заслуженныхъ ими мѣстахъ, — а лавры, Богъ съ ними! И такъ уже много драгоцѣнной крови, къ стыду своему, пролила Европа за эти сухощавые листья!

✓ Панславянскихъ стремленій въ Россіи нѣтъ, но гдѣ же онѣ есть?

Развѣ Сербія, Чехія, Кроація, Болгарія, желаютъ политическаго соединенія съ Россіей ?

Нисколько, — и всѣ европейскія правительства очень хорошо это знаютъ, точно какъ знали прежде объ отсутствіи панславянскихъ стремленій въ высшихъ, среднихъ и низшихъ сферахъ Россіи.

Панславянскія стремленія находятся только въ дипломатическихъ портфеляхъ, откуда по временамъ выпускаются, напри- мѣръ, — въ Франціи, какъ пугало для Европы, въ Австріи, какъ предлогъ къ ограниченію или къ смиренію славянъ, въ Турціи, какъ средство для возбужденія противъ Россіи.

Нынѣшнее заявленіе сдѣлано очевидно съ цѣлью охладить расположеніе къ намъ славянъ, но вѣрно не будетъ имѣть успѣха, потому что одинъ здравый смыслъ, безъ всякихъ постороннихъ внушеній, убѣждалъ славянъ, что, если Русское правительство желаетъ добра всѣмъ европейскимъ народамъ, какъ доказало много разъ въ исторіи, и доказываетъ безпрестанно, то колыми паче желаетъ оно теперь, какъ всегда, добра, племенамъ славянскимъ, съ которыми русскіе соединены узами крови, языка и религіи. Это говорю я относительно интеллигенціи въ племенахъ славянскихъ, а простой народъ, который не знаетъ никакихъ партій, и никакихъ газетъ не читаетъ, ни чѣмъ сбить нельзя, потому только, что сердце сердцу вѣсть пода- етъ. Мы любимъ славянъ, ну и они любятъ насъ, вотъ и все: политикѣ сюда и нечего соваться.

А что же касается до мысли, которая слава Богу распространяется теперь во всѣхъ славянскихъ племенахъ, о необходимости умственного, нравственного, духовнаго общенія между нами, какое есть между племенами нѣмецкими, — необходимости имѣть одинъ литературный языкъ, какой есть у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, на пользу общаго развитія и преспѣванія, то его никакими средствами искоренить никому уже нельзя какъ прежде князьямъ Меттерниху и Шварценбергу, Кюшуту и Батіани, такъ нынѣ графу Бейсту и Андраши. *Naturam furca expellas tamen, tamen usque redibit.*

Сентября 17.

День Вѣры, Надежды и Любви,
съ матерью ихъ Софьею.

Письмо къ гр. Б—ой отъ 7-го Декабря 1853 года *)

Вы хотите, чтобъ я написалъ вамъ отчетъ о моемъ путешествіи, особенно въ отношеніи къ Славянамъ и современнымъ вопросамъ. Но съ какою цѣлью буду я писать вамъ этотъ отчетъ? Если не произвело никакого дѣйствія и пропало безъ вѣсти мое донесеніе 1842 года, которое такъ удивительно даже для меня самого, паче чаянія, оправдалось послѣдовавшими событіями съ нынѣшними включительно, — то какую пользу можетъ принести краткая записка? Но такъ и быть. Исполняю ваше желаніе, какъ могу, второяхъ. Признаюсь, у меня самого давно уже порывалась рука, давно уже волнуется желчь при чтеніи иностранныхъ газетъ; западная ложь выведетъ каждаго изъ терпѣнія: переведемъ на простой русскій языкъ ея послѣднія выходки.

„Помиритесь съ Турками,“ говоритъ она Россія, „вотъ примирительная, нами сообщенная нота; примите ее, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы не толковали ея статей въ свою пользу, а во вредъ себѣ подъ строгою отвѣтственностію.“

„Или воюйте съ Турками, проливайте свою кровь, истонцайте свои силы, побѣждайте, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣ побѣды вы отказались отъ всѣхъ своихъ выгодъ, не только нынѣшнихъ, но и прошедшихъ, полученныхъ вашими предками, а предоставили рѣшеніе намъ. А мы устроимъ ваши дѣла какъ можно полезнѣе для себя, а не для васъ.“

*) Перепечатано изъ Московскихъ Вѣдомостей 1878 года № 20.

Каково положеніе, представляемое для Россіи и въ мирѣ, и въ войнѣ, и даже послѣ побѣдъ!... Мудрено и выбирать, не лучше ли желать намъ пораженія?!..

Есть ли смыслъ не только политическій, но и общій человѣческій въ этихъ предложеніяхъ?

Нѣтъ, господа, по-русски мы понимаемъ дѣло такъ: если вы предлагаете намъ миръ, то мы имѣемъ полное право толковать его въ свою пользу. Кю же себѣ лиходѣй? А если воевать, то по крайней мѣрѣ не даромъ, и работать на себя, а не на васъ, для какого—то мнимаго равновѣсія.

А какъ рассуждаютъ они объ этомъ равновѣсіи? Франція отнимаетъ у Турокъ Алжиръ, Англія присоединяетъ къ своей Остъ-Индской монархіи каждый годъ почти по новому царству; это не нарушаетъ равновѣсія. А Россія заняла Молдавію и Валахію на время, по слову Русскаго Государя (а кто же смѣетъ ему не вѣрить!)—и нарушается равновѣсіе. Франція среди мира занимаетъ Римъ и остается тамъ на нѣсколько лѣтъ—это ничего; а Россія если даже думаетъ только о Константинополѣ, въ ихъ собственномъ воображеніи,—то все зданіе Европейской политики колеблется. Англія объявляетъ войну Китайцамъ, которые будто бы ее оскорбили: никто не имѣетъ права вступаться въ ея дѣла; но Россія должна спрашивать позволенія, если посорится съ сосѣдомъ. Англія разоряетъ Грецію, поддерживая фальшивый искъ одного бѣглаго Жида и сжигаетъ ея флотъ — это дѣйствіе законное; а Россія требуетъ, въ силу трактатовъ, безопасности милліонамъ христіанъ — это слишкомъ усиливаетъ ея вліяніе на Востокъ въ ущербъ всеобщаго равновѣсія. Австрійская имперія погибаетъ: всѣ западныя державы молчатъ и не опасаются, что равновѣсіе безъ нея нарушится. Пусть она погибаетъ! Напротивъ еще, лордъ Пальмерстонъ старается увеличить ея трудныя обстоятельства. А мысль, что Турція лишается какой-нибудь своей области или султанъ ослабѣетъ въ верховныхъ правахъ своихъ,

заставляет Европу трепетать даже за себя. Грустно, грустно смотреть на Европу. Что сдѣлалось съ ней? Какъ могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное изъ человѣческихъ дѣйствій, даже въ частной жизни сдѣлалось повсюду, какъ будто *à l'ordre du jour*, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти? По какому закону совершенствованія могло случиться, что христіанскіе народы, не краснѣя, становятся подъ ненавистнымъ нѣкогда знаменемъ Луны и празднуютъ ея побѣды, даже выдуманныя? Откуда такая симпатія къ Магомету?

А впрочемъ всѣ стараются о мирѣ и желаютъ добра христіанамъ: поневолѣ вспомнишь о Іудѣ и его лобзаніяхъ.

И что сдѣлала имъ Россія?

Не говорю о 1812 годѣ, годѣ спасенія, отъ котораго вся настоящая Европа ведетъ свое происхожденіе. Въ 1848 году, кто останавливалъ волны революціоннаго потока, грозившаго проглотить все, по собственному ея сознанію, — и образованіе, и нравственность, и свободу, и науку, и искусство? Кто въ 1850 году не допустилъ Австрію и Пруссію до междуусобной войны, которая могла привести на край гибели и ту, и другую, а вмѣстѣ съ ними и всю Европу? Предъ началомъ нынѣшней войны сколько сдѣлано было уступокъ, сколько дано отсрочекъ, сколько принято ограниченій, сколько предложено ультиматовъ и ультиматиссимовъ! Не служили ли всѣ сіи согласія, увѣнчанныя полнымъ принятіемъ Вѣнской ноты, осязательнымъ доказательствомъ желанія нашего сохранить миръ?

А самыя требованія наши? Они были такъ умѣренны, такъ стары, такъ опредѣленны, что только упорное сопротивленіе принять ихъ сообщило имъ значеніе. И еслибъ они были исполнены съ перваго раза, безъ дальнѣйшаго разсужденія, какъ и была готова Турція, безъ происковъ Англіи, судя по общимъ слухамъ то, кажется, ни одинъ листокъ не пошевелился бы на деревѣ въ

Европѣ, развѣ несчастные турецкіе христіане вздохнули бы отъ глубины сердца объ отсрочкѣ спасенія. Но отъ этихъ напрасныхъ вздоховъ положительная Европа, разумѣется, не покачнулась бы на сторону, и ни одинъ ея вагонъ не выскочилъ бы изъ своихъ рельсовъ.

Кто же виноватъ въ нарушеніи мира и въ вызовѣ опасностей?
Наши заняли Княжества!

Временное условіе занятія Княжествъ, принадлежащихъ намъ наравнѣ почти съ Турціей, при торжественномъ обѣщаніи императора Николая, которому, повторяю, никто не смѣетъ не повѣрить послѣ тридцатилѣтнихъ доказательствъ его справедливости и великодушія, не значило ровно ничего, кромѣ намѣренія имѣть залогъ, намѣренія вынужденнаго предыдущими обстоятельствами; занятіе должно было показать только, что мы предъявили наши требованія не шутя, и что миссія князя Меншикова имѣла право на вниманіе со стороны Турціи не менѣе миссія Лейнингена.

Все это такъ ясно, искренно, естественно, осязательно, что казалось не имѣть нужды ни въ какихъ дальнѣйшихъ поясненіяхъ и доказательствахъ. Но слѣпая ненависть и злоба не понимаетъ и понимать не хочетъ; она видящая не видитъ, и слышащая не разумѣетъ.

Какая же причина этой ненависти? Здѣсь я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности. Есть двѣ Европы: Европа газетъ и журналовъ, и Европа настоящая.

Въ нѣкоторомъ отношеніяхъ онѣ даже не похожи одна на другую. Въ настоящей Европѣ большинство думаютъ о своихъ дѣлахъ, о процентахъ и акціяхъ, о нуждахъ и удовольствіяхъ, и не заботятся ни о войнѣ, ни о мирѣ, ни о Россіи, ни о Турціи, развѣ въ отношеніи къ своимъ выгодамъ. Остальное народонаселеніе съ журналами и газетами можно раздѣлить на три категоріи.

Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь сочиненіями какогонибудь Кюс-

тина, двухъ-трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Церковь наша, во имя которой мы обнажили теперь мечъ, называется ересью, всѣ учрежденія наши считаются дикими, личность у насъ беззащитною, литература наша безгласною и вся исторія вчерашнею. На мѣстѣ законовъ они видятъ вездѣ произволь. Наше молчаніе глубокое, могильное утверждаетъ ихъ въ нелѣпныхъ мнѣніяхъ; они не могутъ понять, что можно было такія капитальныя мнѣнія оставлять безъ возраженія, и потому считаютъ ихъ положительными истинами. Какъ же вы хотите, чтобы мы нашли себѣ у этой категоріи сочувствіе? Чему можетъ она сочувствовать? Вотъ вредъ происшедшій отъ нашего пренебреженія общимъ мнѣніемъ. Мы имѣли бы многихъ на своей сторонѣ, еслибы старались не только быть, но и казаться правыми. Другіе ненавидятъ Россію, считая ее главнымъ препятствіемъ къ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что безъ Россіи конституціонныя попытки въ Германіи и повсюду удались бы гораздо полнѣе. Они думаютъ, что и впредь на этомъ пути прежде всего встрѣтится имъ Россія. Слѣдовательно всякое увеличеніе русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развитія, для просвѣщенія, и потому непремѣнно, во что бы то ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взглядъ такъ называемой лѣвой стороны, которую слѣдуетъ вразумлять, что намъ до нея дѣла нѣтъ, хоть на головахъ ходи, лишь только насъ не тронь, пока сама не попроситъ нашего участія. Къ 3й категоріи принадлежатъ различные выходцы, изгнанники, политическіе бобыли и пролетаріи, которымъ терять нечего; радикалы, которые имѣютъ цѣлью въ мутной водѣ рыбу ловить; они желаютъ войны, какой бы то ни было, надѣясь вызвать новыя столкновенія.

Между ними Поляки и Венгерцы удовлетворяютъ войной и чувству мести. Съ этою категоріей всякое объясненіе бесполезно; она пойметъ только развѣ угрозу и силу.

Наконецъ, присоединимъ къ нимъ инстинктъ зла, которое естественно ненавидитъ добро и какъ будто слышитъ себѣ угрозу съ Востока. Эта злоба безотчетная имѣетъ для насъ даже нѣчто утѣшительное, заставляя предполагать въ себѣ большой капиталъ добра, для насъ самихъ даже можетъ быть сокровенный.

Вотъ вамъ мое мнѣніе о народахъ и массахъ. Литература играетъ нынѣ въ Европѣ жалкую роль, или невѣжества или пристрастія; помѣщаетъ свои рѣчи преимущественно въ продажныхъ газетахъ и журналахъ, или служащихъ отголосками партій, или потакающихъ толпѣ изъ корыстныхъ видовъ. Правительства всѣ почти противъ насъ, одни изъ зависти, другія изъ страха и изъ личныхъ побужденій. Даже Австрія, недавно спасенная нами отъ конечной гибели, объявляетъ себя нейтральною, и во многихъ случаяхъ, особенно судя по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣйствуетъ заодно съ морскими державами.

Здѣсь я долженъ объяснить одно недоразумѣніе, которое можетъ встрѣтиться при чтеніи моихъ прежнихъ донесеній, Я говорилъ, что Австрія менѣ Турціи имѣетъ внутренней силы и залоговъ своей долговѣчности, — и Австрія избавилась отъ всѣхъ своихъ опасностей 1848 года и играетъ теперь такую важную роль въ системѣ Европейскихъ государствъ. Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія моимъ положеніямъ? Нѣтъ, противорѣчія никакого нѣтъ; потому что Австрія погибла бы безвозвратно, распавшись на составныя свои части; еслибы не спасла ее Россія. Россія спасла Австрію въ 1848 году и спасаетъ каждую минуту; теперь отнимите у Венгерцевъ, Итальянцевъ и Славянъ мысль, что въ нужномъ случаѣ Россія вступится опять за Австрію, и вы увидите, долго ли простоитъ она. По симъ причинамъ можно, кажется, говорить съ нею нѣсколько тверже и не считать ея нейтралитета особеннымъ благодѣяніемъ, и если великій императоръ Россіи на 29 году своего царствованія осчастливилъ посѣщеніемъ Ольмюцъ, то тамошній вѣнценосный юноша не долженъ бы казаться предъявлять

ему выгоды своей искусственной монархіи, существующей à la lettre только по доброй волѣ его союзника, а предать ему себя и ее въ полное распоряженіе.

Можетъ я несправедливъ къ нему, пишу это подѣ влияніемъ иностранныхъ газетъ, которыя приписываютъ ему какую-то самостоятельность оскорбительную для Русскаго, преданнаго своему Государю.

Можетъ-быть онъ исполненъ сыновнихъ чувствованій къ своему благодѣтелю, какъ долженъ; но кромѣ его въ Австріи есть еще правительство, есть дипломатія, есть бюрократія враждебная искони Россіи, знаменитая своимъ предательствомъ (какъ при Екатеринѣ, такъ при Павлѣ и Александрѣ), которымъ должно открывать иногда глаза чтобы не забывались.

Я остаюсь при своемъ мнѣніи, и нынѣшнее путешествіе утвердило меня въ немъ окончательно.

Что это за союзъ (Австріи съ Россіей), укажу на одинъ маловажный примѣръ. Ни одной книги, ни одного номера газетъ или журнала нельзя прислать изъ Россіи въ Австрію безъ величайшихъ затрудненій, какъ будто бы они были пропитаны ядомъ.

Утвердиться Россіи на Дунаѣ Австрія всегда будетъ мѣшать больше, нежели Франція и Англія. Такъ изъ чего мы будемъ хлопотать? А жертвовать для нея Славянами значитъ обрубить руки себѣ, увѣчить свое тѣло. Впрочемъ, это все только предположенія. Если вслѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ Австрія есть намъ союзница, то такъ тому и быть, только *conditio sine qua non*, она должна быть союзницей вѣрною и крѣпкою и безусловною, въ огонь и въ въ воду; не изъ новыхъ выгодъ и рачетовъ, а съ готовностію принести всякую жертву въ случаѣ нужды. При малѣйшемъ сомнѣніи, недоразумѣніи или уликѣ (коихъ вѣроятно ожидать будетъ не долго), медаль должна перевернуться, ибо Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ нежели другомъ, вы-

годѣе во всѣхъ отношеніяхъ, даже безъ промѣна ея на Францію, которая можетъ перейти на нашу сторону, а съ Франціей и говорить нечего. Франція за Италію отдастъ намъ въ распоряженіе не только Австрію и Турцію, но пожертвуетъ безъ сомнѣнія и сердечною привязанностію къ Англии.

Скажутъ: правительство во Франціи непрочно и неизвѣстно, останется ли Бонапартъ или возвратятся Бурбоны. По моему мнѣнію во Франціи — Франція, съ Бонапартомъ или Бурбономъ, смотря потому, кто пораньше всталъ, да въ руки палку взялъ, Мы можемъ внутренно, нравственно благопріятствовать болѣе одному нежели другому, но во внѣшнемъ образѣ дѣйствій подражать Англии, которая ублажаетъ Бонапарта, и Бурбона и конституціонную монархію и радикальную республику. Да ктому же у Французовъ внѣшняя политика не зависитъ ни когда отъ образа правленія, и въ послѣднее время республика, въ эпоху своихъ оргій, дѣйствовала въ отношеніи къ Германіи и Италіи совершенно въ духѣ старыхъ преданій, какъ будто при Лудовикѣ XIV.

Но оставимъ возможность и обратимся къ настоящему времени. Кто же наши союзники въ Европѣ? Союзники наши въ Европѣ, и единственные, и надежные, и могущественные — Славяне, родные намъ какъ по крови, по языку и сердцу, такъ по исторіи, вѣрѣ, а ихъ 10 милліоновъ въ Турціи и 20 милліоновъ въ Австріи; это количество, значительное само по себѣ, еще значительнѣе по своему качеству въ сравненіи съ изнѣженными сынами запада Европы. Черногорцы вѣдь стануть въ ряды поголовно, Сербы также, Босняки отъ нихъ не отстануть, одни турецкіе Славяне могутъ выставить двѣсти или болѣе тысячъ войска, не говоря о Военной границѣ, Кроатахъ, Далматахъ, Славонцахъ; вотъ естественные наши союзники! Покажите имъ прекрасную, святую цѣль освобожденія отъ несноснаго иноплеменнаго ига, подъ которымъ они стонуть 400 лѣтъ; умѣйте управлять ихъ силами живыми, могучими, восторженными, и вы увидите какія чудеса ими сотворятся. Да,

сколько прибудетъ силы у Русскаго Самсона! Или духъ его не въ счетъ уже пошелъ? Пріѣзжай-ка Государь въ Москву на весну, отслужи молебенъ Иверской Божіей Матери, сходи поклониться ко Гробу Чудотворца Сергія, да кликни кличь: Православные, за Гробъ Христовъ, за Святыхъ мѣста, на помощь къ нашимъ братіямъ, утомленнымъ въ мукахъ и страданіяхъ! Вся земля возстанетъ, откуда что возьметъ, и посмотримъ мы, будетъ ли намъ страшень этотъ Западъ съ его дипломатіей и измѣной. Въ отношеніи къ Турціи мы находимся въ самомъ благопріятномъ, въ самомъ выгодномъ положеніи, въ которое она поставила насъ сама, вмѣстѣ со своими знатными союзниками, по какому-то таинственному движенію исторіи, которое видимо чего-то хочетъ другаго, чѣмъ люди. Мы можемъ сказать: „Вы отказываетесь обѣщать намъ искреннее, дѣйствительное покровительство вашимъ христіанамъ, котораго мы единственно требовали, увѣряя васъ нѣсколько разъ торжественно, предъ лицомъ всей Европы, что мы не хотимъ ничего болѣе и не ищемъ никакихъ завоеваній; вы объявили намъ войну и провозгласили уничтоженіе всѣхъ прежнихъ трактатовъ для новаго опредѣленія нашихъ отношеній, такъ мы требуемъ теперь освобожденія Славянъ, и пусть война, изобрѣтенная вашими собственными средствами, по собственному вашему желанію, рѣшитъ новый споръ.“ Скажу даже вотъ что: если мы не сдѣлаемъ теперь этого, не освободимъ Славянъ, такъ или иначе, подъ нашимъ покровительствомъ, то это сдѣлаютъ враги наши, Французы, Англичане, которые только того и ждутъ, чтобъ мы оробѣли, о чемъ распространяются теперь слухи, и согласились заключить миръ, то-есть, отказаться отъ всякаго вліянія на Востокъ, отъ миссіи, намъ предназначенной со времени основанія нашего государства; они сдѣлаютъ это, чему теперь мѣшаютъ, потому иначе вопросъ рѣшить нельзя, и теперешняя ихъ роль ренегатовъ слишкомъ позорна, и они столько умны, что побоятся оставить

ее за собою въ исторіи. Въ Сербіи, Болгаріи и Босніи, вездѣ между Славянами, они дѣйствуютъ и завели свои западныя партіи, кои предсказаль я впрочемъ за десять лѣтъ предъ симъ; они развратятъ и освободятъ Славянъ: каково же будетъ намъ тогда! Да, если мы не воспользуемся обстоятельствами, если пожертвуемъ славянскими интересами, если обманемъ ихъ разцвѣтшую надежду, или предоставимъ ихъ рѣшеніямъ другихъ державъ, тогда мы будемъ имѣть противъ себя не одну шальную Польшу, а десять (чего только враги и желаютъ, о чемъ и заботятся). И Петровы, и Екатеринины высокія предположенія и назначенія — прости на вѣкъ! Имѣя противъ себя Славянъ, — и это будутъ самые лютые враги Россіи, — укрѣпляютъ Кіевъ и чиниче Годуновскую стѣну въ Смоленскѣ: Россія снизойдетъ на степенъ державъ втораго класса.

Рѣчь въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ 1872 г.

Мм. Гг.! Прискорбнымъ извѣстіемъ должны мы начать наши засѣданія: Славянскій Благотворительный Комитетъ лишился одного изъ дѣятельныхъ своихъ членовъ, который равно принималъ къ сердцу и судьбы славянскаго народа, и судьбы славянскаго языка. Александръ Ѳеодоровичъ Гильдфердингъ скончался въ прошедшемъ іюлѣ, по дорогѣ на Сѣверъ, куда онъ отправился съ цѣлію дополнить свой драгоценный сборникъ былинъ и разныхъ простонародныхъ разсказовъ, для котораго въ прошедшемъ году онъ собралъ такую неожиданно богатую жатву. Простуда, не обротившая на себя достаточнаго вниманія, была причиною внезапной смерти. Имя его останется незабвеннымъ въ Славянской литературѣ; онъ познакомилъ насъ съ югозападными славянскими странами, куда не проникалъ ни одинъ изъ путешественниковъ; собралъ множество замѣчаній о бытѣ народа, историческихъ преданій, замѣчаній о нарѣчіяхъ, и вмѣстѣ древнихъ рукописей. Его изслѣдованія, сдѣланныя еще прежде объ исторіи Славянъ сѣверныхъ, и наконецъ послѣднія о первыхъ временахъ Славянскаго народа, даютъ ему право на почетное мѣсто въ лѣтописяхъ науки. Онъ принималъ живое участіе въ польскомъ вопросѣ, и вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся до Славянъ, и печаталъ свои статьи въ *Москвитининъ*, *Дни*, *Вестнѣ* и *Москвѣ*. Петербургское отдѣленіе нашего Комитета, котораго онъ былъ председателемъ, обязано ему многими счастливыми мыслями, полезными для Славянскаго дѣла. О Пражской церкви онъ заботился очень много и содѣйствовалъ ея устройству.

Дѣдъ Александра Ѳеодоровича принадлежалъ въ Московскому университету и былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка. Отецъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, окончилъ также здѣсь курсъ, въ мое время, и поступилъ на службу въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ былъ наконецъ начальникомъ дипломатической канцеляріи при князѣ Паскевичѣ. Оттуда прислалъ онъ къ намъ своего сына, и мы всѣ приняли его, разумѣется, съ распростертыми объятіями. Больше всѣхъ имѣлъ на него вліяніе нашъ незабвенный Хомяковъ, и къ числу разнообразныхъ заслугъ Хомякова принадлежитъ воспитаніе молодаго Гильдфердинга, который возблагодарилъ его предъ концемъ своей жизни тщательнымъ изданіемъ его исторической *Семирамиды* (выйдетъ вскорѣ въ свѣтъ въ двухъ томахъ). Кончивъ курсъ съ отличіемъ, онъ остался въ университетѣ до полученія степени магистра, и написалъ диссертацию: *О сродствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ*. На службу поступилъ онъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ отецъ его занималъ тогда должность начальника государственнаго архива. Вскорѣ, удовлетворяя внутреннему влеченію къ Славянамъ, онъ отправился консуломъ въ Боснію и Герцеговину. Плодомъ этой службы было любопытное путешествіе по турецкимъ областямъ, заселеннымъ Славянами. Последняя служба его была въ государственномъ совѣтѣ въ должности помощника статсъ-секретаря. И здѣсь она соединялась съ учеными работами, и приносила пользу Славянамъ.

Засвидѣтельствуемъ, мм. гг., искреннюю нашу признательность и глубокое наше уваженіе неутомимому труженику, ревностному ходатаю по славянскимъ дѣламъ, и достойному ученому, оставившему намъ въ наслѣдство многіе важные для науки труды. Пожелаемъ, чтобъ онъ нашелъ подражателей на томъ полѣ, которое воздѣлывалъ съ такимъ усердіемъ, на томъ полѣ, на которомъ жатвы такъ много, и дѣлателей такъ мало.

Въ сентябрѣ петербургскій отдѣлъ лишился еще полезнаго своего члена, болгарина, Спиридона Николаевича Палаузова. Онъ получилъ образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ, издалъ историческое сочиненіе о Молдавіи и Валахіи, и о вѣкѣ болгарскаго царя Симеона. Въ послѣднее время онъ занимался въ Археографической Коммиссіи изданіемъ Кіевской лѣтописи по Ипатъевскому списку.

Вчера скоронили мы знаменитаго труженика, Владиміра Ивановича Дала. Хотя онъ не былъ членомъ Славянскаго комитета, и не принималъ участія въ нашихъ занятіяхъ, но своимъ словаремъ живой русской рѣчи онъ принесъ такую огромную пользу одному изъ главныхъ славянскихъ нарѣчій, что имѣетъ полное право на почетное благодарственное воспоминаніе въ Славянскомъ Комитетѣ.

Немного утѣшительнаго могу я сообщить собранію и объ общихъ славянскихъ дѣлахъ, въ которыхъ мы принимаемъ участіе, поколику они относятся къ нашимъ занятіямъ.

Болгары исходатайствовали пока — грустно сказать, — отъ турецкаго правительства самостоятельность своей церкви.

Какъ славяне мы должны радоваться, что эти первые христіане изъ славянъ получаютъ наконецъ полное богослуженіе на родномъ языкѣ, то-есть языкѣ нашихъ первоучителей, св. Кирилла и Меодія, и вмѣстѣ пріобрѣтутъ или лучше возвратятъ себѣ могущественное средство для дальнѣйшаго своего развитія и образованія.

Какъ сыны православной церкви выразимъ глубокую нашу скорбь, что святое дѣло подало поводъ къ раздору. Удивляемся, что греческое духовенство рѣшилось дѣйствовать враждебнымъ образомъ, и не нашло средствъ удовлетворить законное желаніе. Если дѣло идетъ изъ за мірскихъ выгодъ, то, кажется, мы всѣ готовы были бы соединенными силами вознаградить грековъ за вещественныя потери. Греки не могутъ пожаловаться на недоста-

токъ въ русскихъ щедротахъ. Они получали отъ насъ во все продолженіе исторіи безпрестанныя вспомошествованія, а славяне не получали никогда ничего. Жаль, что греки за наше добро безразсудными и неистовыми, какъ слышно, криками, платятъ намъ не по христіански, и возбуждаютъ даже турокъ къ враждѣ.

Желаніе имѣть духовное начальство изъ своихъ соотечественниковъ, желаніе слышать Слово Божіе на своемъ, по преимуществу, языкѣ, неужели это ересь? Ересью могли называть такое желаніе римскіе папы, и то въ IX, X столѣтіи, осуждая св. Кирилла и Меѳодія, но не православные Греки XIX столѣтія. Притомъ, если русская церковь, молдаво-валашская, аѳинская и сербская, пользуются извѣстною самостоятельностью, то почему же не можетъ пользоваться ею на такихъ же основаніяхъ столько долго сиротствующая церковь болгарская.

Почтимъ словомъ глубокой благодарности достопочтеннаго патріарха іерусалимскаго Кирилла, который до послѣдней минуты противился насильственнымъ мѣрамъ, и умолялъ о примиреніи.

Примѣчательно. что эта распря, въ нѣдрахъ восточной церкви, происходитъ именно въ то время, какъ западная церковь совершенно раскалывается, и передовые люди въ ней освобождаются отъ своихъ наслѣдственныхъ предубѣжденій, обращаютъ свои взоры къ православію.

Исторія дѣлаетъ свое дѣло. Можетъ быть нынѣшнее прискорбное и вмѣстѣ утѣшительное событіе имѣетъ обще—историческое значеніе и послужитъ во благо племенъ славянскихъ. Надежда на святыхъ молитвы!

Вспомнимъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ восточная и западная церкви начали даже свое раздѣленіе изъ за Болгаріи.

Не могу не обратить вниманія еще на слѣдующее явленіе: во всѣхъ нѣмецкихъ католическихъ странахъ обнаруживается, какъ замѣчено нами, сильное движеніе противъ притязаній папскихъ, а католическіе Славяне остаются равнодушными къ жгучему во-

просу, и какъ будто не понимаютъ трудовъ и подвиговъ своихъ апостоловъ, св. Кирилла и Меѳодія.

Отъ церковнаго вопроса, переходя къ дѣламъ мірскимъ, мы должны также съ сердечнымъ сокрушеніемъ сказать, что угнетеніе Славянъ вездѣ усиливается, и говоря по русской простой пословицѣ, лѣнивый только не бьетъ несчастныхъ: и Турки и Австрійцы, и Нѣмцы, и Венгерцы, и Валахи, и Греки! Несчастное племя! Да когда же достигнется предѣлъ твоего страданія и твоего терпѣнія?

Москву посѣтили члены Статистическаго конгресса, засѣдавшаго въ Петербургѣ. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы упрекнуть европейскія газеты за ихъ подозрѣнія къ Славянамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву на этнографическую выставку, и въ письмѣ, на имя русскаго предсѣдателя, выразилъ это мнѣніе. Точно также, по поводу заявленій графа Андраши, счелъ я нужнымъ написать письмо къ редакторамъ русскихъ газетъ, которое напечатано въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

По случаю Сербскаго празднества отправлена поздравительная телеграмма.

Вотъ все, что считаю обязанностію довести до вашего свѣдѣнія за время вакаціи.

О нашихъ домашнихъ дѣлахъ представляютъ отчеты наши почетные дѣятели: секретарь и казначей.

Могу сказать только съ своей стороны, что Пражская церковь окончена устройствомъ и ожидаетъ теперь, чтобъ ея пустынные своды огласились славословіемъ Господнимъ, и московскіе колокола, уныло висящіе на католической колоколенкѣ, и скучающіе бездѣятели, издали наконецъ свой веселящій сердце, благовѣстящій звукъ. Говоря же просто безъ фигуръ, мы скажемъ, съ горемъ по поламъ, что церковь готова, на устройство употреблено нами до 30 тысячъ рублей, собранныхъ о Христѣ Иисусѣ,

— а причетъ содержать мы не имѣемъ никакихъ уже средствъ, и должны ожидать помощи отъ правительства. Долговъ лежитъ еще на насъ, по послѣднимъ письмамъ нашего достоуважаемаго ктитора графа А. Е. Комаровскаго, до пяти тысячъ, заплатить которые мы надѣемся на доброхотныхъ дателей.

P. S. Передавъ мои слова, прошу васъ замѣтить, въ утѣшеніе австрійскихъ и турецкихъ трепетниковъ панславизма, что въ первомъ годичномъ собраніи Славянскаго Комитета, членовъ собралось девять человекъ, всего на все, съ тремя должностными лицами включительно! Неправда-ли, что Комитетъ нашъ очень силенъ, и что въ немъ таится не шуточная опасность для двухъ имперій!

Петербургскому оппоненту.

Авторъ передовой статьи Петербургскихъ вѣдомостей, которая подала поводъ къ моей замѣткѣ, помѣщенной въ „Голосъ № 125“, открылъ свое имя. Долгомъ почитаю засвидѣтельствовать ему искреннюю благодарность за то, что онъ снялъ съ души моей грѣхъ; я приписывалъ статью совершенно другому лицу, не Русскому, и видѣлъ въ статьѣ заднія мысли. Теперь я приписываю статью только легкомыслію и опрометчивости. Поставлюсь объяснить читателямъ передергиванья автора въ отвѣтъ на мою замѣтку (№ 125). Пусть онъ извинитъ это выраженіе, очень мѣткое, заимствованное у Петербургскихъ газетъ, которое вѣрно характеризуетъ его отвѣтъ.

Въ первой своей статьѣ онъ сказалъ: „нашимъ панславистамъ нужно, какъ можно скорѣе, препоясать мечъ и сокрушить всѣхъ, кто мѣшаетъ образованію облюбленнаго ихъ фантазіей всеславянскаго государства“. Я спросилъ, чтобъ авторъ указалъ сочиненія или статьи, гдѣ выражены эти нелѣпости, и назвалъ выдумкою и клеветою, а въ доказательство указалъ на мѣста изъ только что напечатаннаго въ „Голосъ“ письма М. П. Погодина къ Палацкому, гдѣ выражены ясно всѣ желанія Русскихъ, такъ называемыхъ, панславистовъ, состоящія единственно въ томъ, чтобъ славяне Австрійскіе и Турецкіе воспользовались правами, подобающими Европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія.

Письмо Погодина къ Палацкому напечатано было въ „Голосъ“ 19 Апрѣля, а статья автора появилась въ „Петербургскихъ

вѣдомостяхъ“ 21 Апрѣля. Ясно, что онъ могъ прочесть письмо а между тѣмъ приписалъ такъ называемымъ панславистамъ совершенно противоположныя цѣли. Справедливо ли было мое обвиненіе? Если сами Славяне, напримѣръ покойный Штуръ, питали и выражали такія желанія, то это не касается Русскихъ панславистовъ. Я исчислилъ имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комитетахъ и спросилъ, способны ли они къ какому бы то ни было кознямъ, всего менѣе къ политическимъ, что имъ за дѣло до Австрійскаго правительства, и наконецъ много ли ихъ? Авторъ, не отвѣчая ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, передергиваетъ послѣдній совершенно въ другую сторону и восклицаетъ: ну, вотъ видите ли, что я говорилъ правду; сами панслависты сознаются, что ихъ очень мало и что въ обществѣ нѣтъ сочувствія къ ихъ идеямъ.

Мы отвѣтили автору, что нами исчислены Члены Комитета и его Отдѣленій, а касательно признаковъ общаго народнаго сочувствія можемъ указать ему на встрѣчу и проводы Славянъ въ 1867 году на границѣ, въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Порховѣ, въ Петербургѣ, въ Кронштадтѣ, Твери, Москвѣ, — на участіе, принимаемое обществомъ во всѣхъ Славянскихъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ Петербургѣ.

Узнавъ имя, я не скажу теперь, что авторъ именно хотѣлъ посеять раздоръ между Славянами и Русскими, но что его статья имѣетъ такое дѣйствіе, въ томъ онъ можетъ убѣдиться употребленіемъ ея враждебною Россіи Австрійскою печатью, какъ сообщено мною въ двухъ дополненіяхъ ея къ моей замѣткѣ (См. №№ Голоса).

О стипендіяхъ. Стипендіи даются исключительно Болгарамъ, какъ самымъ безпомощнымъ между Славянами, и иногда Сербамъ — и то по представленіямъ извѣстныхъ лицъ изъ Одессы, Вѣлграда и Кишинева.

О мечтѣ всеславянскаго государства — опять совершенная выдумка, и давно уже не встрѣчается ни малѣйшаго намека объ этомъ государствѣ, которое остается только въ воображеніи автора, а за мысли самихъ Славянъ, напримѣръ Штура, мы не отвѣчаемъ.

Осуждать католичество между Чехами никто не думалъ, а сами они твердятъ безпрестанно объ ученіи Гуса, отличіи его отъ католичества, а у насъ появились многія сочиненія объ отношеніи его къ Православію; которое (отношеніе) такъ противно Петербургскимъ вѣдомостямъ и Вѣстнику Европы. Вѣстникъ Европы, отвергая это отношеніе, смѣялся надъ воспоминавшими объ немъ, а оно доказывается теперь убѣдительно всѣми учеными изслѣдованіями.

Авторъ спрашиваетъ, насмѣхаясь; гдѣ находится складъ книгъ? Кому нуженъ этотъ адресъ? Развѣ Австрійской Полиціи?

Идея о Славянской взаимности не распространилась еще у насъ достаточно. Вотъ объ этомъ-то и заботятся друзья — ревнители Славянства, и образованному русскому не слѣдовало бы мѣшать тому. Идею эту произнесъ между Славянами знаменитый Коляръ въ тридцатыхъ годахъ, а у насъ даже въ учебныхъ книгахъ Богемія считалась Нѣмецкою, наслѣдственной областію Австрійскаго Императора, а Галичь мы до сихъ поръ называемъ Галиціею и Львовъ Лембергомъ.

О прочихъ инсинуаціяхъ автора распространяться считаемъ неудобнымъ.

Что касается до моего имени, то авторъ говоритъ самъ, что не интересуется знать его, а для читателей дѣло и въ дѣлѣ, а не въ имени.

При празднованіи пятисотлѣтней годовщины Гусовой,
въ собраніи Славянскаго Комитета,

въ Москвѣ, 25 Августа 1869 года.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось пятьсотъ лѣтъ со времени рожденія великаго Славянскаго учителя Яна Гуса, 6-го Іюня 1369 года. Соотечественники его перенесли празднованіе этого приснопамятнаго для нихъ дня на 23-е, 24-е, и 25-е Августа, (4-е, 5-е и 6-е Сентября по н. с.), чему и мы въ настоящемъ собраніи нашемъ слѣдуемъ.

По какому же праву, спросить насъ, безъ сомнѣнія, подозрительная, враждебная Европейская печать — хотять Русскіе принять участіе въ Чешскомъ торжествѣ?

На такой вопросъ можно отвѣчать коротко и ясно; по тому же праву, по какому мы праздновали въ послѣднее время юбилеи Данта, Шекспира, Шиллера, по какому на дняхъ отправили въ Парижъ поздравительную телеграмму со днемъ рожденія Кювье, по какому на этой недѣлѣ Общество естествоиспытателей посвящаетъ особое засѣданіе памяти Гумбольдта. *Nomo sum, et nihil humani a me alienum esse puto*, говоритъ въ этомъ случаѣ всякій Русскій!

Но относительно Гуса, мы Русскіе, имѣемъ еще много причинъ, кромѣ тѣхъ, которыя побуждаютъ насъ славить Англичанина Шекспира, Итальянца Данта, Француза Кювье, Нѣмцевъ — Шиллера, Гёте и Гумбольдта.

Какія же это причины?

Первая — Гусь былъ Славянинъ.

Въ 1867 году, Русскій Богъ свелъ въ Москвѣ представителей всѣхъ Славянскихъ племень, которые во очію увидѣли и почувствовали свое родство, сознали себя единымъ народомъ. Великое, замѣчу мимоходомъ, знаменательное происшествіе, которое неопѣнено еще по достоинству, но которое сдѣлается въ будущемъ исходною точкою многихъ Славянскихъ юбилеевъ. Пока мы скажемъ только, что Славяне, въ лицѣ своихъ представителей, признали общюю собственностью, завѣтнымъ своимъ наслѣдіемъ, духовное добро, принадлежащее каждому племени порознь: исторію, языкъ, литературу, великихъ людей и дѣятелей.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, не только полное право, какъ Европейцы, какъ люди, но вмѣстѣ и обязанность, какъ Славяне, принести свою дань почтенія и удивленія къ великимъ доблестямъ героя Чешской исторіи. Вотъ первая причина.

Вторая — Гусь былъ древнѣйшій ревнитель Славянской народности, за 500 почти лѣтъ развернувшій это славное знамя, слѣдовавшій вѣрно по стопамъ Славянскихъ первоучителей, св. Кирилла и Меодія, употреблявшій народный языкъ въ богослуженіи и проповѣди. Въ объясненіи Гуса на молитву Господню находится слѣдующій энергическій призывъ Чеховъ его времени къ національному самосознанію*, «чтобъ князья, паны и «народъ дорожили своею родною рѣчью и не давали ей гибнуть; чтобъ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ Чеховъ съ нѣмками, «говорили только по-чешски, но не двоили своей рѣчи, потому «что двоеніе рѣчи подаетъ первый поводъ къ взаимной зависти,

* Мы приводимъ эти слова изъ дѣльной статьи о Гусѣ, помѣщенной въ «Современномъ Листкѣ» (№№ 53, 54 и 55). Оттуда же мы заимствуемъ, изъ предосторожности, и другія замѣчанія, подлинными словами, отиѣченными посредствомъ вносныхъ знаговъ, какъ принадлежація духовному журналу.

«раздорамъ. Воистинну, какъ нѣкогда Неемія, услышавъ, что «дѣти жидовскія, отъ полу глаголаху азотскимъ языкомъ и «не умѣяху глаголати по іудейски, проклялъ и поразилъ ихъ: «такъ и нынѣ достойны всякаго осужденія Пражане и другіе «Чехи, которые говорятъ въ половиину по нѣмецки, въ половиину «по чешски. Кто бы могъ вычислить весь вредъ отъ такого «раздвоенія рѣчи?»

Такъ говорилъ ревностный Чешскій проповѣдникъ.

(О Гусъ, воскликну я мимоходомъ, что сказалъ бы ты, еслибъ попалъ случайно въ высшее Русское общество и услыпалъ тамошнее Вавилонское разноязычіе, и увидѣлъ несчастныхъ Русскихъ дѣтей, принуждаемыхъ съ самаго нѣжнаго возраста пицѣть, свистѣть, гнусить, картавить на всѣхъ языкахъ ііра!).

Сдѣлавшись ректоромъ Пражскаго университета, онъ возсталъ въ пользу Чеховъ противъ притязаній Нѣмецкихъ въ университетскомъ совѣтѣ и городской думѣ, и послѣ унятой борьбы доставилъ имъ равноправность, хоть только на время.

Гусъ — великій человекъ, Славянинъ, пророкъ вародности, цорогъ для насъ, Русскихъ, еще вотъ почему: онъ какъ будто зоспоминалъ смутно или темно, предчувствовалъ православіе; въ груди его какъ будто заговорило древнее Чешское ученіе, и вмѣстѣ носился впереди вождельнный идеаль. Онъ былъ католикъ, но не такой, какой требовался папою; онъ училъ повиноваться только тѣмъ постановленіямъ, которыя согласны съ древними апостольскими правилами и опредѣленіями Вселенскихъ соборовъ; онъ училъ о приобщеніи мірянъ подъ обоими видами, вопреки правилу Римско-католической церкви; онъ возставалъ противъ ея злоупотребленій, осуждаемыхъ и нашею церковью, почему и провозглашенъ, какъ мы, схизматикомъ и осужденъ на сожженіе.

Касательно согласія Гуситскаго ученія, съ православіемъ указываютъ еще на пріобщеніе младенцевъ. «Причащеніе младенцевъ предполагаетъ безусловную, непосредственную вѣру въ таинство, въ его дѣйствіе на человѣка, если только онъ самъ не отвергаетъ его въ своемъ сознаніи. Этотъ взглядъ свойственъ одной православной церкви; всѣ другія церкви и вѣроисповѣданія, древнія и новыя, отвергаютъ такое непосредственное дѣйствіе таинства евхаристіи. Чехи всегда укоряли Римскую церковь за то, что она не допускала такого причащенія, и этотъ обычай былъ дорогъ народу, представляя собою драгоценный остатокъ православія, которое Чехи исповѣдывали въ самое первое (Кирилло-Меѳодіевское) время своей христіанской жизни».

«Такимъ образомъ, ученіе Гуса выражало собою не одинъ протестъ противъ папства, но было стремленіемъ возсоздать въ народномъ сознаніи нѣчто такое, что существовало въ немъ, что народъ хранилъ и любилъ, какъ дѣйствительное преданіе минувшаго».

«А что Гусъ дѣйствительно стоялъ на почвѣ православія, мы это видимъ съ особенною ясностью въ лицѣ друга его, Геронима Пражскаго, который незадолго предъ смертію совершилъ путешествіе въ западную Россію: въ Витебскъ и Псковъ онъ открыто сталъ въ общину православныхъ; вмѣстѣ съ ними принималъ причастіе, въ спорахъ съ католиками защищалъ восточную церковь, какъ единую истинную, что и было поставлено ему въ главную вину на Константскомъ соборѣ, за которую онъ, подобно своему другу и учителю, былъ приговоренъ къ смертной казни».

«Къ несчастью, дѣятельность Гуса и его учениковъ должна была остановиться. Иначе дальнѣйшій ходъ ея сопровождался бы болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ православіемъ; вліяніе Гуса на Лютера было бы въ этомъ послѣднемъ случаѣ шире, опредѣленнѣе, и потому самая реформа Лютера не была бы такъ

далека отъ истинной церкви, какою она вышла при другихъ условіяхъ».

Историческіе обстоятельства Россіи, стоившей подъ игомъ Монголовъ, и Греціи, покоренной Турками, воспріятелиствовали православію воспользоваться Гуситскимъ движеніемъ. «Всѣ попытки къ сближенію остались безуспѣшными, но, тѣмъ не менѣе, память обоихъ этихъ героевъ (Гуса и Иеронима) останется навсегда въ сердцахъ друзей православія».

Напомнимъ теперь нѣсколько подробностей о жизни Гуса, представляющей много поразительнаго.

Онъ былъ, напримѣръ, сожженъ въ день своего рожденія, 6-го Іюля 1415 года, (род. 6-го Іюля 1369 года.)

„Такъ совпали въ жизни этого великаго и праведнаго чело-вѣка два рожденія—одно для жизни временной, другое—вѣчной; два крещенія—одно въ водѣ, другое въ огнѣ.“

Въ дѣтствѣ, читая однажды житія святыхъ, онъ дошелъ въ житіи архидіакона Лаврентія до того мѣста, гдѣ этотъ послѣдній, испеченный на желѣзной рѣшеткѣ, при императорѣ Валеріанѣ, говоритъ исполнителямъ казни: «испеклось, поворотите!» Гусъ такъ былъ увлеченъ рассказомъ объ этомъ мужественномъ перенесеніи страданій тѣла, что рѣшился самъ испытать, до какой степени духъ можетъ быть нечувствителенъ къ страданіямъ плоти».

И ему самому привелось дѣйствительно подвергнуться такой же мучительной казни, которую перенесъ онъ съ такимъ же удивительнымъ, сверхъ-естественнымъ мужествомъ.

«Гуса вели на казнь среди огромной толпы народа, сочувственно относившейся къ несчастному страдальцу. Рѣчи его къ народу, на пути къ костру, производили глубокое впечатлѣніе. Гусъ просилъ молиться за него, невиннаго. Народъ волновался. «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виноватъ,» раздавалось со всѣхъ сторонъ, «онъ молится и говоритъ, какъ истинный праведникъ».

Шестіе двигалось тихо, часто останавливалось, народъ запружалъ узкія улицы! поле между Готлибенской слободой и садами замка, мѣсто казни, было усыяно народомъ. Взойдя на костеръ, Гусъ обратился къ народу съ рѣчью; но католики, опасаясь послѣдствій той прощальной рѣчи, ускорили казнь. Палачи обложили тѣло Гуса, до пояса, дровами и соломой, скрутили руки назадъ и привязали ихъ къ столбу мокрою веревкой: онъ былъ поставленъ лицомъ къ западу, и засмоленная веревка вокругъ шеи и столба не позволяла шевельнуться. Вмѣстѣ съ первымъ огненнымъ языкомъ, охватившимъ дрова и солому, Гусъ заплѣлъ громкимъ голосомъ: „Христе, Сыне Бога живаго! помилуй мя грѣшнаго!“ и эта пѣснь, заглушая трескъ горящихъ дровъ, болѣзненно отдавалась въ сердцахъ присутствовавшихъ и молитвенно возносилась къ небу...»*

По свидѣтельству Енея Сильвія, который самъ сдѣлался папою, и, слѣдовательно, въ пристрастіи не можетъ быть заподозрѣнъ, „Гусъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ; ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитвы къ Богу-Отцу“.

Строгою, безупречною нравственною жизнью отличался онъ съ самаго нѣжнаго возраста. Суровый къ себѣ и задумчивый, онъ отличался вмѣстѣ особенною кротостью и привѣтливостью, которая привлекала къ нему сердца всѣхъ обращавшихся къ нему.

Въ жизни это былъ христіанинъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Примѣчательно, что въ числѣ первыхъ обвиненій было „возбужденіе народа противъ духовныхъ властей и природныхъ Чеховъ противъ иноземцевъ“.

*) «Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца» соч. Вильбасова, СLXXIX.

Вотъ къ какой древности относится эта метода — виноватыхъ отклонять отъ себя обвиненіе и переносить его съ больной головы на здоровую.

Нѣкоторые изъ послѣдователей Гуса были, вскорѣ по его кончинѣ, въ Константинополѣ, за два года до взятія его Турками, и исповѣданіе ихъ признано рѣшительно православнымъ. Константинъ Ангеликъ приобщенъ святыхъ таинъ, о чемъ сохранилось свидѣтельство въ особой грамотѣ, подписанной знаменитыми духовными савовниками того времени. (Она печатается теперь Петербургскимъ нашимъ отдѣломъ).

Итакъ, если Нѣмцы считаютъ Гуса предшественникомъ своего Лютера, относительно обличенія злоупотребленій папства, то мы гораздо съ большимъ правомъ можемъ признать его ревнителемъ православія, хотя ему положительно неизвѣстнаго.

Но точно ли православіе, какъ ученіе Греко-восточной церкви, было неизвѣстно Гусу? Едва ли! При такой неизвѣстности, какъ бы можно было объяснить поѣздку друга и товарища его, Геронима, въ Россію? Не пріѣзжалъ ли Геронимъ къ намъ именно съ цѣлью познакомиться съ нашею церковью? Познакомясь съ нею, принявъ св. причастіе, защищая восточную церковь, какъ истинную, (что поставлено ему въ вину на Константскомъ соборѣ), онъ, безъ сомнѣнія, передалъ все узнанное своему другу и товарищу Гусу.

Разумѣется, они не смѣли указать прямо, гдѣ сохраняется истина Христіанской церкви, которой они искали, и къ которой ощуцію приблизились, не смѣли провозгласить православія предъ началомъ своего процесса, для усугубленія своей вины предъ папою, когда и нѣсколько частныхъ замѣчаній вело уже ихъ на костеръ.

Чехи, католики и протестанты, даже безпристрастные, благонамѣренные, ученые, напримѣръ, знаменитый Палацкій, не могутъ судить о Гусѣ не односторонне, потому что незнакомы съ

православнымъ ученіемъ, и находятся подъ бременемъ общаго предубѣжденія: они видятъ въ немъ только реформатора, а мы видимъ въ немъ и его почитателей нашихъ союзниковъ, приверженцевъ, къ которымъ и взываемъ: прїидите, оглашенніи, оглашенніи прїидите.

Вотъ, кажется, единственный вообще исходъ спасенія для Чехіи: ибо чтить память Гусову, видѣть въ немъ идеаль и не дѣлать его дѣла, прославлять его ученіе и жить, безъ зазрѣнія совѣсти, въ совершенномъ противорѣчїи съ этимъ ученіемъ, есть просто *non-sens*, нелѣпица. Такое фальшивое положеніе не можетъ продолжаться передъ судомъ разума: Чехи, если вѣрятъ Гусу, должны принять его ученіе.

А до тѣхъ поръ мы, Русскіе, имѣемъ право говорить, что Гусъ принадлежалъ больше намъ, чѣмъ Чехамъ, потому что его правила заключаются въ нашемъ ученїи, и ни въ какомъ другомъ, — исполняются нами, а не Чехами.

Да, мы относимся къ Гусу также, какъ и къ св. Кириллу и Меѳодію: Славяне празднуютъ ихъ память, поклоняются имъ, а заповѣдей ихъ, по странному противорѣчїю, не исполняютъ! Чехи, Мораване, Словаки, Кроаты, Далматы, Словенцы исповѣдаютъ христіанство по римски и употребляютъ Латинскій языкъ. Русскіе, вмѣстѣ съ православными Болгарами и Сербами — вотъ единственные наслѣдники св. Кирилла и Меѳодія.

Великое, необозримое поле открывается въ наше время для православія, и всѣ обстоятельства какъ будто нарочно слагаются въ Европѣ въ пользу, честь и славу его. Съ одной стороны, Римскій Вселенскій такъ-называемый соборъ, съ непогрѣшимостью папы, съ непорочнымъ зачатіемъ, съ энцикликой и силлабусомъ, въ разрѣзъ всему образованію Запада; съ другой протестанство, дошедшее по столбовой своей дорогѣ до совершеннаго невѣрія, — и вотъ стремленія многихъ достойныхъ лицъ, изъ всѣхъ исповѣданій, соединиться съ православіемъ. Давно ли ирочли мы кнѣ-

гу Овербека и Пихлера, *Нѣмецкихъ* ученыхъ богослововъ? Нынѣ услышали воззваніе *Англичанина* Геферли построить православную церковь въ Бирмингамѣ, и отправлять богослуженіе на Аглійскомъ языкѣ. Абатъ Гете, *Французъ*, историкъ Христіанской церкви, авторъ многихъ сочиненій, признанныхъ классическими въ ученомъ мірѣ, принимаетъ православіе, издаетъ книгу о православномъ богословіи, и получаетъ докторскую степень. Не говорю уже о движеніи *въ Америкѣ* въ пользу православія.

Еслибъ подобныя событія случились въ нѣдрахъ католической или протестантской церкви, чего бы не сдѣлали онѣ, чтобъ содѣйствовать движенію, какія усилія употребили-бъ для прінятія въ свои отверстыя объятія стремящихся, для ободренія, укрѣпленія недоумѣвающихъ и сомнѣвающихся!

А наше духовенство молчитъ. Таковъ, говоритъ, искони характеръ нашей церкви; она принимаетъ съ любовью всѣхъ желающихъ, но не любитъ употреблять усилій для ихъ привлеченія, не любитъ вступать въ пренія, и, всего менѣе, нападать.

Я недавно былъ на Востокѣ, и видѣлъ тамъ католическія и протестанскія училища по всѣмъ главнымъ городамъ Малой Азіи, не говоря уже о Константинополѣ и Афинахъ, — въ Смирнѣ, Бейрутѣ, Іерусалимѣ. Западная пропаганда съ ея богатыми средствами проникаетъ не только къ Арабамъ, но и къ Грекамъ, къ Славянамъ, несмотря на все природное отвращеніе и сопротивленіе послѣднихъ племенъ. Что же? Мы не должны принимать никакихъ мѣръ противъ совращенія нашихъ единоувѣрцевъ?

Можетъ быть, дѣйствительно, такъ должно, такъ лучше! Я не богословъ; но, наблюдая всѣ эти явленія со страхомъ воспоминаю слова Спасителя, сказанныя іудеямъ: „яко мнози отъ востока и запада придутъ, и возлягутъ съ Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ“ (Матѣ. VIII, 11.) и «яко отъбьется отъ васъ царь-

ствіе Божіе, и *дастся языку, творящему плоды его* (XXI, 43).

Что если новообращаемые, проникнутые православіемъ, вознесутъ о немъ свой голосъ во всеуслышаніе, начнутъ обращенія въ Европѣ, а мы будемъ продолжать свое молчаніе, и оправдываться, что это не наше дѣло, не въ нашемъ характерѣ!

Да, мы находимся въ удивительно-счастливомъ положеніи, по природѣ вещей, относительно какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ Европейскихъ вопросовъ. Надо только, чтобъ мы и наши единоплеменники, *не исключая Поляковъ*, поняли свое положеніе и уразумѣли, въ чемъ и какъ должно искать спасенія для всего Славянскаго міра!

Славянскій благотворительный Комитетъ имѣетъ, какъ извѣстно, главною своею цѣлью воспитаніе, и нравственное, духовное пособіе своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ Славянамъ, въ духѣ православія и народности. Вотъ почему мы сочли своею обязанностью устроить нынѣшнее засѣданіе, посвященное исключительно памяти Гуса, въ назиданіе преимущественно тѣхъ Славянъ, которые подвергаются опасности на Востокѣ отъ іезуитовъ, чтобъ они увидѣли разительный примѣръ, какъ смотрѣло искони папство на наши главные догматы, и какъ его уклоненія отъ первоначальной христіанской церкви и злоупотребленія были всегда чувствуемы глубоко — добросовѣстными членами даже Римской церкви.

Съ другой стороны, мы хотѣли указать Чехамъ на странное противорѣчіе, въ какомъ они находятся въ отношеніи къ Гусу.

Нѣкоторые друзья Славянства вознамѣрились послать въ даръ имъ, по этому случаю, *чашу*, которая осталась бы для нихъ на вѣки вѣковъ напоминаніемъ о нашей братской любви, усердіи и участіи въ ихъ судьбахъ.

Достойный нашъ сочленъ Ѳ. И. Тютчевъ, прїѣхавшій на дняхъ изъ Кіевскаго путешествія, узнавъ о нашемъ намѣреніи, вполне одобрилъ его.

Изъ его сердца вылились тотчасъ стихи, которыми я и заключу мою рѣчь, и которые послѣ жертвователи отправятъ въ Прагу вмѣстѣ съ нашимъ усерднымъ приношеніемъ.

На ваши, братья, празднества,
На встрѣчу вашимъ ликованьямъ,
На встрѣчу вамъ идетъ Москва
Съ благоговѣйнымъ упованьемъ.

Въ среду восторженныхъ тревогъ,
Въ разгаръ великаго волненья,
Приноситъ вамъ она залогъ,
Залогъ любви и единенья.

Примите же изъ рукъ ея
То, что и *вашимъ* прежде было,
Что староченская семья
Такой цѣной себѣ купила;

Такою страшною цѣной,
Что память эта и понынѣ
И вашей лучшею святыней,
И вашей жизненной струей.

Примите чашу — вамъ звѣздой
Въ ночи судебъ она свѣтила,
И вашу немощъ возносила
Надъ человѣческой средой.

О, вспомните, какимъ она
Была вамъ знаменемъ любимымъ,
И что въ кострѣ неугасимомъ,
Она для васъ обрѣтена.

И этой-то великой мзды,
Отцовъ великихъ достоянья,
За всѣ ихъ тяжкіе труды,
За всѣ ихъ жертвы и страданья,

Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцовъ и правду Божью.

И долго ль, долго ль этотъ плѣнъ,
Изъ всѣхъ тягчайшій, плѣнъ духовный,
Еще сносить ты осужденъ,
О, Чешскій людъ единокровный?

Нѣтъ, нѣтъ, не даромъ благодать
На васъ призвали предки ваши,
И будетъ вамъ дано понять,
Что нѣтъ спасенія вамъ безъ чаша,
Она лишь разрѣшить въ понець
Загадку вашего народа;
Въ ней и духовная свобода,
И единенія вѣнецъ.
Придитежъ къ дивной чашѣ сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите въ ней
Съ надеждой, вѣрой и любовью.

Въ Прагу послана была изъ засѣданія телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Поминаемъ единодушно съ братьями-Чехами великаго Славянскаго дѣятеля, запечатлѣннаго мученическою смертью свои завѣтныя убѣжденія о святомъ причащеніи мірянъ подѣ обоими видами, о церковно-Славянскомъ чинопочаліи, объ употребленіи Славянскаго языка... Посылаемъ вамъ въ даръ чашу, украшающую настоящее наше собраніе: пусть она на вѣки вѣковъ останется памятникомъ Русскаго усердія во славу безсмертнаго Іоанна Гуса. Привѣтствуемъ съ любовью всѣхъ Славянъ, собравшихся на народное торжество въ Прагу и Гусинець».

Рѣчь въ засѣданіи Славянскаго Благотворительскаго Комитета 1875 года.

Вы, Мм. Гг., ожидаете вѣроятно отъ меня, по возвращеніи изъ за границы, какихъ нибудь свѣжихъ извѣстій о событіяхъ, происходящихъ въ югозападномъ углу славянскаго міра, въ Герцеговинѣ и Босніи. Но что можно нынѣ путешественнику сказать новаго при быстромъ дѣйствіи телеграфовъ, которые по всему свѣту разносятъ свѣдѣнія о событіяхъ чуть не черезъ минуту послѣ совершенія? Вы позволите мнѣ представить развѣ нѣсколько общихъ мыслей, внушенныхъ неистовою злобою дня.

Хотя задача Славянскаго Комитета относится собственно къ духовному, умственному и нравственному образованію нашихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Турціи, но нельзя же намъ даже не какъ членамъ, даже не какъ Русскимъ, а только какъ Европейцамъ, остаться равнодушными, вмѣстѣ впрочемъ со всѣмъ Европейскимъ обществомъ, къ вопросу о томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся, и не выразить своего мнѣнія, какъ выражали Англичане, Французы, Нѣмцы и пр.

Странное и вмѣстѣ поучительное зрѣлище представляетъ Европа!

Давно-ли западныя государства вели ожесточенную войну противъ покойнаго нашего Государя Николая Павловича за то, что онъ, принимая къ сердцу страданія единоплеменныхъ и большею частію единовѣрныхъ съ нами Славянъ въ Турціи, потребовалъ

на основаніи прежнихъ трактатовъ законнаго улучшенія ихъ участи? Англичане и Французы объявили его требованіе нарушеніемъ верховныхъ правъ Султана, собрали многочисленныя войска, снарядили сильныя флоты, снабдили ихъ оружіями всякаго рѣда, новѣйшими изобрѣтеніями науки, напали на Крымъ... — Императоръ Николай, неожиданный такого страннаго нападенія въ виду своихъ умѣренныхъ заявленій, застигнутый врагомъ, дѣлалъ уступки за уступками, и наконецъ ограничивался только сенедомъ, обезпечивающимъ сколько нибудь положеніе Славянъ. Ничто не помогало. Враги напрягали свои силы. Онъ кончилъ жизнь жертвою своего великодушія, довѣрчивости вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, о которыхъ распространяться здѣсь не нужно. За нимъ палъ и Севастополь, послѣ безпримѣрной въ лѣтотисяхъ, почти годичной, осады. Враги хотѣли, чтобъ мы и впередъ не могли грозить Турціи; они потребовали, чтобъ мы сами разрушили твердыни Севастопольскія, ограничили число своихъ кораблей на Черномъ морѣ и отказались отъ устьевъ Дуная, отъ сообщенія съ Славянами и предоставили покровительство надъ ними союзнымъ державамъ. Никакихъ жертвъ не пощадили они, истратили миллиарды, погубили цвѣтъ своего населенія, чтобъ достигнуть этихъ цѣлей, — и они достигли ихъ.

Чтоже теперь говорятъ они объ этихъ цѣляхъ и о плодахъ ихъ достиженія? Они говорятъ устами своихъ первыхъ публицистовъ, даже министровъ, тоже самое, что говорилъ Императоръ Николай.

Они совѣтуютъ, требуютъ, хотя педъ другою формою, тоже самое и даже болѣе, чтó совѣтовалъ, требовалъ покойный Государь. За что же бросились они на него съ такимъ осервеніемъ? Развѣ въ благодарность за то, чтó дѣлалъ онъ въ продолженіи своего царствованія для спокойствія Европы?

Англійскій Министръ иностранныхъ дѣлъ, Лордъ Дерби, въ послѣдней своей рѣчи на обѣдѣ Ливерпульскаго Лорда Мера,

сказалъ между прочимъ *) „можетъ быть и наша дипломатія была по временамъ болѣе ретива, чѣмъ проникательна. Но время разъясняетъ много недоразумѣній, и послѣдніе немногіе годы (?) показали предѣлъ помощи, какую можемъ мы дать Турціи, также какъ и *недостатокъ въ ней нравственныхъ качествъ удерживающихъ націю отъ упадка.*“

Такъ говоритъ Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а вотъ свидѣтельство Константинопольскаго корреспондента газеты Times:

„Великое заблужденіе думать, что Порты сдѣлается мягче, или великодушнѣе на будущее время, потому что ничто не измѣнилось въ потребностяхъ государственной службы, или въ расходахъ, удовлетворяющихъ пышности Султанскаго двора. Обѣщанія Порты относительно административнаго порядка имѣютъ такую же силу, какъ и расточаемыя ею въ финансовыхъ циркулярахъ. Нельзя вѣрить ни одному официальному слову Турціи.“ **)

А вотъ что объявляетъ одинъ изъ первыхъ французскихъ публицистовъ, Лемуанъ: „Турція не можетъ предпринять реформъ, потому что всякое преобразование, какъ мы Европейцы его понимаемъ, потрясетъ ея организмъ, ея существованіе. До сихъ поръ она отъ цивилизаціи заимствовала только дурныя стороны; потому что хорошія *несовмѣстимы съ нею и причинили-бы ей скорую смерть.*“

Всѣ Англійскія, французскія и большая часть Нѣмецкихъ газетъ распространяются на эту тему: объ ужасномъ положеніи Христіанъ въ Турціи, и о несостоятельности Турецкаго управленія — и ни въ одной газетѣ не упоминается, даже имени Императора Николая Павловича, какъ будто бы онъ не говорилъ тоже

*) М. В. № 250 Окт. 3.

**) Совр. Извѣст. № 290 Окт.21.

самое, не призывалъ Европейскія Государства къ принятію мѣръ противъ Турецкихъ неистовствъ, во облегченіе судьбы Славянъ, какъ будто они всѣми силами не старались мѣшать его великодушному заступничеству; однимъ словомъ, какъ будто его не существовало. Безсовѣстные! покайтесь хоть предъ его тѣнью!

Этого мало: Англичане идутъ теперь гораздо далѣе Императора, и его требованія, которыя казались имъ во время оно чрезмѣрными, неисполнимыми — ничто въ сравненіи съ тѣми мѣрами, которыя они имѣютъ въ виду.

Лордъ Дерби заботится впрочемъ о мусульманахъ; по его словамъ, „Боснія и Герцеговина не способны къ самоуправленію, потому что онѣ содержатъ значительное могометанское населеніе, богатое и фанатическое. Онѣ полагаютъ, что Христіанское большинство обратится на своихъ прежнихъ господъ и такимъ образомъ провинціи будутъ повергнуты въ состояніе хроническихъ смутъ. Такъ конечно и случится, если ихъ предоставитъ самимъ себѣ; но если ихъ поставитъ подъ покровительство державы, какъ Австрія, подобная опасность значительно уменьшится. Не самоуправленіе нужно Герцеговинѣ, а доброе водительство и твердое правленіе, а этого именно она и не можетъ получить изъ Константинополя.“

Тоже самое высказываетъ и торійская *Pall Mall gazette*; „Турція не можетъ уступить возставшую территорію христіанскимъ мятежникамъ, ибо при *конституціонномъ управленіи* освобожденныхъ Христіанъ роли перемѣнятся, и собственность и личность мусульманъ будутъ вѣроятно менѣе обезпечены, чѣмъ собственность и личность Христіанъ въ настоящее время. Съ другой стороны, трудно видѣть, какія достаточныя гарантіи можно выговорить для удовлетворенія жалобъ Христіанъ, если не условиться, чтобъ одна изъ великихъ державъ заняла страну въ интересахъ Европейскаго мира и взяла на себя полицейскія обязанности.“

Французскій публицистъ, разбирая одну статью Times, говоритъ, что, „Англія, для которой такъ долго цѣлостъ Оттоманской Имперіи была догматомъ, вдругъ выбросила за бортъ свою традиціонную политику и первая стала требовать срытія шатающагося зданія.“

Въ отвѣтъ ему Times торжественно отпирается отъ этого догмата о неприкосновенности Оттоманской Имперіи и не стыдится утверждать предъ лицомъ всего свѣта, что это была только игра словъ, (милліоны бомбъ пущенныхъ въ Севастополь — это была только игра словъ!) что единственный пунктъ, на который настаивала политика Англіи, и который она считала существенно важнымъ для политики мира и для блага самой имперіи, есть тотъ, чтобъ Турецкое правительство не было торопливо испровергнуто, и чтобъ провинціи не достались сосѣднимъ державамъ.“

Французы сознаются, что, ведя войну съ Россією, они вовсе не думали о Славянахъ, ни о Турціи:

„Англичане воспользовались, „говоритъ Лемуанъ,“ услугами Императора Наполеона III и Франціи, и было бы конечно черезъ чуръ, еслибы не воспользовались этою помощію, предложенною такъ охотно. Мы утверждаемъ, что Крымская война была предпринята съ цѣлью доставленія трону Императора союза Англіи, а вовсе не въ видахъ интересовъ Франціи. Англія теперь измѣняетъ своей политикѣ, мы только констатируемъ этотъ фактъ и нисколько не жалуемся на это, такъ какъ никогда не защищали той фикціи, которая извѣстна подъ названіемъ цѣлости (intégrité) Оттоманской имперіи. Событія, происходяція въ настоящее время, лишь подтверждаютъ такой взглядъ.“

Вотъ какъ переиначился вѣтеръ! Союзныя державы, съ цѣлю ослабить вліяніе Россіи, по Парижскому трактату взяли на себя покровительство надъ Турецкими Славянами; какъ же онѣ ис-

полняли принятую на себя обязанность? По собственнымъ признаніямъ Англичанъ, дипломатія, исторгшая гатти — гумаюнъ и продолжающая блюсти судьбы Турецкой имперіи, вела дѣла такъ, «что ни одинъ райя на всемъ ея протяженіи, не безопасенъ отъ грабежа и насилія ея администраторовъ, что ни одинъ Христіанинъ не имѣетъ ни малѣйшей надежды на правосудіе въ мусульманскомъ судѣ! Благородный плодъ всѣхъ ея ревностныхъ усилій поддержать европейскій миръ — эти покинутыя поля и этотъ погибающій народъ, эти вѣчно возобновляющіяся усилія райевъ подняться изъ рабства, коему они могутъ подчиниться, лишь соглашаясь на униженіе животнаго, — эти усилія, вѣчно подавляемыя въ крови, и послѣ каждаго изъ коихъ дипломатія, видя спокойно лежащій пепель и невозмутимую могилу, складываетъ руки, закрываетъ глаза и благодаритъ Бога, что миръ Европы обезпеченъ! А когда небесный вѣтеръ раздуетъ пепель, сѣмя въ могилѣ начинаетъ прозябать и рука вновь ищетъ ятагана, дипломатія опять начинаетъ совѣтовать райямъ успокоиться и довѣриться милости и благодати Султана“.

„Я желаю только сказать одно — и каждый можетъ принять это за живую истину — что еслибъ дипломатія послѣ Крымской войны исполнила свой долгъ и озабочилась, чтобы всѣ подданные султана пользовались одинаковымъ правосудіемъ и одинаковыми законами, личною свободою и неприкосновеннымъ правомъ на свою собственность, то всѣ возстанія, бывшія послѣ того времени были бы предотвращены“.

А какъ они некровителствовали Христіанамъ относительно религіи, вотъ ихъ-же свѣжее свидѣтельство. Отъ 6 Октября, тотъ-же корреспондентъ *) свидѣтельствуемъ изъ Рагузы, что подъ вліяніемъ католическаго духовенства, Славяне католики употребляютъ всѣ средства, чтобы мѣшать возстанію, всѣми си-

*) Times 6 Октября.

лами помогаютъ Туркамъ, то есть, православные для католиковъ ненавистнѣе Турокъ, и точно какъ во время крестовыхъ походовъ: „Положеніе Герцеговинскихъ католиковъ крайне трудно и трудность его усиливается ихъ нелѣною политикою сопротивленія возстанію всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Мнѣ еще не случалось встрѣтить ни одного католика, духовнаго или мірянина, который не относился бы сочувственно къ Туркамъ, а жители католическихъ деревень доходятъ даже до того, что обезоруживаютъ небольшіе отряды инсургентовъ, проходящіе черезъ эти деревни. Я могу поручиться за общую безобидность православныхъ и ихъ желанія жить въ мирѣ съ своими земляками другихъ исповѣданій, но ясно, что дѣло кончится преслѣдованіемъ католиковъ, *за которое они будутъ обязаны своему духовенству.* Здѣшніе католики, пользуясь своимъ нейтральнымъ положеніемъ сообщаютъ Туркамъ необходимыя свѣдѣнія, доставляютъ имъ провизію и т. д. Всѣ вьючныя лошади, взятые за послѣдніе дни инсургентами, принадлежатъ католикамъ. Онѣ будутъ возвращены имъ, но съ предостереженіемъ, что въ другой разъ это болѣе не повторится. Я не знаю, какъ уживутся впредь православные съ католиками, но смѣло ручаюсь, что въ случаѣ, если не уживутся, виноваты будутъ одни католики.

Россія впродолженіи всего этого времени могла только протестовать, что она и дѣлала, безъ всякаго впрочемъ успѣха для страдальцевъ.

И вотъ вспыхнуло возстаніе вновь въ Герцеговинѣ. Что дѣлаютъ союзныя державы? Онѣ, убѣжденные наконецъ въ крайности, да какой дошли христіанскія населенія Турціи, предлагаютъ вмѣстѣ съ Россією посредничества между Портою и повстанцами. Они убѣждаютъ турецкое правительство дать ираде, нѣчто выше сенеда, на которомъ мирился Императоръ Николай, — ираде, обезпечивающее права Христіанъ.

Но корреспонденты всѣхъ Европейскихъ газетъ единогласно свидѣтельствуютъ, что тотъ пресловутый праде ничего не значитъ, какъ всѣ прежнія постановленія Порты, и что варварское управленіе идетъ какъ прежде и не можетъ идти иначе. Спеціальный корреспондентъ Times разбираетъ его по статьямъ и доказываетъ до очевидности его несостоятельность.

Точно такой же малый усгѣхъ имѣло и посредничество державъ между Турціею и инсургентами. Они объявили, что, наученные опытами, никакимъ обѣщаніямъ больше не вѣрятъ.

Чтоже остается имъ дѣлать? кажется, ничего не остается болѣе, какъ предоставить дѣла ихъ естественному теченію. Такъ и утверждаютъ газеты, даже преданныя Турціи, негодуя на благодарительное вмѣшательство, до сихъ поръ оказанное. Вотъ что говоритъ *Neue freye Presse*, по свидѣтельству Голоса:

„Главный аргументъ, постоянно воздвигаемый какъ журнальными органами, такъ и дипломатами, исповѣдующими туркофильскую политическую вѣру, противъ всякаго не только воздѣйствія Европейскихъ державъ на Великую Порту къ улучшенію быта подвластныхъ ей народовъ, но даже противъ всякаго обсужденія ея внутреннихъ дѣлъ на дипломатической почвѣ, — это неограниченное верховенство ея правъ (суверенитетъ) въ границахъ ея государственной территоріи, тождественное съ верховенствомъ или государственною независимостію (интегритетомъ) всякаго другаго Европейскаго государства. Это, говорятъ они, торжественно признано Парижскимъ трактатомъ 1856 года, который окончательно усыновилъ Оттоманскую имперію равноправной семьѣ Европейскихъ націй. Такимъ образомъ, согласно самымъ основнымъ началамъ международнаго права, этимъ отрицается всякое право вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи.

Вотъ что требуютъ друзья турокъ. Но этого же желаютъ, объ этомъ только хлопочутъ и сами повстанцы, къ тому принуждаютъ союзныхъ державъ и ихъ отношенія къ Турціи.

Но онъ, принимая на себя посредничество, оказали свое давлѣніе на Сербію и Черногорію, которыя стремились помогать Герцеговинцамъ, и вотъ какъ судять о томъ тѣ-же корреспонденты Англійскихъ газетъ.

„Какъ только державы рѣшили преступить 9-ю статью Парижскаго трактата вмѣшательствомъ въ видѣ консульскаго посредничества и нравственнымъ давлѣніемъ на инсургентовъ, то они не должны бы затѣмъ укрываться за тою-же самою статьею, уклоняясь отъ настояній предъ Портой, чтобы она вполне и безотлагательно оказала справедливость инсургентамъ, принятымъ дипломатіей подъ свое покровительство. Вмѣсто того дипломатія предприняла оказать свое давлѣніе въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ и результаты вышли самые печальные. Не будь этого давлѣнія, войска обоихъ княжествъ устремились бы давно въ борьбу прежде, чѣмъ турки успѣли бы собраться съ силами, и война приняла бы правильный характеръ, при чемъ жатвы, селенія и даже права самыхъ мусульманъ были бы охраняемы регулярными отрядами. Дипломатія и послѣ всегда имѣла бы возможность вмѣшаться, чтобы остановить княжества, когда бы ей это вздумалось, и въ тоже время могла бы улучшить и положеніе райевъ. Но вмѣсто того давлѣніе преждевременно было направлено на слабѣйшую сторону, которую оно парализовало, давъ Портѣ возможность сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, собрать и подтянуть свою деморализованную армію, такъ что теперь она можетъ нанести рѣшительный ударъ Сербіи въ любую минуту. За то возстаніе, поддерживаемое партизанскими шайками приняло характеръ свирѣпый; половина Герцеговины и большая часть Босніи покинуты жителями, опустошены и разорены на много лѣтъ; населеніе ихъ въ крайней нищетѣ и изгнаніи. Порта, вслѣдствіе своихъ громадныхъ приготовленій, близка къ полному банкротству, а оба княжества, за свое послушаніе, отягчены бѣдствіями худшими, чѣмъ какія могла на нихъ навлечь война.“

Всего замѣчательнѣе то, что удержала Сербію и Черногорію Россія, которой только они слушались. Она и здѣсь послужила миру въ очію всей Европы. Чтò же теперь остается дѣлать союзнымъ Государствамъ, и съ ними Европѣ?

Славянскій вопросъ, т. е. положеніе Славянъ въ Европѣ, находится теперь именно въ томъ положеніи, какъ былъ при императорѣ Николаѣ, съ тою разницею, что теперь всѣ Европейскія державы убѣждены въ несостоятельности Турецкой имперіи и въ невыносимости славянскихъ страданій. Такъ за чѣмъ-же дѣло стало?

На этомъ словѣ я остановился и не могъ продолжать, какъ будто языкъ прильпне къ гортани. Я дивился самъ себѣ, припоминая, какъ въ подобныхъ случаяхъ вопіялъ я передъ Крымской войной въ продолженіе ея и послѣ нея. Почему же теперь не могу выговорить ни слова? Потому-ли, что старость начинаетъ оказывать на мнѣ свое дѣйствіе, потому-ли, что съ годами утверждается во мнѣ болѣе и болѣе мысль, что человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ, потому-ли, что историческое чутье шепчетъ во мнѣ, что Славяне, одолѣвъ Турокъ, начнутъ рѣзаться между собою и найдутся добрые сосѣди, которые захотятъ въ мутной водѣ рыбу ловить; потому-ли, что страхъ беретъ меня, какъ Европейскаго человѣка, предъ общей войною, къ которой легко могутъ подать поводъ Европейскія столкновенія; потому-ли, что не хочется повторять, что писалъ я прежде отъ полноты сердца; потому-ли, что въ душѣ питается вѣра въ Русскаго Бога, посылающаго въ нужное время вдохновеніе свыше Царю и его правительству. Однимъ словомъ, я не могъ продолжать своего писанія, не могъ безъ страха читать стиховъ Майкова:

Опять горить востокъ... Опять и кровь и стонъ...
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятье...
Опять блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
По брѣгьямъ о Христѣ молящія объятья.

Европа на сей раз внимает ихъ мольбамъ!
Но взоры ихъ слѣдятъ за царственной Россіей:
Тамъ царь—помазанникъ, стратигъ Востока тамъ;
Туда указано предъ смертью Византіей!
И знаетъ это Русь, и долгъ свой приняла
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода
И мысль великая съ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей и въ чаяньяхъ народа.
Ужъ близко Николай у цѣли былъ... но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала-ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить то нынѣ сердцу сына?»

Не могъ и взывать съ г. Иловайскимъ къ наслѣднику Обреновичей, а только шепталъ про себя слова Гарibaldi, обращенныя къ Герцеговинцамъ: „не полагайтесь на дипломатію: она, какъ безсердечная старуха, обманетъ васъ несомнѣнно; всѣ люди съ сердцемъ на вашей сторонѣ. Даже Англія, всегда оказывавшая Турціи расположеніе, объявила устами одного изъ своихъ государственныхъ мужей, что она должна отдать предпочтеніе союзу свободныхъ народовъ предъ одряхлѣвшимъ правленіемъ полумѣсяца.“

Въ такомъ недоумѣніи, когда я сидѣлъ вечеромъ за письменнымъ столомъ надъ неконченною статьею, развертываю я „Московскія вѣдомости“ и читаю телеграмму: «въ Правительственномъ Вѣстникѣ напечатано оффиціальное сообщеніе, сущность коего состоитъ въ слѣдующемъ: важныя событія на Балканскомъ полуостровѣ застали Россію не одну, а въ союзѣ съ двумя державами, одинаково одушевленными миролюбіемъ: Союзъ этотъ является не рѣшителемъ судебъ Европы, а охранителемъ ея свободы и спокойствія. Доступъ въ него открытъ всѣмъ ищущимъ мира. Участвуя въ этомъ союзѣ, Россія не принесла въ жертву симпатіи къ восточнымъ христіанамъ. Проникнутый этими симпатіями и сознаниемъ опасностей, угрожающихъ Европѣ, Императорскій

кабинетъ первый возвысилъ голосъ въ защиту Герцеговинцевъ, а Австрія и Пруссія оказали ему содѣйствіе. Совокупное миролюбивое вмѣшательство имѣло слѣдствіемъ посылку консульской комиссіи и изданіе султанскаго ираде. Никто не сомнѣвается въ желаніи султана облегчить участь христіанъ, но примѣры недавняго прошлаго побуждаютъ Европейское общественное мнѣніе относиться къ ираде недовѣрчиво; съ другой стороны довѣріе христіанъ поколеблено такъ сильно, что Портъ трудно возстановить его безъ дружественнаго содѣйствія союзныхъ кабинетовъ. Кабинеты окажутъ это содѣйствіе Портъ, которая не преминетъ дать имъ осязательныя доказательства непреклонной рѣшимости исполнить свои обѣщанія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что теперешній бѣдственный порядокъ долженъ будетъ прекратиться.“

Государь по милости Божіей освободилъ уже 25 милліоновъ людей въ Россіи, Польшѣ, Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. Славяне не перестаютъ взирать на него съ вѣрою въ свою лучшую участь. Они чувствуютъ, что онъ и только онъ одинъ можетъ если не совсѣмъ освободить ихъ, то хоть облегчить ихъ долю.

Засѣданіе Городской думы, 9 окт. 1875 г.

На очередь выступилъ вопросъ о помощи жителямъ Босніи и Герцеговины. Гласный М. П. Погодинъ, какъ и слѣдовало ожидать, сказалъ по этому поводу нѣсколько горячихъ и глубоко прочувствованныхъ словъ въ пользу страждующихъ Славянъ и требовалъ назначенія имъ возможно большаго пособія.

«О страданіяхъ Герцеговинцевъ, сказалъ онъ, распространяться не нужно послѣ того, что всякій день печатается о нихъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ. 20 тысячъ семействъ, т. е. стариковъ, женщинъ, дѣтей, загнаны въ горы, гдѣ не имѣютъ, куда приклонить голову подъ осенними дождями, въ ожиданіе зимнихъ холодовъ. Англичане, Французы и Нѣмцы открыли годписку для Герцеговинцевъ во всѣхъ главныхъ городахъ европейскихкихъ. Мы ли уступимъ имъ въ чувствахъ состраданія къ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ?»

«Но у насъ есть теперь, говорятъ, свои несчастные, которымъ помогать мы обязаны, напр. жители Моршанска, Брянска... На это замѣчу: наши несчастные все таки дома—на святой Руси съ голоду никто не умиралъ—они хоть изъ оконъ могутъ получать подаваніе, а въ Герцеговинскихъ горахъ нѣтъ вѣдь и ни одного окна, изъ котораго бы могла быть подана милостыня.

«Помочь должны мы, милліонъ рублей долженъ быть посланъ изъ Россіи, да корабль изъ Одессы одинъ съ мукою, а другой съ сухарями. Вотъ такая помощь не только утолила бы на долго голодъ голодающихъ, но и оставалась бы сильно въ сердцахъ всѣхъ Славянъ,—а ихъ 30 милліоновъ. Неужели это невозможно?»

у насъ считается 700 городовъ и столько же уѣздовъ: мудрено ли получить по сту рублей изъ каждаго? А вотъ Касимовъ одинъ, какъ напечатано въ нынѣшнихъ газетахъ, далъ тысячу *)—такимъ образомъ составитя уже сумма почтенная! Прибавьте до ста Губернскихъ городовъ. Нужно только расшевелиться русскимъ людямъ. Москва, которая въ сознаніи всего Славянскаго міра занимаетъ первое мѣсто, на которую Славяне всѣ смотрятъ, какъ мусульмане на Мекку, должна дать примѣръ. Если мы назначали до десяти тысячъ на разныя угощенія и иллюминаціи, то неужели задумаемся при разсужденіяхъ о такой вопіющей необходимости? Мы должны дать все, что только можно въ настоящую минуту по соображеніямъ Управы.»

*) Послѣ доставлено извѣстіе, что въ Касимовѣ еще собрано 500 руб., въ Екатеринбургѣ больше тысячи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страни.
Введеніе.	—
Чему и какъ надо учить Болгаръ и Сербовъ въ Москвѣ .	3.
Окружное посланіе къ Славянамъ 1862 года Марта 25 въ день Благовѣщенія	9.
Къ Галицкимъ братьямъ	17.
Объ отношеніи Россіи къ Славянамъ	23.
Лекція о Славянахъ, читанная въ Этнографическомъ Обще- ствѣ 4 Апрѣля 1867 года	27.
Замѣтки	46.
Нѣсколько словъ о Великорусскомъ племени, сравнительно съ прочими Славянскими племенами	48.
Разныя замѣтки о Славянахъ	52.
Годовщина Славянскаго съѣзда въ Москвѣ, 16 Мая 1868 г.	61.
Славянскія нужды	79.
Къ исторіографу Богеміи Палацкому	83.
Замѣтка	99.
Рѣчь на обычномъ обѣдѣ 16 Мая	107.
Письмо къ редакторамъ русскихъ газетъ	118.
Письмо къ Гр. Б-ой 7 Декабря 1853 года	121.
Рѣчь въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Коми- тета въ 1872 году	131. ¹
Петербуржскому оппоненту	137. ¹
При празднованіи пятисотлѣтней годовщины Гусовой 25 Августа 1869 года ,	140.
Рѣчь въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Коми- тета 1875 года	153.
Засѣданіе Городской Думы 1 Октября 1875 года	165.

Цѣна „СОБРАНІЮ“ 75 коп. сер.

Продается у всѣхъ главныхъ Книгопродавцевъ. Складъ изданія находится при типографіи **Погодиной**, Софійская Набережная, д. Котельниковой; тамъ же, получать можно всѣ изданія покойнаго **М. П. Погодина**. Гг. Книгопродавцамъ обыкновенная уступка, при большомъ требованіи 25% и болѣе.

